

65.3.452

В . И . Б О В Ы К И Н

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ
РОССИИ

— КОНЕЦ XIX ВЕКА —

— 1917 ГОД —

В. И. Б О В Ы К И Н

Очерки истории
ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ
России

КОНЕЦ XIX ВЕКА—1917 ГОД

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1960

ГЛАВА I.

ОТ СОЮЗА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ К СОЮЗУ С ФРАНЦИЕЙ

§ 1. УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ГЕРМАНИЕЙ

Начало изменения расстановки сил в Европе. 60—70-е годы XIX века явились, как указывал В. И. Ленин, высшей, предельной ступенью развития свободной конкуренции в Западной Европе *. С середины 70-х годов в передовых европейских странах начинается постепенный переход старого, «свободного» капитализма в империализм.

Быстро увеличивается концентрация производства и капитала. Из концентрации вырастают монополии — объединения крупнейших капиталистических предприятий с целью уничтожения конкуренции. В руках у таких объединений оказываются целые отрасли промышленности и промышленные районы. Банки, сосредоточив у себя огромные капиталы, превращаются из скромных посредников при производстве платежей во всемогущие властители денежного рынка. Связи банков с промышленностью становятся все теснее и неразрывнее. В результате сращивания банковского капитала с промышленным возникает финансовый капитал. «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия», — писал В. И. Ленин **.

Финансовая олигархия — горстка руководителей крупнейших банков и монополий — подчиняет себе не только экономическую, но и политическую жизнь передовых капиталистических государств, включая и их внешнюю политику.

Капитализму становится все более тесно в рамках национальных границ. Поскольку в условиях господства монополий появилась возможность увеличивать прибыли, не расширяя производства, в передовых капиталистических странах создается громад-

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 190.

** Там же, стр. 214.

ный избыток капитала. Ища поприща прибыльного приложения, этот капитал устремляется в отсталые страны. Вывоз капитала становится важнейшей формой международного экономического обмена, оттесняя на второй план вывоз товаров.

Установление монополии внутри капиталистических стран неизбежно вело к обострению конкуренции на мировом рынке. В борьбе за мировой рынок финансовый капитал либо шел по пути создания международных монополистических союзов, либо стремился использовать внешнеполитический аппарат и военную мощь соответствующих государств с тем, чтобы обеспечить свои интересы путем территориальных захватов. Но свободных территорий оставалось уже мало. Между тем число претендентов на них значительно увеличилось за счет молодых капиталистических государств: Германии, США и Японии. В результате захват колоний мог быть осуществлен лишь в тяжелой борьбе (дипломатической или даже военной) с соперниками.

Именно в этот переходный период в Европе начинается складывание военных и политических блоков, столкновение которых в 1914 г. вызвало первую мировую войну.

Перегруппировка политических сил в Европе была вызвана, с одной стороны, зарождением и обострением империалистических противоречий, а с другой стороны, выявлением и укреплением империалистических связей в процессе перерастания домонополистического капитализма в империализм.

Россия занимала особое место среди великих европейских держав. В середине XIX века она только еще вступала на путь капиталистического развития.

Осуществление внешней политики царской России находилось в руках наиболее реакционных элементов господствующего класса. Дипломатический аппарат царского самодержавия всегда отличался сословной замкнутостью. Он рекрутировался из наиболее знатных семей титулованного дворянства. Однако в конце XIX века новые капиталистические веяния начали проникать и сквозь толстые стены министерства иностранных дел в Петербурге. По мере того как вопрос о развитии внешней торговли и финансовых связей России с иностранными государствами занимал все более важное место в деятельности царской дипломатии, она все чаще выступала в роли прямого защитника интересов русской буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Внешняя политика царского самодержавия постепенно теряет свой прежний дворянско-династический характер. Вопросы внешней политики привлекают внимание общественного мнения страны, они становятся предметом обсуждения русской буржуазно-помещичьей печати.

Франко-прусская война 1870—1871 гг. нанесла сокрушительный удар по сложившейся расстановке сил в Европе. Гегемония Франции была подорвана. На месте мелких, раздробленных немецких государств возникла могущественная Германская импе-

рия. Это явилось первым шагом в начавшейся политической перегруппировке в Европе.

К. Маркс указывал, что захват Германией Эльзаса и Лотарингии в результате франко-прусской войны «это — вернейший способ превратить эту войну в *европейскую конституцию*. Это — безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие до тех пор, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать отнятую у нее территорию обратно» *.

Стремясь закрепить господствующее положение Германии, Бисмарк в 1879 г. заключил союз с Австро-Венгрией. В 1882 г. к этому союзу присоединилась Италия. Союз Германии и Австро-Венгрии резко нарушил равновесие сил в Европе. Австро-германское соглашение 1879 г. поставило на повестку дня европейской политики вопрос о создании какой-то новой коалиции, которая смогла бы противостоять блоку Германии и Австро-Венгрии. Союз Германии и Австро-Венгрии, острие которого было направлено против Франции и России, создавал стратегические предпосылки для объединения России и Франции. Именно с момента заключения австро-германского соглашения принято начинать предысторию франко-русского союза. Определяя хронологические рамки истории подготовки этого союза, В. И. Ленин в своих хронологических таблицах отметил: «1879—1891 (франко-русский союз)» **. Как мы видим, потребовался довольно длительный срок (более 10 лет), прежде чем союз России и Франции стал фактом.

Усиление Германии и позиция России.

Быстрое усиление Германии вызывало опасения в правящих кругах царской России. Еще в период австро-прусской войны 1866 г. газета «С.-Петербургские ведомости» обращала внимание на то, что, поддерживая «честолюбивые замыслы прусских политиков», Россия может создать себе «беспокойного соседа».

Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. большинство русских газет и журналов от реакционных «Московских ведомостей» до либерального «Русского вестника» высказывало свое сочувствие Франции.

Но хотя русский канцлер А. М. Горчаков после франко-прусской войны неоднократно заявлял о том, что России «нужна сильная Франция», это отнюдь не означало перемены направления внешней политики царского правительства и отхода его от прежнего прогерманского курса. Союз с Францией ничего не мог дать России, так как Франция была слишком слаба. Но он таил в себе определенную опасность, так как мог быть использован реваншистскими элементами во Франции для того, чтобы втянуть Россию в столкновение с Германией. Царская дипломатия видела единственный выход из создавшегося положения в нейтрализации германской политики путем укрепления отношений с Германией.

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 68.

** В. И. Ленин, Тетради по империализму, М., 1939, стр. 462,

Этот внешнеполитический курс нашел свое выражение в союзе трех императоров, заключенном в 1873 г.

Соглашение, получившее в истории международных отношений такое громкое название, фактически не было союзом, а представляло собой лишь консультативный пакт. По этому соглашению три монарха — Александр II, Вильгельм I и Франц-Иосиф — обещали друг другу в случае возможных разногласий между ними по частным вопросам «сговориться так, чтобы эти разногласия не могли одержать верх над соображениями высшего порядка». Они обязались также при угрозе нападения со стороны какой-либо четвертой державы, «не ища и не заключая новых союзов», сначала договориться между собой о совместном образе действий. Если бы при этом возникла необходимость в военных действиях, их характер должна была определить особая конвенция¹.

В основе союза трех императоров лежало не единство целей и заинтересованность в каких-либо совместных действиях сторон, а их взаимная боязнь и стремление не допустить усиления друг друга. Бисмарк стремился путем заключения этого соглашения освободить руки для нападения на Францию, но он не достиг своей цели. Военная тревога 1875 г., когда Франция и Германия вновь оказались на грани войны, показала, что Россия не позволит вторично разгромить Францию. В свою очередь Горчакову не удалось путем заключения союза трех императоров помешать австро-германскому сближению. Тем не менее это соглашение, обязывая его участников предварительно консультироваться друг с другом по всем спорным вопросам, создавало некоторые предпосылки для разрешения возможных конфликтов.

Прежнего курса на улучшение отношений с Германией продолжал придерживаться и Н. К. Гирс, сменивший в 1879 г. Горчакова на посту руководителя внешней политики России. В результате в 1881 г. состоялось возобновление союза трех императоров. Однако, в отличие от консультативного пакта 1873 г., новый договор был соглашением о нейтралитете. По этому договору Россия, Германия и Австро-Венгрия обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае, если одна из участниц договора оказалась бы в состоянии войны с четвертой великой державой. Это означало, что Россия должна соблюдать благожелательный нейтралитет в случае франко-германской войны, а Германия и Австро-Венгрия — англо-русской. Русско-австро-германский договор 1881 г. обеспечил России более благоприятную международную обстановку на случай столкновения ее с важнейшим в то время и наиболее опасным противником — Англией, гарантировав ей благожелательный нейтралитет Германии и Австро-Венгрии и ослабив опасность появления английского флота в Черном море. Вместе с тем, поскольку этот договор урегулировал русско-австрийские отношения на Балканах, он на некоторое время нейтрализовал антирусскую направленность австро-

германского союза. Заключенный на три года, договор России, Австрии и Германии был в 1884 г. продлен на такой же срок².

Социально-экономические основы прогерманского курса правящих кругов России.

Прогерманский внешнеполитический курс правящих кругов царской России имел под собой реальные социально-экономические основы. Между Германией и Россией существовали прочные экономические связи. Германия издавна являлась одним из важнейших экспортеров русского хлеба. Она стояла на втором месте после Англии, поглощая ежегодно (за период с 1861 по 1880 г.) от 11 до 20% всего русского хлебного экспорта. В Германию, в отличие от Англии, ввозившей главным образом пшеницу, шла преимущественно рожь. Русская рожь составляла более половины германского импорта ржи. В то же время Германия экспортировала пшеницу главным образом в Англию. Большая часть русской пшеницы, ввозимой в Германию, после помола также вывозилась за ее пределы. Вместе с тем Германия являлась важнейшим поставщиком промышленных товаров для России. К концу 70-х годов Германия занимала первое место по ввозу в Россию машин и металлоизделий.

Все это означало, что довольно широкие круги русских помещиков, экспортировавших хлеб в Германию, а также русской буржуазии, связанной с германской промышленностью, были заинтересованы в улучшении отношений с Германией. За союз с Германией выступало и сохранившее связи с Германией прибалтийское немецкое дворянство. Германофильская партия была очень сильна при царском дворе. Она имела многочисленных сторонников и в министерстве иностранных дел. Среди них прежде всего надо упомянуть самого министра — Гирса, его главного советника — В. Н. Ламсдорфа, влиятельных русских дипломатов — Павла и Петра Шуваловых.

Позиции сторонников союза с Германией усиливались также тем обстоятельством, что на германском денежном рынке царское правительство размещало обычно свои займы, без которых оно не могло преодолеть бюджетный дефицит. Германские придворные круги и царскую камарилью связывали традиционные династические узы, которые играли известную роль в определении внешнеполитической ориентации России.

Переговоры с Германией о заключении двустороннего договора.

Однако в 80-х годах XIX в. в экономических и политических отношениях европейских государств назревают важные изменения. Усиление австрийской экспансии на Балканы в 80-х годах вызвало резкое ухудшение отношений между Россией и Австро-Венгрией. Одновременно зарождаются и русско-германские экономические противоречия.

Переломным моментом в истории внешней политики России явился 1887 г. Обострение русско-австрийских противоречий на Балканах, особенно в период болгарского кризиса 1885—1887 гг.,

сделало невозможным дальнейшее сохранение союза трех императоров, срок которого истекал в марте 1887 г. В создавшихся условиях, указывал Ф. Энгельс, анализируя международную обстановку в 1886 г., «царь вынужден превозмочь свою антипатию к французской республике и должен либо заключить с ней союз, либо добиться от Бисмарка согласия на русскую восточную политику» *.

И действительно, царская дипломатия в конце 1886 г. сделала попытку заключить с Германией двусторонний союзный договор, направленный против Австро-Венгрии. Между тем правящие круги Германии давно уже вынашивали план вторичного разгрома Франции для того, чтобы не позволить ей оправиться от перенесенной катастрофы. Но Бисмарк не решился приступить к исполнению этого плана, опасаясь вмешательства России. Теперь же открылась счастливая возможность, воспользовавшись предложением России, получить от нее согласие на разгром Франции. Бисмарк охотно пошел на переговоры о заключении двустороннего договора с Россией. Для ведения этих переговоров в Берлин был послан один из наиболее ревностных сторонников прогерманской ориентации, пользовавшийся личным расположением Бисмарка, генерал Петр Шувалов (брат русского посла в Берлине Павла Шувалова).

29 декабря 1886 г. (10 января 1887 г.) во время беседы между Петром Шуваловым и Бисмарком был составлен проект русско-германского договора, по которому Германия должна была получить столь желанный дружественный нейтралитет России «во всяком конфликте, который мог бы возникнуть между Германией и Францией» в обмен на обязательство Германии признать за Россией «исключительное право на влияние в Болгарии» и соблюдать дружественный нейтралитет, если российский император сочтет необходимым «обеспечить закрытие проливов и сохранить в своих руках ключ от Черного моря».

Решив немедленно воспользоваться результатами переговоров, Бисмарк уже на следующий день, 30 декабря 1886 г. (11 января 1887 г.), выступил в рейхстаге с нашумевшей речью, в которой он, ссылаясь на дружбу с Россией, угрожал войной Франции. В последующие дни Бисмарк принял все меры для того, чтобы предельно обострить франко-германские отношения.

Между тем, когда Петр Шувалов вернулся в Петербург, там нашли составленный им проект договора «чрезвычайно слабым». Дело в том, что Бисмарку удалось включить в этот проект пункты, по которым Россия должна была взять на себя обязательство «ничего не предпринимать против территориальной целостности Австро-Венгрии» и признать Сербию сферой австрийского влияния. Таким образом, Бисмарк не желал приносить в жертву России своего союзника — Австро-Венгрию. Он готов был по-

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 584.

жертвовать лишь некоторыми ее интересами на Балканах, в частности в Болгарии. Что же касается обязательства Германии по вопросу о проливах, то Россия не могла им воспользоваться, поскольку против русской внешней политики на Ближнем Востоке выступал целый ряд держав, в том числе Англия. Другими словами, гарантия нейтралитета на случай франко-германского столкновения, обещанная Петром Шуваловым Бисмарку, была слишком дорогой ценой за обязательство Германии.

В этот же день, 5 (17) января 1887 г., Гирс написал Павлу Шувалову, что он смотрит на предложения его брата Бисмарку, как на частные разговоры двух друзей, которые не могут иметь никакого официального характера. Послу в Берлине предписывалось совершенно воздержаться от разговора с Бисмарком о заключении русско-германского договора.

Молчание русского посла было красноречивее слов. Бисмарку стало ясно, что составленный им совместно с Петром Шуваловым проект договора не встретил одобрения в Петербурге. «Так как предложение Шувалова осталось без всякого отклика, — телеграфировал Бисмарк германскому послу в Петербурге Швейницу 5 (17) февраля 1887 г., — то я отсюда заключаю, что оно не имело успеха и что, следовательно, мы не можем рассчитывать на то, что Россия склонна на него пойти». Будучи вынужден вновь отказаться от осуществления своих планов разгрома Франции, Бисмарк стал свертывать антифранцузскую кампанию.

Русско-германский договор 1887 г.

Угроза нового разгрома Франции вызвала довольно широкую антигерманскую кампанию в русской печати. Газеты различных направлений выступали против поддержки внешней политики Германии. «Быть поклонником внешней политики князя Бисмарка, — писала в марте 1887 г. крайне правая газета «Новое время», — значит быть поклонником уничтожения Франции, а никто из русских, к какой бы он партии ни принадлежал, этого не может желать».

Испугавшись, что его действия могут привести к сближению между Россией и Францией, Бисмарк приложил все усилия, чтобы добиться заключения русско-германского соглашения. Не отказалась от своей идеи двустороннего соглашения с Германией и царская дипломатия. Отношения между Россией и Австро-Венгрией продолжали ухудшаться. Не устранена была и опасность военного столкновения с Англией³. В этих условиях дипломатическая изоляция России не предвещала ничего хорошего. В конце апреля 1887 г. Павел Шувалов, захватил с собой составленный в Петербурге новый проект русско-германского договора, выехал в Берлин. Первая статья этого проекта гласила: «В случае, если одна из высоких договаривающихся сторон окажется в войне с третьей державой, другая будет со своей стороны соблюдать благожелательный нейтралитет и приложит свои усилия к локализации конфликта».

Ознакомившись с этой статьей, Бисмарк заявил, что не может допустить нападения России на Австрию, и прочел изумленному Шувалову текст секретного австро-германского договора 1879 г. (по которому Германия обязывалась оказать помощь Австрии в случае нападения на нее России). Это вызвало соответствующую оговорку и со стороны Шувалова в отношении Франции.

В результате в русско-германском договоре, подписанном 6 (18) июня 1887 г. в Берлине, взаимные обязательства Германии и России соблюдать благожелательный нейтралитет в случае, если одна из договаривающихся сторон оказалась бы в войне с любой третьей державой, распространялись на Австро-Венгрию и Францию только при условии их нападения на Россию или Германию⁴.

**Обострение
экономических
противоречий
между Россией
и Германией.**

Не удовлетворив ни Германию, ни Россию, русско-германский договор 1887 г. не смог помешать ухудшению русско-германских отношений. Это ухудшение было самым тесным образом связано с обострением экономических противоречий между Россией и Германией.

С конца 70-х — начала 80-х годов, когда на европейский рынок начала поступать дешевая пшеница из США, Канады, Аргентины, Австралии, германский экспорт хлеба в Англию резко сократился. За пятилетие 1876—1880 гг. ежегодный вывоз пшеницы из Германии был равен 548,8 тыс. тонн, а в 1886—1890 гг. он упал до 2,6 тыс. тонн. Огромное количество пшеницы, которое раньше вывозилось на внешний рынок, теперь должно быть продано в самой Германии. И если на внутреннем рынке германские производители хлеба могли еще конкурировать с привозной океанской пшеницей, то с русской рожью конкурировать они не были в состоянии. В связи с этим, защищая интересы прусского юнкерства, германское правительство трижды (в 1879, 1885 и 1887 годах) повышало пошлину на хлеб. Русский экспорт хлеба в Германию начал уменьшаться.

В то же время развивавшаяся русская промышленность приходила во все более острое столкновение с германским экспортом промышленных товаров. Пользуясь отсталостью русского капитализма, германская промышленность быстро увеличивала ввоз своих изделий в Россию, стремясь полностью захватить русский рынок. В связи с этим молодая русская буржуазия начинает все более энергично требовать введения запретительных пошлин, способных защитить отечественную промышленность от иностранной конкуренции. Учитывая интересы русской буржуазии и исходя из необходимости укреплять государственную казну, царское правительство в 70-х годах вступило в своей таможенной политике на путь протекционизма и в течение 80-х годов неоднократно повышало пошлины почти по всем статьям привоза, в частности на чугун, железо, сталь, рельсы, машины, ткани и т. д. Следствием этого было заметное падение доли германских това-

ров в русском импорте. Если в 1877 г. эта доля равнялась 46%, то в 1887 г. она сократилась до 29%. Протекционистские мероприятия царского правительства чувствительно задели интересы германской буржуазии. Между Россией и Германией разгорелась таможенная война. Обе стороны все более и более поднимали пошлины на предметы ввоза⁵.

Воспользовавшись тем, что русские государственные займы обычно размещались на берлинской бирже, Бисмарк осенью 1887 г. попытался вызвать финансовый крах царского правительства. Всем прусским государственным учреждениям было предписано продать принадлежавшие им русские ценные бумаги. Вслед за этим Имперский банк и Банк торгового мореплавания прекратили выдавать ссуды под русские ценности. Германская пресса начала широкую кампанию против русского кредита.

Ухудшение политических отношений между Россией и Германией.

Обострение экономических противоречий неизбежно должно было вызвать ухудшение политических отношений между Россией и Германией. После ухода Бисмарка в отставку новый канцлер Каприви не только отказался возобновить русско-германский договор 1887 г., срок которого истекал в 1890 г., но и проявил стремление к сближению с Англией. Летом 1890 г. было подписано англо-германское соглашение, по которому Германия, в обмен на ряд территорий в Африке, получила Гельголанд. На следующий год, в мае 1891 г., состоялось торжественное возобновление Тройственного союза (т. е. союза Германии, Австро-Венгрии и Италии), сопровождавшееся демонстрациями дружбы между его участниками и Англией.

§ 2. СКЛАДЫВАНИЕ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА

Экономические основы франко-русского союза.

Обострение русско-германских противоречий вынудило царское правительство отойти от традиционной политики поддержания дружественных отношений с Германией. Какие же факторы обусловили выбор новой политической ориентации?

К 80-м годам XIX в. свободное развитие капитализма в передовых государствах Западной Европы, таких, как Англия и Франция, достигло своего предела. Замедление темпов роста промышленности в этих государствах неизбежно вело к высвобождению значительных денежных средств, в результате чего там начинает ощущаться избыток свободных капиталов. Такое явление было особенно характерно для Франции, поскольку после отторжения от Франции Эльзаса и Лотарингии французская промышленность, потеряв собственные источники угля, оказалась неспособна конкурировать на внешнем рынке с промышленностью Англии и Германии.

В то время как на Западе, и прежде всего во Франции, наблюдался избыток свободных капиталов, в России к концу 80-х годов особенно остро стала ощущаться потребность в них. Развитие капиталистической промышленности в России в этот период становится особенно бурным. Невиданных масштабов достигает и железнодорожное строительство. Все это требовало огромных капиталовложений, которых не мог обеспечить внутренний денежный рынок.

Царское правительство для покрытия постоянного бюджетного дефицита также нуждалось в весьма значительных внешних займах. Финансовое положение России в 80-х годах, после русско-турецкой войны, было крайне тяжелым. За десять лет, с 1876 г. по 1886 г., государственный долг России возрос с 2949 млн. руб. до 4418 млн. руб.

Так возникла почва для установления финансовых связей между Россией и Францией. Уже в 70-е годы французский капитал начинает довольно активно проникать в Россию. В Петербурге открывает свое отделение крупнейший французский банк — Лионский кредит. При деятельном участии французских банкиров в 1871 г. учреждается Азовско-Донской банк. К 70-м годам относится также основание в России ряда французских промышленных обществ. Из 17 иностранных предприятий, основанных в России с 1869 по 1887 г., 9 было французских.

Французские финансовые деятели сумели использовать благоприятную обстановку, которая сложилась в результате ухудшения русско-германских отношений и, в частности, вследствие мероприятий Бисмарка, направленных против русского кредита. Выброшенные на германский денежный рынок русские ценные бумаги (облигации государственных займов и акции промышленных предприятий) были скуплены парижскими банками. В конце 1887 г. группа французских банкиров начала переговоры с царским правительством о размещении во Франции целого ряда русских займов. В ноябре 1888 г. на парижской бирже были выпущены облигации первого русского 4-процентного займа на сумму 500 млн. франков. В следующем году Россия заключила еще два займа: один — на 700 млн. франков, а другой — на 1200 млн. франков. В январе и марте 1890 г. последовали новые русские займы во Франции.

**Сторонники
франко-русского
союза во Фран-
ции и в России.**

Установление финансовых связей послужило экономической основой сближения России и Франции. Курс на это сближение был провозглашен в обеих странах сторонниками активной политики, направленной против Германии.

Союз с Россией французским правящим кругам не нужен был в то время, когда они придерживались пассивной, оборонительной тактики в отношении Германии: Россия и без союза с Францией не допустила бы ее вторичного разгрома. Всякий раз, когда возникала угроза войны между Германией и Францией (так называе-

мые «военные тревоги» 1875, 1885, 1887 годов), Россия выступала в защиту Франции. Союз с Россией понадобился французским правящим кругам тогда, когда Франция в достаточной степени оправилась от поражения, понесенного в результате франко-прусской войны, и когда на повестку дня был поставлен вопрос о реванше. Именно реваншистские круги Франции впервые выдвинули идею сближения с Россией. По мере того как развитие франко-русских финансовых связей затрагивало все более широкие круги французской буржуазии, эта идея стала оказывать сильное влияние на внешнюю политику Франции. В результате в конце 80—начале 90-х годов французская дипломатия принимает все меры, чтобы добиться улучшения взаимоотношений с царской Россией.

В России с требованием отказа от прогерманского курса и пересмотра внешнеполитической ориентации царского правительства выступила, с одной стороны, промышленная буржуазия, заинтересованная в повышении охранительных таможенных пошлин, а с другой стороны — довольно значительная часть помещиков. Некоторые из этих помещиков полагали, что отстаивать интересы русских хлебных экспортеров можно не путем уступок, а лишь осуществляя твердый курс по отношению к Германии. Другие, потеряв надежду на экспорт хлеба за границу, делали ставку на развитие промышленности в России, в результате которого должен был повыситься спрос на хлеб на внутреннем рынке.

Рупором этой группировки, образование которой явилось результатом консолидации интересов буржуазии и помещиков, был редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков. «Верный сторожевой пес русского самодержавия»*, реакционер и монархист Катков был тесно связан с русскими буржуазными кругами и сам участвовал в финансовых и промышленных операциях. Он активно содействовал назначению в 1887 г. управляющим министерством финансов буржуазного ставленника И. А. Вышнеградского, сторонника политики усиленного таможенного протекционизма и привлечения иностранного капитала в русскую промышленность (в 1888 г. он был назначен министром финансов). С июля 1886 г. Катков на страницах «Московских ведомостей» повел энергичную кампанию против немецкой ориентации внешней политики Гирса. Доказывая, что такая ориентация противоречит интересам России, он настаивал на сближении с Францией. Эта же мысль проводилась также в ряде записок, с которыми в конце 1886 — начале 1887 г. Катков неоднократно обращался к царю. Идея сближения с Францией постепенно проникает в высшие правящие сферы царской России. Она приобретает сторонников в лице обер-прокурора синода К. П. Победоносцева, пользовавшегося большим влиянием на Александра III, царских минист-

* Так в порыве верноподданнического усердия назвал себя сам Катков.

ров Н. П. Игнатьева и Д. А. Толстого, начальника генерального штаба Н. Н. Обручева и др.

Однако сторонникам сближения с Францией было нелегко преодолеть сопротивление германофильской партии. В то время как Россию и Германию связывали традиционные союзнические узы, отношения между Россией и Францией в течение длительного периода были натянутыми. Франция была извечным противником внешней политики России на Ближнем Востоке. Между Францией и Россией существовали исключительно острые противоречия по польскому вопросу. Даже после поражения во франко-прусской войне французская дипломатия продолжала, как правило, занимать антирусскую позицию. В частности, такую позицию она занимала на Берлинском конгрессе. К тому же правящие круги царской России весьма подозрительно относились к республиканскому режиму во Франции, с вечно меняющимися министерствами, бесконечными парламентскими дебатами и буйными припадками шовинизма и реваншизма.

**Начало
сближения.**

В 1887 г. в правящих кругах царской России, несомненно, наметился поворот к сближению с Францией. Но германофильская партия была еще очень сильна и не желала уступать свои позиции. Александр III колебался. Хотя он терпеть не мог Бисмарка и с подозрением относился к его внешнеполитическим действиям, но еще больше он не доверял республиканскому правительству Франции. Серьезные опасения внушало царю и реваншистское движение во Франции, особенно активизировавшееся во второй половине 80-х годов. Александр III не верил в военные силы Франции. Поэтому хотя он и разочаровался в союзе с Германией, но к союзу с Францией относился скептически. Но чем острее становились русско-германские противоречия, тем благоприятнее относились в царской России к идее сближения с Францией. Во Франции число сторонников союза с Россией также быстро росло по мере того, как все шире становился круг подписчиков на русские займы.

Отказ германского правительства весной 1890 г. продлить договор перестраховки заставил царское правительство серьезно задуматься о дальнейшей внешнеполитической ориентации России. Именно в это время руководители внешней политики Франции принимают все меры, чтобы добиться сближения с Россией. Стремясь завоевать расположение русского царя, французское правительство идет даже на такой шаг, как арест в мае 1890 г. группы русских политэмигрантов в Париже. Эта мера вызвала восхищение Александра III. «Наконец-то во Франции есть правительство!» — воскликнул он. Царь был настолько тронут, что выразил французскому правительству, министру внутренних дел и префекту Парижа свою благодарность.

В результате, когда французское правительство через своего посла в Петербурге выразило желание, чтобы представитель

генерального штаба генерал Буадефр был приглашен на маневры русских войск летом 1890 г., такое приглашение было послано, и генерал Баудефр встретил в России самый любезный прием.

Во время маневров между генералом Буадефром и начальником русского генерального штаба генералом Обручевым состоялся широкий обмен мнениями по вопросу об оперативных задачах обеих армий в случае войны с Германией и ее союзниками. Хотя никаких документов в тот момент подписано не было, все же это являлось важным шагом на пути франко-русского сближения. Ободренное такими успехами, французское правительство весной 1891 г. поставило в Петербурге вопрос о заключении политического соглашения. Но русский министр иностранных дел Гирс уклонился от определенного ответа. Это немедленно вызвало ответную реакцию: в самую последнюю минуту парижский банкир Ротшильд, сославшись на преследование евреев в России, отказал царскому правительству в очередном займе.

Заключение союза.

Преподанный урок, совпавший к тому же с демонстративным возобновлением Тройственного союза в мае 1891 г., был правильно понят царским правительством. В результате переговоры о посещении французской военной эскадрой русских вод, начатые премьер-министром Франции Фрейсине еще в 1890 г., быстро получили положительное разрешение. В июле 1891 г. последовал визит французского флота в Кронштадт. А спустя несколько недель, 15/27/августа 1891 г., между Францией и Россией было достигнуто соглашение, по которому обе стороны обязывались при возникновении угрозы нападения на одну из них договориться о мерах, немедленное и одновременное принятие которых окажется необходимым.

Этот дипломатический акт, имевший характер консультативного пакта, не удовлетворял французские правящие круги. Стремясь обеспечить безусловную военную поддержку России на случай войны с Германией, французское правительство настойчиво добивалось, чтобы соглашение 1891 г. было дополнено определенными военными обязательствами. Летом 1892 г. в Петербурге состоялось совещание представителей французского и русского генеральных штабов, в результате которого был выработан проект военной конвенции между Россией и Францией. Статья первая этого проекта гласила: «Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все войска, какими она может располагать, для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все войска, какими может располагать, для нападения на Германию». Статья вторая обуславливала немедленную и одновременную мобилизацию военных сил России и Франции в случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из входя-

щих в него держав. Статья третья определяла количество войск, выставляемых в случае войны против Германии: Франция — 1300 тыс. человек, Россия — от 700 до 800 тыс. человек. Кроме того, конвенция предусматривала постоянные сношения между генеральными штабами Франции и России, а также содержала взаимное обязательство обеих держав не заключать сепаратного мира.

Проект военной конвенции, подписанный 5 (17) августа 1892 г. начальником русского генерального штаба генералом Обручевым и помощником начальника французского генерального штаба генералом Буадефром, должен был войти в силу после его ратификации правительством Франции и России. Будучи противником заключения франко-русского союза, Гирс пытался затянуть ратификацию проекта военной конвенции. Выполнить это намерение ему помешало само германское правительство.

В 1893 г. между Германией и Россией разразилась исключительно острая таможенная война. После введения в 1887 г. запретительных пошлин на хлеб, сильно ударивших по русскому экспорту, Германия заключила с рядом стран (США, Австро-Венгрией, Румынией) торговые договоры, на основе которых продукты, ввозимые из этих стран, стали облагаться не высокими ставками германского автономного тарифа, а пониженными конвенционными. Русский экспорт попал в исключительно неблагоприятное положение. Вследствие этого доля участия России в германском хлебном импорте сократилась за 1891—1893 гг. с 54% до 13,9%.

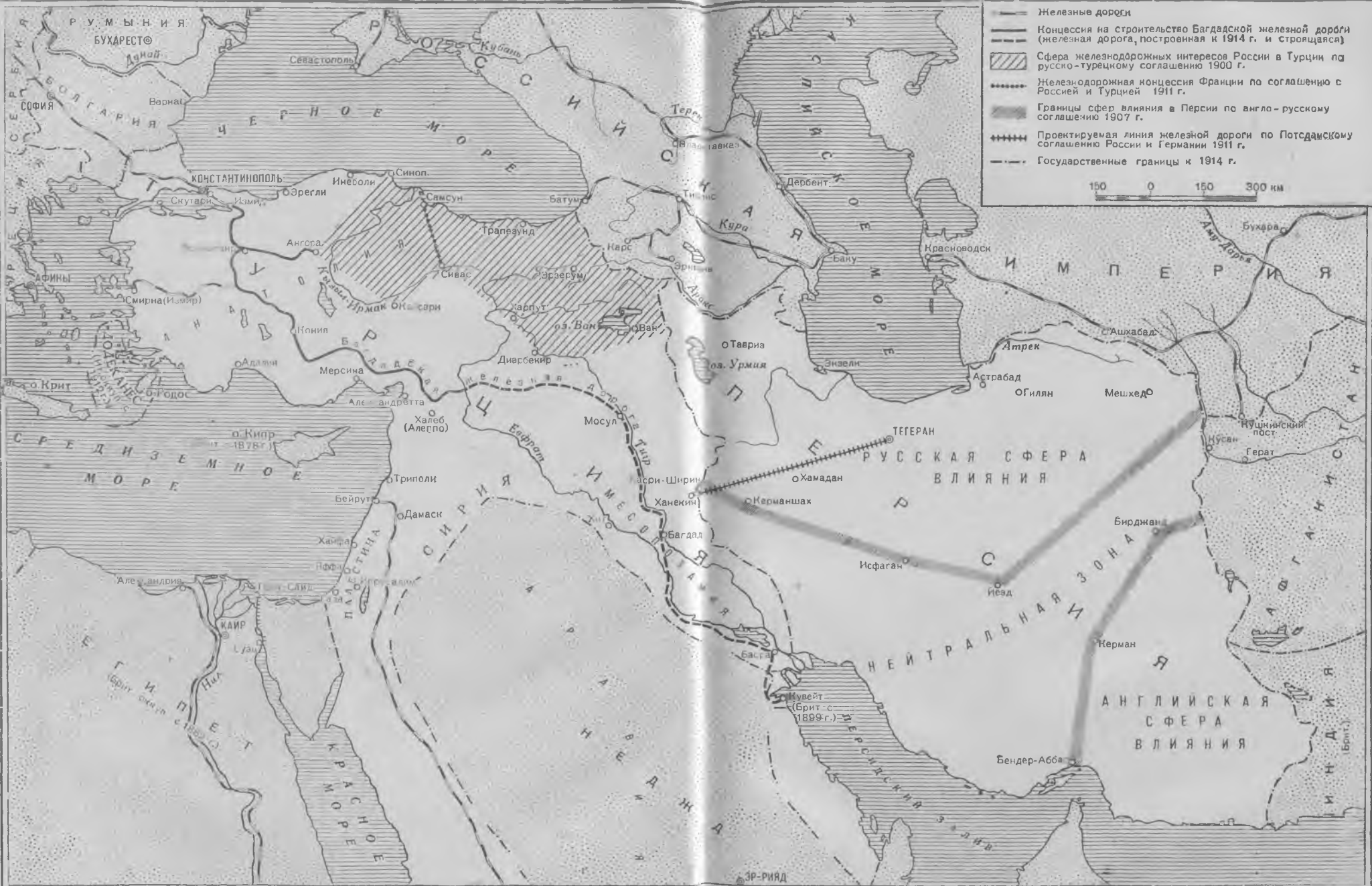
Не добившись от Германии соглашения о конвенционном понижении пошлин, царское правительство летом 1893 г. ввело в действие повышенный тариф по отношению к тем странам, которые не предоставляли России льготных условий вывоза. Тогда в Германии пошлины на русские товары были повышены на 50%. В свою очередь царское правительство увеличило на 50% пошлины на германские товары.

В этой напряженной атмосфере в декабре 1893 г. Александр III одобрил проект военной конвенции. 15 (27) декабря 1893 г. — 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.) состоялась ее ратификация⁶.

Заключение франко-русского союза завершило в основных чертах ту политическую перегруппировку, которая происходила в 70—90-х годах XIX в. в условиях перерастания старого, «свободного» капитализма в империализм. В результате этой перегруппировки в Европе сложились две могущественные коалиции; Германия, Австро-Венгрия и Италия, с одной стороны, Франция и Россия — с другой. Вне коалиций из великих держав Европы осталась одна лишь Англия.

Обеспечив в первые годы своего существования достаточно устойчивое равновесие сил в Европе, франко-русский союз спо-

РАЗДЕЛ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В КАНАУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

— Железные дороги
 - - - - - Концессия на строительство Багдадской железной дороги (железная дорога, построенная к 1914 г. и строящаяся)
 // // // // // Сфера железнодорожных интересов России в Турции по русско-турецкому соглашению 1900 г.
 Железнодорожная концессия Франции по соглашению с Россией и Турцией 1911 г.
 [штриховка] Границы сфер влияния в Персии по англо-русскому соглашению 1907 г.
 + + + + + Проектируемая линия железной дороги по Потсдамскому соглашению России и Германии 1911 г.
 - - - - - Государственные границы к 1914 г.

150 0 150 300 км

собствовал резкому обострению борьбы великих держав за окончательный раздел мира в конце XIX — начале XX в.

Важную роль в этой борьбе суждено было сыграть царской России, во внешней политике которой заключение франко-русского союза открыло новый этап, характеризующийся значительной активизацией колониальных захватов на Дальнем Востоке.

Г Л А В А II

В БОРЬБЕ ЗА КОЛОНИИ И СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ

§ 1. АКТИВИЗАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

**Причины
активизации
колониальной
политики России
в конце XIX в.**

Для России 90-е годы XIX в. явились периодом необычайного экономического подъема. Активное железнодорожное строительство, бурное развитие тяжелой промышленности юга России, рост могущества банковского капитала — все это значительно укрепило позиции русской буржуазии, усилило ее влияние на внешнюю политику царского самодержавия.

Узость внутреннего рынка царской России, которая особенно сильно стала ощущаться к концу 90-х годов, с приближением кризиса, побуждала русскую буржуазию обращать взгляды на Восток, где в этот момент развернулась ожесточенная борьба между передовыми капиталистическими странами за раздел колониальных территорий.

Важнейшими объектами развернувшейся борьбы были Оттоманская и Китайская империи. В случае их раздела колониальные владения передовых капиталистических держав должны были вплотную приблизиться к границам царской России. Это, во-первых, создало бы угрозу для ее отсталых окраин, а, во-вторых, сузило бы возможности для развития русского капитализма вширь. Поскольку распространение сферы господства капитализма на новые территории смягчало противоречие между передовыми формами промышленности и полусредневековыми формами земледелия внутри России*, в нем были заинтересованы не только капиталисты, но и помещики. Лишь активное участие царской России в предстоящих разделах могло обеспечить интересы российской буржуазии и дворянства. Таковы были причины, вызвавшие в конце XIX в. значительную активизацию колониальной политики царской России.

* См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 522.

Чем реальнее становилась угроза раздела Османской империи, тем внимательнее следила царская дипломатия за происками других держав, и прежде всего Англии, в отношении проливов.

В августе 1896 г., в связи с армянской резней в Константинополе, английское правительство направило к Дарданеллам сильную военную эскадру. Это вызвало решительные действия со стороны царского правительства. Оно сообщило в Лондон, что если британская эскадра войдет в Дарданеллы, русскому черноморскому флоту будет приказано занять Босфор. Учитывая твердую позицию, занятую Россией, Англия не пошла на обострение положения¹.

Другим соперником России на Ближнем Востоке была Австро-Венгрия. В 80—90-х годах ей удалось значительно усилить свое влияние в странах Балканского полуострова. Стремясь помешать австрийской экспансии, царская дипломатия во второй половине 90-х годов выдвинула лозунг сохранения на Балканах существующего положения (*status quo*). «Нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы разделаемся с другими, более спешными делами», — говорил министр иностранных дел России В. М. Муравьев², мотивируя внешнеполитический курс, избранный царским правительством. Первым проявлением этого курса было заключение в мае 1897 г. соглашения между Россией и Австро-Венгрией о поддержании *status quo* на Балканском полуострове³.

С конца 80-х годов на Ближний Восток устремился германский капитализм. Важнейшим орудием колониальной экспансии Германии становится Багдадская железная дорога.

В 1888 г. германская финансовая группа, возглавляемая Немецким банком, добилась от Турции предоставления ей концессии на постройку Анатолийской железной дороги: Измид—Эскишехир—Анкара (Ангора). Уже в 1892 г. постройка этой дороги была закончена. В 1893 г. германская финансовая группа получила новую концессию на строительство двух железнодорожных линий: Эскишехир—Кония и Анкара—Кайсери. В 1899 г., заручившись поддержкой французских капиталистов, группа Немецкого банка стала добиваться концессии на строительство железной дороги Кония—Багдад—Персидский залив.

В Петербурге с беспокойством наблюдали за германским железнодорожным строительством в Малой Азии. Весной 1899 г. царская дипломатия сделала попытку достигнуть соглашения с Германией на следующих основаниях: Россия готова согласиться на экономическую экспансию Германии в Малой Азии, но Германия должна признать притязания России на проливы и дать обещание «в случае необходимости» воздействовать на другие державы «в желательном для России духе». Германский канцлер Бюлов на это ответил, что он готов подписать любой договор при

условии, что Россия и Франция гарантирует границы Германии. Тем самым он требовал не только расторжения франко-русского союза, но и формального отказа Франции от каких-либо попыток возвращения Эльзаса и Лотарингии, причем под гарантию России. Неприемлемость такого требования была настолько очевидна, что русский посол в Берлине Остен-Сакен, даже не запросив инструкций из Петербурга, отклонил его. Тогда Бюлов предложил в качестве необходимой предпосылки русско-германского соглашения по ближневосточным вопросам заключить двусторонний договор между Россией и Германией о взаимной гарантии их границ. Это предложение мало чем отличалось от предыдущего ⁴.

Явное нежелание германского правительства идти на соглашение с Россией побудило царскую дипломатию искать другие пути для обеспечения своих экономических, политических и стратегических интересов на Ближнем Востоке. Она стала добиваться у султана предоставления России преимущественного права на получение концессий по сооружению железных дорог в районе, примыкающем к Черноморскому побережью Турции и русско-турецкой границе. Поясняя свои действия в записке о внешнеполитических задачах России, представленной в январе 1900 г. царю, министр иностранных дел Муравьев писал: «Поставленные нами ныне в Константинополе условия, в случае принятия их султаном, будут, несомненно, служить верным обеспечением ближайшей к Черному морю и нашей кавказской границе части Малой Азии от нашествия иностранцев. В самом деле, если мы добьемся согласия султана на ограничение определенного района по южному берегу Черного моря, в пределах коего не будет добавлено ни железнодорожных, ни иных концессий, и если одновременно возможно будет заручиться обязательством Турции не укреплять Босфора, то таковые результаты до поры, до времени представляют для нас достаточное удовлетворение за выданную немцам концессию на сооружение Багдадской дороги и дадут нам возможность спокойно выжидать дальнейшего хода событий на Турецком Востоке» ⁵ В марте 1900 г. русско-турецкое соглашение было достигнуто. Турецкое правительство обязалось, в случае, если оно признает необходимым приступить к постройке железных дорог в районе между берегом Черного моря и линией городов Анкара — Кайсари — Сивас — Харпут — Диарбекир — Ван и не пожелает их строить на собственные средства, предоставить сооружение этих дорог русским капиталистам на тех же основаниях, на каких германским капиталистам предоставлена постройка Багдадской железной дороги ⁶.

Россия
на Среднем Во-
стоке.

После заключения в 1887 г. окончательного соглашения между Россией и Англией о русско-афганском разграничении основным объектом англо-русского соперничества на Среднем Востоке становится Персия. Во второй половине 90-х годов английские капиталисты делали неоднократные попытки полу-

чить от персидского правительства концессии на железнодорожное строительство. Эти попытки побудили царское правительство прибегнуть к ответным мерам.

4 (16) февраля 1890 г. в Петербурге состоялось особое совещание по вопросу о железнодорожном строительстве в Персии. Это совещание приняло следующие решения: 1) всесторонне изучить вопрос о железнодорожном строительстве в Персии и произвести для этого там необходимые изыскания; 2) улучшить перевозки по Каспийскому морю; 3) построить железнодорожную линию через Кавказский хребет к персидской границе ⁷.

Намеченные меры должны были обеспечить необходимую подготовку к экономическому наступлению России на Персию. Пока же такая подготовка не была закончена, царская дипломатия в ноябре 1890 г. заключила с персидским шахом соглашение, по которому он дал обязательство в течение 10 лет не разрешать никому постройку железных дорог в Персии.

Но это соглашение не могло помешать Англии расширять свою торговлю с Персией, создавать там различные коммерческие предприятия, оказывать финансовую помощь персидскому шаху и т. д. Вступая в борьбу с Англией в Персии, русский капитализм должен был брать на вооружение те методы и средства экономического проникновения, которыми пользовался его более опытный соперник. В ответ на создание в 1888 г. английского Шахиншахского банка в 1890 г. в Персии был создан русский Учетно-ссудный банк. Русские капиталисты начинают получать от персидского правительства различные концессии: на постройку шоссейных дорог, чеканку монеты и т. п. Стремясь активизировать русско-персидскую торговлю, царское правительство ввело специальные премии, выплачивавшиеся за вывоз в Персию отечественных товаров.

Уже во второй половине 90-х годов Россия достигла больших успехов в освоении персидского рынка, догнав Англию по объему торгового оборота с Персией и заняв монопольное положение в северных районах страны.

России удалось оттеснить Англию и в деле финансирования персидского правительства. В январе 1900 г. шаху был предоставлен крупный заем, который руководители внешней политики России надеялись использовать для «развития... экономического положения и укрепления политического обаяния России в ущерб Англии» ⁸. Одновременно царской дипломатии удалось добиться от шаха продления еще на 10 лет запрещения строительства железных дорог в Персии. Но при этом было получено для России разрешение производить там железнодорожные изыскания.

В 1901 г. между Россией и Персией была заключена торговая конвенция, которая создавала особенно благоприятные условия для развития русско-персидской торговли.

В начале 900-х годов правящие круги царской России начинают проявлять интерес к побережью Персидского залива. В пор-

тах Персидского залива — Басре, Бендер-Аббасе, Бушире — открываются русские консульства. Возникает проект постройки трансперсидской железной дороги, которая должна была связать русскую границу с побережьем Персидского залива. В 1901 г. царское правительство организовало регулярную товаро-пассажирскую линию Одесса—Персидский залив.

Русская дипломатия в начале 900-х годов активно выступала против стремления Англии закрепиться на берегах Персидского залива.

Успехи России побудили английскую дипломатию в 1899 г. сделать ей предложение о разделе Персии на сферы влияния между Англией и Россией. Однако неоднократные попытки английской дипломатии склонить царское правительство к такому разделу успеха не имели. Мотивируя свое отрицательное отношение к предложению Англии о разделе Персии на сферы влияния, русский министр иностранных дел Муравьев в январе 1900 г. писал: «...Единственно возможная в данном случае граница была бы, конечно, географическая, причем северная Персия поступила бы в сферу России, а южная — в сферу Англии; но, как сказано выше, север Персии и без того находится в руках России и является совершенно недоступным для иностранцев; признавая же официально за Англией право распоряжаться единолично на юге, где ее влияние далеко не укрепилось, исключительно за нею, мы тем самым заранее добровольно ставим преграду, к дальнейшему, вполне возможному для нас, движению за пределы северных провинций Персии»⁹.

В 1903 г. Англия вновь возобновила переговоры о разделе сфер влияния. Они были прерваны в связи с началом русско-японской войны¹⁰.

**Борьба
великих держав
за раздел Китая
и вопрос
о строительстве
Великой Сибир-
ской магистрали.**

В конце XIX в. борьба крупнейших капиталистических держав мира за раздел Китая вступила в свою решающую стадию. В 50-х годах Франция захватила Индо-Китай, а Англия завершила завоевание Бирмы. Раздел южных окраин Китайской Империи был в основном закончен. Борьба перемещается на Север. Главными ее объектами становятся Корея и Маньчжурия. Здесь наибольшую активность проявляли Англия, США и Япония. В 1882—1884 гг. эти державы добились заключения с корейским правительством неравноправных договоров, которые положили начало экономическому закабалению страны. Весной 1885 г. Англия сделала попытку создать на корейском побережье свою военно-морскую базу. По приказу британского правительства английской военной эскадрой была занята бухта Гамильтон, расположенная внутри небольшого архипелага (о-ва Комуньо) вблизи берегов Кореи. Лишь в 1887 г., вследствие настоятельных требований России, английская эскадра покинула эту бухту.

Неоднократные вооруженные нападения на территорию Кореи предпринимала в 70—80-х годах Япония.

В 1885 г., воспользовавшись затруднительным положением Китая в связи с франко-китайской войной, Япония навязала китайскому правительству договор, по которому получила право наравне с Китаем вводить в Корею свои войска в случае возникновения там «беспорядков».

Усиление экономических позиций Англии, США и Японии в Корее и Маньчжурии, непосредственно граничивших с Российской империей, а также вооруженные вторжения этих держав на территорию Кореи вызывали беспокойство в правящих кругах царской России.

Огромные владения России на Дальнем Востоке были слабо освоены экономически. Самодержавно-помещичий режим в России сковывал развитие ее окраин. Колонизация Дальнего Востока шла медленно, население здесь было очень небольшим.

В начале 80-х годов население Приамурского края, включавшего в свой состав Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, а также о. Сахалин, составляло всего 682 тыс. человек, большинство из которых жило в Забайкалье. Что же касается Южно-Уссурийского края, то здесь насчитывалось немногим более 8,5 тыс. русских крестьян и казаков. Отсутствие удобных коммуникаций, затруднявшее связь между дальневосточными владениями России и ее центральными районами, не только обуславливало экономическую оторванность русского Дальнего Востока, но и крайне затрудняло его оборону.

О беспокойстве правящих кругов царской России за безопасность ее дальневосточных владений свидетельствовал созыв в 1883 г. особого совещания по амурским делам. Отметив большое экономическое и политическое значение этих владений, особое совещание признало необходимым в целях укрепления обороны Приамурья и Южно-Уссурийского края усилить расположенные там русские войска.

Необходимость укрепления обороны дальневосточных владений России стала особенно ясна в середине 80-х годов, в связи с обострением англо-русских отношений. Стремясь нанести России удар по наиболее уязвимому месту, Англия приняла все меры, чтобы спровоцировать русско-китайское столкновение. Британская дипломатия усиленно подталкивала китайские власти на захват принадлежащего России побережья залива Посьет, в результате чего Россия оказалась бы отрезана от Кореи. Английский флот, захватив бухту Гамильтон, установил постоянное наблюдение за Тихоокеанским побережьем России, преследуя русские военные и торговые суда.

Россия в эти годы не стремилась к каким-либо приобретениям на Дальнем Востоке. В 1885 г., в связи с ростом английской угрозы, корейский король обратился к царскому правительству с просьбой о принятии Кореи под протекторат России. Но цар-

ское правительство, опасаясь быть втянутым в военные осложнения на Дальнем Востоке, отклонило эту просьбу. Основным лозунгом дальневосточной политики царского правительства было поддержание status quo. Под этим лозунгом скрывалось стремление правящих кругов России удержать ее владения в условиях обостряющейся борьбы за раздел колоний на Дальнем Востоке. Однако экономическая и военно-стратегическая оторванность дальневосточных владений России крайне осложняла эту задачу. Необходимость проведения железнодорожной магистрали, которая соединила бы дальневосточные владения России с ее европейской частью, становилась все более настоятельной.

Еще в начале 80-х годов с предложениями о постройке такой магистрали выступили русские торгово-промышленные круги, заинтересованные в развитии торговли с Востоком. С середины 80-х годов, в связи с обострением англо-русских противоречий, к их голосу присоединяются голоса представителей высшей царской администрации в Сибири и на Дальнем Востоке, в частности иркутского и приамурского генерал-губернаторов. Но царское правительство не спешило с решением вопроса о постройке Сибирской железной дороги. Лишь в начале 1891 г., когда в Петербурге стало известно о том, что китайское правительство поручило английским специалистам разработать проект постройки железной дороги от Пекина через Маньчжурию к русско-корейской границе, решение о сооружении Великой Сибирской магистрали было, наконец, принято.

Постройка Сибирской железной дороги преследовала прежде всего военно-стратегические цели. Она должна была обеспечить безопасность дальневосточных владений России.

Но в условиях бурного промышленного подъема 90-х годов Сибирская железная дорога не могла не приобрести также большого экономического значения. Она должна была вовлечь в хозяйственную жизнь страны огромные, еще не освоенные территории. Проведение Сибирской магистрали значительно расширяло возможности для развития русской торговли со странами Востока. Отражая настроения торгово-промышленных кругов России, министр финансов С. Ю. Витте в 1892 г. в докладе царю указывал на то, что произведенный Сибирской дорогой «переворот в направлении сообщений между Европой и азиатским Востоком» будет в пользу России «не только как посредника в торговом обмене» (транзит по Сибирской дороге), но и как «крупного производителя и потребителя, ближе всего стоящего к народам азиатского Востока»¹¹.

Таким образом, экономические перспективы, связанные с сооружением Сибирской железнодорожной магистрали, придавали этому шагу царского правительства боевой, наступательный характер. Проведение Сибирской железной дороги неизбежно должно было привести к активизации внешней политики царской России на Дальнем Востоке¹²

**Переход России
к активной
внешней политике
на Дальнем Во-
стоке.**

Однако эта активизация произошла гораздо раньше окончания строительства Сибирской железной дороги. Летом 1894 г. Япония, воспользовавшись крестьянским восстанием в Корее, ввела на ее территорию свои войска и начала военные действия против Китая. После ряда крупных поражений, которые потерпели китайские войска, правительство Китая вынуждено было запросить мир. 8(20) марта 1895 г. в г. Симоносеки начались мирные переговоры. Японская делегация потребовала отказа Китая от суверенитета над Кореей, уступку Японии южной части Маньчжурии (Ляодунского полуострова с прилегающими островами), о. Тайвань и о-вов Пэнхуледао (Пескадорских), уплаты огромной контрибуции и предоставления целого ряда торговых привилегий. Не имея сил для дальнейшего сопротивления, китайское правительство вынуждено было принять эти требования.

Успехи Японии вызвали большое беспокойство в Петербурге. Русские газеты, от крайне правых до либеральных, указывая на то, что захват Японией Ляодуна создает прямую угрозу дальневосточным владениям России, требовали активизации внешней политики царского правительства на Дальнем Востоке. В правящих кругах царской России наметились две тенденции в решении дальневосточной проблемы. Большинство придворной камарильи высказывалось за сближение с Японией и за признание ее завоеваний при условии удовлетворения «насушных потребностей» России на Дальнем Востоке, т. е. приобретения «незамерзающего порта на Тихом океане» и присоединения «некоторой части Маньчжурии, необходимой для более удобного проведения Сибирской железной дороги»¹³.

Но сторонники соглашения с Японией (на почве полюбовного раздела Китая) встретили активного противника в лице министра финансов С. Ю. Витте. Это был выдающийся государственный деятель царской России. Происходя из дворянской семьи, он по окончании университета поступил на службу на одну из частных железных дорог и проделал путь от мелкого служащего до управляющего крупнейшего в России частного железнодорожного общества.

Витте перешел на государственную службу в 1889 г., будучи вполне зрелым человеком, с уже сложившимся авторитетом крупного железнодорожного дельца. Это отнюдь не означает, что он был представителем капиталистических кругов в царском правительстве. Дворянин по происхождению, он был убежденным сторонником самодержавия и через всю жизнь пронес свою словную преданность монархизму. Хорошо зная буржуазный мир, Витте поддерживал с ним тесные связи, исходя прежде всего из интересов самодержавия. Заняв в 1892 г. пост министра финансов, он направил все свои усилия на разрешение задачи развития капитализма в России при сохранении самодержавия, стремясь

тем самым подвести под него новый, более прочный экономический фундамент. Один из важнейших путей разрешения этой задачи Витте видел в расширении сферы господства российского капитала. Поэтому он не только всемерно поощрял всякое стремление к такому расширению, но и пытался искусственными мерами стимулировать его. Тесная связь вопросов внешней политики с финансовыми вопросами (займы, внешняя торговля и т. д.) способствовала усилению влияния Витте на внешнюю политику России. Витте считал, что раздел Китая преждевременен, так как Россия к этому разделу не готова. Он указывал, что доли участников такого раздела будут прямо пропорциональны их силе, между тем силы России на Дальнем Востоке явно недостаточны. В этих условиях ей выгоднее иметь соседом «неподвижный» Китай, чем быстро развивающуюся Японию. Витте считал недопустимым, чтобы Япония обосновалась на континенте. Настаивая на политике поддержания *status quo* и выступая против территориальных захватов, он предлагал проводить политику более скрытого экономического проникновения в Китай под флагом его территориальной целостности. Вмешательство России в русско-японский конфликт на стороне Китая дало бы возможность, по его мнению, соединить финансовое и железнодорожное проникновение в Китай с укреплением политического влияния России на Дальнем Востоке ¹⁴.

Обе указанные тенденции в решении дальневосточной проблемы носили агрессивный, захватнический характер. Обе они провозглашали курс на активизацию внешнеполитической экспансии России на Дальнем Востоке. Их различие состояло лишь в методах и средствах осуществления этой экспансии. Первая тенденция возникла из стремления феодальной верхушки царской России действовать старыми, привычными методами военных захватов. Вторая тенденция явилась отражением влияния на государственный аппарат царского самодержавия зарождающегося финансового капитала. Сторонники этой тенденции, более тесно связанные с русскими и иностранными буржуазными кругами, считали необходимым взять на вооружение внешней политики России те новейшие — капиталистические методы экономической экспансии, которые широко применялись передовыми капиталистическими державами в их борьбе за колонии (железнодорожные концессии, займы, финансовый капитал и пр.).

Для решения вопроса о дальневосточной политике России 30 марта (11 апреля) 1895 г. было созвано особое совещание царских министров. Выступив на этом совещании со своей программой, Витте предложил «заявить решительно, что мы не можем допустить занятия Японией Южной Маньчжурии». Это предложение было поддержано и только что назначенным на пост министра иностранных дел А. Б. Лобановым-Ростовским, заявившим, что «на дружбу Японии ни в коем случае рассчитывать

нельзя», поскольку «предпринятая ею война направлена не столько против Китая, сколько против России». В результате большинство участников совещания высказалось в поддержку программы Витте¹⁵. После некоторых колебаний, убедившись, что выступление России будет поддержано Германией и Францией, Николай II утвердил решения особого совещания.

11 (23) апреля 1895 г. дипломатические представители России, Германии и Франции в Токио сделали японскому правительству представления, в которых настоятельно советовали отказаться от Ляодунского полуострова. «Дружеские советы» трех держав были подкреплены совместной демонстрацией их военно-морских сил у берегов Японии. Одновременно были приведены в состояние боевой готовности русские сухопутные силы на Дальнем Востоке. В результате японское правительство приняло решение «уступить трем державам» и отказаться от Ляодунского полуострова за дополнительное денежное вознаграждение.

**Задача русской
дипломатии
в Европе.**

Перемещение центра внимания европейских держав в сферу колониальной борьбы обусловило некоторое затишье в европейских делах, наблюдавшееся в международных отношениях второй половины 90-х годов. В этот период основная задача русской дипломатии в Европе состояла в том, чтобы поддерживать равновесие сил, созданное в результате заключения франко-русского союза.

Когда быстрый рост производства вооружений в Германии поставил это равновесие сил под угрозу, царская Россия, которая не была в состоянии поспеть в гонке вооружений за Германией, выступила в 1898 г. с предложением о созыве международной конференции по ограничению вооружений. Однако конференция, собравшаяся в мае 1899 г. в Гааге, ограничилась лишь разработкой некоторых международных правил ведения войны. Ею были приняты конвенции: 1) о мирном разрешении международных споров, 2) о законах и обычаях сухопутной войны и 3) о применении Женевской конвенции о раненых и больных к морской войне. Что же касается вопроса об ограничении вооружений, то он не получил какого-либо положительного разрешения на конференции¹⁶.

Потерпев неудачу в своей попытке при помощи международной конференции добиться ограничения германских вооружений, царская дипломатия с готовностью откликнулась на предложение французского правительства относительно укрепления франко-русского союза. Во время поездки министра иностранных дел Франции Делькассе в Петербург в июле 1899 г. между Россией и Францией было достигнуто соглашение, которое подтвердило действие франко-русского союза¹⁷.

Эти дипломатические акты должны были обеспечить царскому правительству свободу рук для осуществления его колониальной политики.

§ 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Предоставление займа Китаю. Вмешавшись в японо-китайский конфликт, Россия оказалась в самом центре ожесточенной борьбы за раздел Китая. Главным руководителем дальневосточной политики России становится Витте. Определяя в одной из своих записок задачи России на Дальнем Востоке, он писал: «Между главнейшими европейскими державами, а также и Японией идет напряженное соперничество из-за экономического и политического влияния над странами Востока, и наши соперники (Англия, Франция, Германия и Япония) напрягают все усилия к тому, чтобы прочно утвердить свое влияние в Китае... При таком положении дел Россия по необходимости должна следовать образу действия своих экономических соперников»¹⁸.

Необходимость выплаты контрибуции Китаем по мирному договору с Японией выдвинула вопрос о получении им внешнего займа. Западные державы согласны были предоставить заем Китаю лишь при условии установления контроля над его финансами. Полагая, что подобный контроль мог бы помешать в дальнейшем экономическому проникновению России в Китай, царская дипломатия предложила китайскому правительству свои услуги. Поскольку собственных свободных капиталов в России не было, необходимые средства были получены на парижском денежном рынке. Гарантировав французским банкам, предоставившим эти средства, аккуратную выплату соответствующих процентов, царское правительство получило возможность безраздельно пользоваться теми политическими и экономическими преимуществами, которые давал этот заем. 24 июня (6 июля) 1895 г. в Петербурге был подписан контракт о предоставлении французскими банками займа китайскому правительству на сумму в 100 млн. руб. золотом под гарантию России. В конце 1895 г. при активном участии французского капитала в Петербурге был учрежден Русско-Китайский банк, который должен был послужить важнейшим орудием экономической экспансии России в Китай. Его отделения были созданы в Пекине, Шанхае, Ханькоу и ряде других городов.

Получение концессии на постройку КВЖД. Первые успехи экономического проникновения в Китай были использованы царским правительством для укрепления политических и военно-стратегических позиций России на Дальнем Востоке. Весной 1896 г. на коронацию Николая II был приглашен влиятельный сановник, осуществлявший руководство внешней политикой Китая, Ли Хун-чжан. Пообещав ему огромную взятку (в 3 млн. руб.), Витте склонил Ли Хун-чжана к заключению союзного договора, смысл которого сводился к тому, что в обмен на обязательство царского правительства оказать вооруженную помощь Китаю, в случае нападения Японии на территорию Китая

или Кореи, китайское правительство, «чтобы облегчить русским сухопутным войскам доступ в угрожаемые пункты», давало согласие на проведение по территории Маньчжурии в направлении на Владивосток железной дороги при условии, что ее постройка и эксплуатация будут предоставлены не непосредственно царскому правительству, а Русско-Китайскому банку¹⁹. Контракт между китайским правительством и Русско-Китайским банком на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги был подписан 27 августа (8 сентября) 1896 г.²⁰. В соответствии с этим контрактом Русско-Китайский банк учредил специальное общество Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). По своей внешней форме оно представляло собой частное акционерное общество, а по существу было государственным предприятием, так как все его акции были выкуплены у банка царским правительством.

В свою очередь, русские финансово-капиталистические круги во главе с председателем Петербургского Международного банка А. Ю. Ротштейном, поддерживавшие и финансировавшие дальневосточную политику царизма, постарались использовать сооружения КВЖД в целях экономического проникновения в Маньчжурию, добившись от китайского правительства предоставления привилегий в отношении разработки недр в зоне КВЖД. Русско-Китайский банк при участии Международного банка создал летом 1897 г. специальное общество для исследования рудных богатств Китая. Вместе с тем в русских финансово-капиталистических кругах полагали, что сооружение КВЖД может быть использовано, с одной стороны, для быстрого развития торговли со странами Дальнего Востока, а с другой стороны, для проникновения на юг от Маньчжурии в наиболее богатые районы Китая. Для этого необходимо было, по их мнению, соединить КВЖД, во-первых, с каким-либо незамерзающим портом на Желтом море, а во-вторых — с линией, идущей на север от Пекина. Эти планы получили полную поддержку со стороны Витте. Летом 1897 г. он предпринял попытку добиться их осуществления, использовав с этой целью поездку председателя правления Русско-Китайского банка Э. Э. Ухтомского в Пекин для вручения Ли Хун-чжану первого миллиона из трех, обещанных ему в 1896 г. Полагая, что этот акт создаст благоприятную обстановку для переговоров, Витте поручил Ухтомскому поднять вопрос относительно соединения КВЖД с портом на Желтом море и с Пекином. Однако миссия Ухтомского окончилась неудачей. Ли Хун-чжан категорически отказался пустить русских «в самые комнаты, где у нас жены и малые дети»²¹.

**Проникновение
в Корею.**

Важное место в планах внешнеполитической экспансии царской России на Дальнем Востоке занимала Корея.

Весной 1896 г. между Россией и Японией было достигнуто соглашение о совместном протекторате над Кореей²². В резуль-

тате этого соглашения Япония фактически лишилась тех господствующих позиций, которые она занимала в Корее накануне японо-китайской войны, и вынуждена была признать русофильское правительство, образовавшееся под давлением России в начале 1896 г. Вслед за этим царской дипломатии удалось заключить с корейским правительством секретное от Японии соглашение о введении русского военного инструктора и контроля над финансами страны. В соответствии с этим соглашением летом 1897 г. в Сеул был направлен русский финансовый советник. А в декабре 1897 г. в Петербурге был учрежден Русско-Корейский банк.

**Особенности
дальневосточной
политики
царской России.**

Хотя царское правительство в своей политике на Дальнем Востоке применяло методы, заимствованные из арсенала передовых капиталистических держав (предоставление займов и установление финансового контроля, создание специальных банков и получение железнодорожных концессий и т. д.), его дальневосточная политика имела существенные особенности. Вследствие недостатка капиталов в стране, русская буржуазия весьма не охотно вкладывала свои средства в заграничные предприятия, успех которых не был обеспечен. Поэтому, для того чтобы не отстать от передовых капиталистических держав в деле экономического закабаления полуколониальных государств Востока, царское правительство вынуждено было искусственно форсировать вывоз капитала путем создания государственно-капиталистических банков и предприятий (типа Русско-Китайского банка и общества КВЖД), широко используя при этом казенные ресурсы и привлекая иностранный, главным образом французский, капитал. Это создавало дополнительные трудности в осуществлении принятого царским правительством курса на экономическое проникновение в Китай и ставило Россию в неравноправное положение по отношению к ее соперникам, особенно к Англии.

К тому же этот курс был непонятен многим влиятельным представителям правящей верхушки царской России. Так, например, военный министр А. Н. Куропаткин, высказывая свои сомнения по поводу дальневосточной политики Витте, писал: «Защищать русские интересы в Маньчжурии, прилегающей на тысячи верст к России, это я понимаю, но быть вынужденным защищать русской кровью интересы Русско-Китайского банка на Янцзы или вообще южнее Пекина — для меня представляется непонятным и гибельным для России делом»²³.

Чем активнее становилась политика Витте на Дальнем Востоке, чем больше затрат она требовала от государственной казны, тем сильнее становилось противодействие ей со стороны сторонников военно-захватнической политики. К числу последних принадлежал и новый министр иностранных дел Муравьев, пришедший на этот пост в 1897 г. после смерти Лобанова-Ростовского. Между тем на Дальнем Востоке назревали важные события.

§ 3. ПЕРЕХОД ЦАРСКОЙ РОССИИ К ПОЛИТИКЕ ВОЕННЫХ ЗАХВАТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

**Захват Германией
бухты Цзяочжоу
и позиция России.**

В ноябре 1897 г. Германия захватила бухту Цзяочжоу на Шаньдунском полуострове. Этот акт непосредственно задевал интересы царской России на Дальнем Востоке. Так как Россия не имела на Дальнем Востоке незамерзающей бухты, русский военный флот зимовал обычно в портах Японии. Но чем сильнее обострялись отношения между Россией и Японией, тем более ненормальным становилось такое положение. Вопрос о приобретении порта на побережье Китая или Кореи за последние два года неоднократно обсуждался в русских правящих кругах. В частности, царское правительство имело виды и на бухту Цзяочжоу, которая с 1895 г. была предоставлена китайским правительством России для зимней стоянки ее военного флота. Не удивительно, что известие о высадке германского десанта в этой бухте было воспринято в Петербурге весьма болезненно.

Царская дипломатия сделала попытку добиться вывода германских военно-морских сил из бухты Цзяочжоу. Узнав о том, что Вильгельм II приказал германской тихоокеанской эскадре занять бухту Цзяочжоу, министр иностранных дел России Муравьев поручил русскому послу в Берлине Остен-Сакену заявить германскому правительству свой протест, подчеркнув, что Россия имеет «право первой стоянки» в этой бухте²⁴. Однако руководителям внешней политики России очень скоро пришлось убедиться в том, что занятая ими позиция грозит весьма серьезными осложнениями, исход которых был совершенно не ясен. Между тем в морском министерстве с большим сомнением относились к возможности использования бухты Цзяочжоу в качестве базы для русского военного флота. Управляющий морским министерством адмирал Тыртов считал, что эта бухта «в мирное время нам не нужна, и если бы даже была возможность овладеть ею навсегда, то для устройства в ней нашего порта она непригодна как по отдаленности от Владивостока, так и по совершенной отрезанности от России»²⁵.

В этих условиях Муравьев выдвинул мысль о том, чтобы, воспользовавшись захватом Германией бухты Цзяочжоу, потребовать от китайского правительства предоставления России какой-либо другой бухты для создания там военно-морской базы. Возражения Витте, который указывал, что подобный шаг со стороны России противоречил бы духу русско-китайского союзного договора 1896 г., и предлагал добиваться вывода германской эскадры из бухты Цзяочжоу, не имели успеха. Точка зрения Муравьева восторжествовала. 29 ноября (11 декабря) 1897 г. Николай II принял решение занять Порт-Артур. Несколько дней спустя, 4(16) декабря, отряд русской тихоокеанской эскадры бросил якорь на порт-артурском рейде.

Налицо была победа сторонников военно-захватнического курса во внешней политике на Дальнем Востоке. Но Витте не сразу признал себя побежденным. Он сделал попытку подвести под новый внешнеполитический курс почву экономических интересов. С этой целью им была задумана хитроумная комбинация.

Приближался срок уплаты Японии очередного взноса в счет контрибуции, обусловленной Симоносекским договором. С самой весны 1897 г. китайское правительство пыталось заключить на иностранных рынках заем. Убедившись в безуспешности этих попыток, Ли Хун-чжан 2(14) декабря 1897 г. обратился к Витте с просьбой о предоставлении Китаю гарантии царского правительства по этому займу. Витте, который знал, что приказ о занятии Порт-Артура уже отдан русской эскадре, сразу же ответил согласием, но со своей стороны потребовал: 1) предоставить России право устроить на берегу Желтого моря порт, в который могли бы заходить все суда под русским флагом (т. е. и военные) и 2) выдать обществу КВЖД концессию на постройку железнодорожной ветви до этого порта.

Смысл задуманной Витте комбинации заключался в том, чтобы оформить предоставление России Порт-Артура не как результат военного захвата, а как компенсацию за оказание Россией финансовой помощи китайскому правительству.

Получив ответ Витте (а это произошло 4(16) декабря 1897 г., т. е. в тот день, когда русские военные корабли вошли в Порт-Артур), Ли Хун-чжан немедленно сообщил о его содержании английскому посланнику. Правительство Великобритании выступило с протестом против посредничества России в заключении китайского займа и предложило свои услуги. Это, в свою очередь, вызвало протест царской дипломатии. В результате вопрос о займе сделался предметом англо-русских переговоров.

В ходе этих переговоров министр иностранных дел Англии Солсбери, стремясь отвлечь внимание царской дипломатии от вопросов дальневосточной политики, выступил с ширококовщательным предложением о заключении между Россией и Англией соглашения «в масштабе всего пространства, где соприкасаются интересы обеих стран». Однако туманные обещания признать законность стремления России к включению в свою сферу всего Черного моря не только с Босфорским проливом, но и с «выходом в Эгейское море» (т. е. с Дарданеллами) не соблазнили руководителей внешней политики России. Из ответа царского правительства на английские предложения Солсбери мог убедиться в том, что оно уступит в вопросе о займе лишь при условии, если Англия не будет противодействовать заключению Россией соглашения с Китаем об аренде Порт-Артура и сооружении железнодорожной линии, которая соединила бы арендованную территорию с КВЖД. Тогда Солсбери решил поставить царское правительство перед свершившимся фактом: он дал указание Гонконг-Шанхайскому банку предложить от своего имени китайско-

му правительству заем на сравнительно легких условиях. Переговоры между китайским правительством и Гонконг-Шанхайским банком, продолжавшиеся всего три дня, 18 февраля (1 марта) 1898 г. завершились подписанием контракта о займе²⁶.

**Захват
царской Россией
полуострова
Ляодуна.**

Таким образом, попытка царской дипломатии, воспользовавшись просьбой китайского правительства о предоставлении займа, добиться от него добровольной уступки Порт-Артура в качестве компенсации за оказание финансовой помощи не удалась. Руководители внешней политики царской России решили добиваться предоставления Порт-Артура при помощи одной лишь «грубой силы». 19 февраля (2 марта) 1898 г. русский поверенный в делах в Пекине в ультимативной форме предъявил китайскому правительству требование об уступке России Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Даляньванем в аренду и предоставлении ей права соединить КВЖД с одним из этих портов. Для ответа давался срок в пять дней. В случае затяжки переговоров царское правительство угрожало высадкой десанта на побережье Китая.

Китайское правительство оказалось вынуждено принять предъявленные требования. 15 (27) марта 1898 г. конвенция об аренде Россией Ляодунского полуострова была подписана. Порт-Артур и Даляньвань передавались в арендное пользование России сроком на 25 лет. Порт-Артур, «как исключительно военный порт», должен был быть открыт только для русских и китайских судов. Даляньвань объявлялся открытым портом для коммерческих судов всех наций. Россия получила право юрисдикции на арендованной территории, могла держать на ней сухопутные и морские вооруженные силы и возводить «все необходимые для флота и сухопутных сил сооружения». Китайские военно-сухопутные силы на арендованную территорию не допускались. К северу от этой территории создавалась нейтральная зона, где сохранялась юрисдикция китайского правительства, но без согласия России войска Китая содержаться не могли. Обществу КВЖД было предоставлено право построить ветку от главной магистрали к Даляньваню.

Эта конвенция представляла собой лишь слабое прикрытие фактического захвата Ляодунского полуострова Россией. Царская дипломатия не потрудились даже внести в нее статью, которая предусматривала бы арендную плату со стороны России²⁷.

Отойдя от своего прежнего курса, направленного на экономическое закабаление Китая под маской защиты его целостности и встав на путь территориальных захватов и раздела Китайской империи*, царское правительство, с тем чтобы компенсировать

* Вслед за захватами Германией области Цзяочжоу, а Россией — полуострова Ляодуна, Англия захватила порт Вэйхайвэй и полуостров Цзюлун, а Франция — территорию Гуаньчжоувань на побережье Гуандунской провинции.

своих соперников, вынуждено было пожертвовать важными экономическими интересами.

В апреле 1898 г. между Россией и Японией был подписан договор, обусловивший полное равенство прав договаривающихся сторон в Корее. Царское правительство обязалось не препятствовать «развитию торговых и промышленных отношений между Японией и Кореей». Согласно точному смыслу договора, оно должно было отозвать из Кореи своего финансового советника²⁸. Год спустя, в апреле 1899 г., было подписано англо-русское соглашение о разделе сфер железнодорожных интересов в Китае. По этому соглашению Англия обязалась не домогаться железнодорожных концессий к северу от Великой Китайской стены, а Россия взяла на себя аналогичные обязательства в отношении бассейна Янцзы²⁹. Отказ от монополии в Корее и от проникновения на Юг Китая — такова была цена аренды Ляодунского полуострова.

§ 4. КРИЗИС ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА

Восстание
ихэтуаней в Китае
и оккупация
царской Россией
Маньчжурии.

После захвата Ляодунского полуострова царская дипломатия заняла на Дальнем Востоке позицию «полного воздержания» от каких-либо «решительных действий». По мнению Муравьева, «только укрепившись прочно в Порт-Артуре и связав его железнодорожной ветвью с Россией, можно будет твердо ставить свою волю в делах Дальнего Востока»³⁰.

Тем временем министерство финансов царской России, во главе которого стоял Витте, вкладывало огромные суммы в маньчжурские предприятия российского империализма. Работы по постройке КВЖД и ее южноманьчжурской ветви шли полным ходом. В даляньваньской бухте сооружался новый порт Дальний, который должен был стать одним из крупнейших торговых портов на побережье Китая. Значительно активизировал свою деятельность Русско-Китайский банк. Создав свои отделения в Харбине, Гирине, Мукдене, Порт-Артуре, Нючжуане, он все глубже внедрялся в экономическую жизнь страны. Началась разработка Яньшайских и Вафандянских угольных копей в Маньчжурии. К 1900 г. российский империализм по размерам капиталов, вложенных на Дальнем Востоке, занимал третье место после Англии и Франции.

С этих позиций в 1900 г. Витте вновь выдвинул свою прежнюю программу экономической экспансии на юг от Великой Китайской стены. «Из-за Маньчжурии не стоило и огород городить: мы историческим путем будем идти на юг, весь Китай — все его богатства находятся преимущественно на юге», — так коротко сформулировал он свою программу на полях прочитанного им доклада Куропаткина «О задачах русской армии на XX столетие»³¹.

Казалось, что на этот раз ничто не мешало Витте в осуществлении его программы. Главный его противник Муравьев в июне 1900 г. умер. Назначенный на его место В. Н. Ламсдорф, много лет исполнявший обязанности советника при министре, был абсолютно лишен дара принимать самостоятельные решения. Витте быстро подчинил его своему влиянию. Военный министр генерал Куропаткин, который никогда не понимал смысла дальневосточной политики Витте, вместе с тем никогда не находил в себе решимости активно выступить против нее. В результате Витте вновь стал безраздельным руководителем внешней политики России на Дальнем Востоке. И тем не менее ему не удалось осуществить свою программу. Весь последующий ход событий доказал полное несоответствие этой программы как экономическим, так и военно-стратегическим возможностям царской России.

Весной 1900 г. из Китая стали поступать тревожные сообщения. По всей стране все шире распространялось народное антиимпериалистическое движение. В мае 1900 г. оно приняло характер всеобщего восстания. 1 (14) июня восставшие заняли Пекин. Испуганная императрица Цы Си издала эдикт, объявлявший иностранцам войну. Посольский квартал в Пекине был осажден отрядами повстанцев и правительственными войсками.

К концу июня 1900 г. восстание перекинулось в Маньчжурию. Значительная часть русских железных дорог оказалась разрушена повстанцами. В результате 26 июня (9 июля) 1900 г. сам Витте предложил ввести русские войска на территорию Маньчжурии для охраны зоны русских железных дорог. Это привело к тому, что к осени 1900 г. вся Маньчжурия была фактически оккупирована.

В конце июля — начале августа 1900 г. русский отряд в составе международного экспедиционного корпуса совершил поход на Пекин. Однако уже 12 (25) августа, вскоре после взятия китайской столицы, царское правительство отозвало свои войска из Пекина, отказавшись от участия в международных карательных экспедициях против повстанцев. По царское правительство не вывело своих войск из Маньчжурии, хотя и объявило о том, что оно намерено это сделать, как только в Маньчжурии «будет восстановлен прочный порядок»³².

Попытки царской дипломатии заключить сепаратный договор с Китаем о Маньчжурии.

В то время как в Пекине происходили бесконечные препирательства между представителями иностранных держав и китайским правительством по поводу содержания так называемого «заключительного протокола», подписание которого состоялось лишь в августе 1901 г., царская дипломатия предприняла попытку достигнуть сепаратного соглашения с китайским правительством относительно условий вывода русских войск из Маньчжурии. В предложениях, с которыми Витте и Ламсдорф обратились в ян-

варе 1901 г. к Ли Хун-чжану, эти условия сводились к следующему: 1) обязательство китайского правительства не выдавать каких-либо концессий иностранцам в Маньчжурии, Монголии и во всех пограничных с Россией провинциях Западного Китая; 2) предоставление китайским правительством новых концессий обществу КВЖД в качестве возмещения убытков, связанных с подавлением восстания ихэтуаней, 3) предоставление обществу КВЖД концессии на постройку железной дороги от КВЖД к Пекину; 4) вывод китайских войск из Маньчжурии впредь до полного окончания постройки КВЖД и ограничение их числа в дальнейшем по соглашению с Россией и 5) смена местных властей в Маньчжурии по первому требованию царского правительства. На этих условиях царское правительство выражало готовность вывести войска из Маньчжурии, когда там, по его мнению, водворится спокойствие.

Но русскую дипломатию ждала неудача. Не помог даже миллион рублей, обещанный Ли Хун-чжану в случае заключения договора. Ли Хун-чжан прибег к уже испытанному приему. Он сообщил о русских условиях англичанам. Те опубликовали их в печати. В результате все великие державы, кроме союзной Франции (т. е. Англия, США, Германия, Япония и Италия), выступили с протестом перед китайским правительством. Ссылаясь на этот протест, оно 11 (24) марта 1901 г. отклонило предложения России.

Тогда Витте попытался придать своим требованиям более невинный внешний вид. Он обусловил подписание политического договора о выводе русских войск из Маньчжурии предварительным заключением между китайским правительством и Русско-Китайским банком соглашения о предоставлении последнему монополии на концессии в Маньчжурии ³³.

**Заключение
англо-японского
союза и кризис
политики Витте.**

Упорное стремление царской России добиться заключения с Китаем сепаратного договора, который закрепил бы ее монопольное положение в Маньчжурии, вызвало энергичное противодействие со стороны других участников борьбы за раздел Китая и прежде всего со стороны Японии и Англии.

Царская дипломатия сделала попытку достигнуть полюбовного соглашения с Японией, выразив готовность признать ее монополию в Корее. Но японское правительство заявило, что оно не вступит с Россией в переговоры о Корее до тех пор, пока она не восстановит в Маньчжурии того положения, которое там существовало до оккупации.

В своей экспансии на азиатском континенте правящие круги Японии не собирались ограничиться Кореей. По мере того как близилось к завершению исполнение принятой в 1896 г. огромной военной программы, их аппетиты быстро возрастали. Вот почему стремление царской дипломатии помешать проникновению в

Маньчжурию других держав непосредственно задело интересы правящих кругов Японии.

Анализируя позицию, занятую Японией, министр иностранных дел России Ламсдорф уже весной 1901 г. пришел к выводу о том, что «при оценке предстоящих мероприятий в Маньчжурии необходимо принять в расчет... явную опасность вооруженного столкновения с Японией», причем «всякие дипломатические переговоры с ней мало надежны для предотвращения вероятных осложнений, коль скоро в глазах японского правительства разрыв с Россией является не средством, а скорее прямо намеченной целью»³⁴.

Правящие круги Англии рассматривали Россию в качестве основного своего соперника на Дальнем Востоке. Активная политика царского правительства в Китае, его стремление не только добиться монополии в Маньчжурии, но и проникнуть на юг от Великой Китайской стены возбуждали сильное беспокойство в Лондоне.

Конец XIX в. характеризуется заметным ослаблением роли Англии на Дальнем Востоке. Участие в разделе Китайской империи молодых капиталистических держав — Германии, России, Японии, США — подорвало стратегическое и экономическое преобладание Англии в Китае. В результате политика «блестящей изоляции», которой, базируясь на огромном военно-морском и экономическом превосходстве Англии над всеми другими державами мира, придерживалась английская дипломатия, стала переживать глубокий кризис. В новых условиях, для того чтобы удержать свои позиции в Китае, Англии нужен был союзник. В качестве такого союзника английская дипломатия избрала Японию. В то время как между Японией и Россией существовали исключительно острые противоречия, интересы Японии и Англии в начале 90-х годов непосредственно не сталкивались.

Англо-японский договор был подписан 17 (30) января 1902 г. Он обязывал каждую из договаривающихся сторон соблюдать строгий нейтралитет, если одна из сторон, защищая свои интересы в Китае и Корее, окажется в состоянии войны с какой-либо третьей державой. В случае столкновения одной из договаривающихся сторон с двумя или более державами договор предусматривал военную помощь другой стороны. Англо-японский союз имел откровенно антирусскую направленность. Он давал правящим кругам Японии уверенность в том, что, развязав войну против России, они смогут воевать с ней один на один.

О заключении англо-японского союзного договора царское правительство узнало из сообщения японского посланника 30 января (12 февраля) 1902 г. В этот же день в Петербурге был получен категорический отказ китайского правительства подписать соглашение с Русско-Китайским банком³⁵.

Заключение англо-японского союза означало крупнейшее стратегическое поражение России в борьбе за раздел колоний

на Дальнем Востоке. Соотношение сил в этой борьбе складывалось явно не в пользу России. Отныне ей пришлось иметь дело с могущественным блоком Японии и Англии — ее исконных соперников по дележу Китая. На стороне этого блока выступали также Соединенные Штаты Америки, которые почти одновременно с заключением англо-японского союза выступили в Петербурге с протестом против попытки царской России добиться монополии в Маньчжурии. Нечего было ждать поддержки и от Германии, которая проводила на Дальнем Востоке политику провокаций, стремясь втянуть Россию в конфликт с Японией и тем самым развязать себе руки в Европе. Что касается Франции, то ее внешнеполитические руководители давно уже с неодобрением наблюдали за активизацией внешней политики России на Дальнем Востоке. Поддерживать дальневосточные авантюры царизма не входило в интересы французских правящих кругов, поскольку эти авантюры ослабляли значение России как союзника Франции в Европе. Вследствие этого совместная декларация России и Франции от 3 (16) марта 1902 г. по поводу заключения англо-японского договора, в которой говорилось о том, что «союзные правительства представляют себе... озаботиться принятием соответствующих мер» к охранению их взаимных интересов на Дальнем Востоке³⁶, не имела никакого реального значения.

В создавшихся условиях, в страхе перед войной, которая могла быть развязана Японией до окончания строительства железных дорог в Маньчжурии, царское правительство оказалось вынужденным пойти на уступки. Оно сняло свое требование о заключении банковского соглашения и 26 марта (8 апреля) 1902 г. подписало с Китаем договор, взяв на себя обязательство в течение 18 месяцев вывести войска из Маньчжурии³⁷.

Итак, дипломатия Витте «проиграла дело в Маньчжурии»³⁸. Попытка Витте в марте и апреле 1903 г. поставить выполнение русско-китайского договора в зависимость от предоставления Китаем царскому правительству гарантий нерушимости русских интересов в Маньчжурии также успеха не имела.

Неудачи внешней политики царского правительства на Дальнем Востоке совпали с резким обострением внутреннего положения в стране. Россия переживала период невиданного доселе размаха революционного движения. Кризис политики самодержавия, наблюдавшийся в это время, проявился и в колебаниях по вопросам внешней политики. В правящих кругах царской России получила распространение мысль о том, что победоносная война с Японией будет способствовать разрешению внутреннего кризиса. С требованием «нового курса» во внешней политике на Дальнем Востоке, направленного на войну с Японией, выступила группа шовинистических элементов, получившая в истории название «безобразовской шайки» — по имени одного из наиболее актив-

Переход царизма к «новому курсу» в политике на Дальнем Востоке.

ных ее деятелей А. М. Безобразова. Эта группа возникла в начале 1898 г. с целью организации акционерной компании для эксплуатации природных богатств Кореи. В тот период курс на Корею стоял еще на повестке дня русской дипломатии. Огромные прибыли, которые получала буржуазия в условиях промышленного подъема 90-х годов, возбуждали сильнейшую зависть у феодальных элементов. Эти прибыли, в частности, были связаны с дальневосточными предприятиями царизма, в которые вкладывали деньги некоторые круги русской буржуазии, близко стоявшие к Петербургскому Международному банку. Феодальные элементы, экономические устои которых рушились с развитием капитализма в стране, стремились приобщиться к предпринимательской деятельности, дававшей такие высокие доходы. Но им недоставало навыков организации капиталистических предприятий. Избалованные привилегиями, они не были знакомы с условиями капиталистической конкуренции. Между тем, вследствие того что царское правительство оставило свой курс на монополию в Корее, этой группе феодальных элементов пришлось встретиться с сильнейшей конкуренцией японских капиталистов, в результате которой все начинания новоиспеченных предпринимателей потерпели жестокий крах. Отсюда их озлобление и апелляция к военной силе.

В составе «безобразовской шайки» мы видим сливки русского титулованного дворянства — князей Юсупова, Щербатова, Козловского, графов Воронцова-Дашкова, Сумарокова-Эльстона и др. В нее входил и зять царя великий князь Александр Михайлович. Сам Николай II сочувственно относился к затеям «безобразовцев». Душа и идеолог всей этой группы Безобразов в многочисленных письмах и записках на имя царя доказывал вред политики уступок Японии, выступал против вывода русских войск из Маньчжурии и добивался активизации военной подготовки России на Дальнем Востоке.

В мае 1903 г. Безобразов был назначен царем на должность статс-секретаря «вне ведомств». Это свидетельствовало о победе «нового курса». Месяц спустя Николай II назначил одного из активных сторонников «нового курса» адмирала Е. И. Алексеева своим наместником на Дальнем Востоке (с резиденцией в Порт-Артуре), передав ему все руководство внешней политикой России на Дальнем Востоке и право дипломатических сношений от имени царя. В результате дальневосточные дела были изъяты из ведения Ламсдорфа. Вскоре после этого, 16 (29) августа, Витте получил назначение на высокий, но лишенный какой-либо реальной власти пост председателя комитета министров.

Провозгласив «новый курс» во внешней политике России на Дальнем Востоке, его сторонники фактически ничего не сделали для усиления боевой готовности царской России на Дальнем Востоке³⁹.

Между тем Япония к концу 1903 г. завершила свою программу военной подготовки. Японским правящим кругам нужен был лишь повод для объявления войны. В поисках такого повода они решили начать переговоры с царским правительством, с тем чтобы развязать войну под предлогом затяжки этих переговоров с русской стороны. С этой целью 30 июля (12 августа) 1903 г. японский посланник в Петербурге Курино вручил Ламсдорфу проект соглашения, предусматривавший отказ царизма от завоеванных им позиций в Маньчжурии и признание интересов Японии не только в Корее, но и во всем Северо-Восточном Китае. Стремясь выиграть время для военной подготовки, царское правительство вступило в переговоры.

Начавшиеся переговоры были использованы правящими кругами Японии в качестве дымовой завесы для своих последних приготовлений к войне. Когда эти приготовления были закончены, они, несмотря на проявленную царской дипломатией готовность пойти на уступки, в январе 1904 г. прервали переговоры и без объявления войны начали военные действия против России.

ГЛАВА III

В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

§ 1. ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА С ЯПОНИЕЙ

Царское
самодержавие
берет курс на
заключение мира.

Русско-японская война не принесла лавров царскому самодержавию. Обнажив гнилость всей политической системы царизма, она ускорила революционный взрыв в стране. В 1905 г. небывалая в истории революция потрясла Россию. Смертельная угроза нависла над царизмом. В этих условиях главная задача царской дипломатии состояла в том, чтобы обеспечить внешнеполитические условия для подавления революции.

Чем шире развивалась революция в России, тем настоятельнее становилась потребность царского самодержавия в заключении мира с Японией. В высших сферах Петербурга уже не верили в возможность перелома в ходе военных действий на Дальнем Востоке. Разгром русского флота при Цусиме окончательно разрушил все надежды на благоприятный исход войны. Даже Николай II, упорно не желавший ничего слышать о мире, после Цусимской катастрофы стал склоняться к необходимости пойти на переговоры с Японией.

24 мая (6 июня) 1905 г. Николай II созвал в Царском Селе специальное военное совещание для обсуждения дальнейших перспектив войны. Большинство участников этого совещания было настроено пессимистически. Царский наместник на Дальнем Востоке Алексеев сообщил, что «дух войск под влиянием постоянных отступлений и тяжелых потерь нравственно подорван», и выразил сомнение в том, что русские войска смогут удержаться на Сипингайской позиции, куда они отошли после поражения под Мукденом. Кроме того, Алексеев указал на то, что вследствие отсутствия флота защита Владивостока с моря не обеспечена, Сахалин также не может быть удержан и, наконец, опасность угрожает устью Амура. Командующий войсками Приамурского военного округа генерал Гродеков отметил, что после потери флота «Сахалин находится в критическом положении». «На Саха-

ине и в Николаевске, — сказал он, — продовольствия очень мало». Гражданское население Владивостока «обеспечено хлебом лишь до июня». Еще хуже положение в Охотске, на Колыме и на Камчатке, где населению «может угрожать голодная смерть».

Военный министр генерал Сахаров сообщил, что главнокомандующий русскими силами на Дальнем Востоке генерал Линевиц просит срочно прислать подкрепления: четыре армейских корпуса и 80 тысяч солдат для укомплектования действующей армии. По словам министра, в ближайшее время мог быть послан на Дальний Восток лишь один корпус. Для отправки остальных подкреплений необходимо было провести ряд частичных мобилизаций. Между тем в Европейской России, за исключением Варшавского военного округа, Кавказа и части Казанского округа, «все уезды уже подняты, притом многие по два и даже по три раза, и у них остались преимущественно люди старших сроков службы, а также многосемейные, освобожденные от назначения в войска при бывших частных мобилизациях».

Военный министр видел единственный выход в досрочном призыве новобранцев очередного года*, но это предложение встретило «самое категорическое возражение министра внутренних дел».

Еще более беспокоило присутствующих внутреннее положение в России. «...Мы находимся в таком, если не отчаянном, то затруднительном положении, что нам важнее внутреннее благосостояние, чем победы, — заявил главнокомандующий Петербургским военным округом и войсками гвардии великий князь Владимир Александрович. — ...Из двух бед надо выбирать меньшую. Мы живем в ненормальном состоянии, необходимо вернуть внутренний покой России». Он предложил «немедленно сделать попытку к выяснению условий мира». Это предложение поддержали Алексеев и Гродеков. Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович, указав на то, что «в случае продолжения войны положение Владивостока, устья Амура и Камчатки будет весьма опасно», заявил: «Пока нам не нанесли решительный удар, надо зондировать почву относительно условий мира». К этому мнению присоединился и Николай II. «До сих пор, — сказал он, — японцы воевали не на нашей территории. Ни один японец не ступал еще на русскую землю, и ни одна пядь русской земли врагу еще не уступлена. Этого не следует забывать. Но завтра это может перемениться, так как, при отсутствии флота, Сахалин, Камчатка, Владивосток могут быть взяты, и тогда приступить к переговорам о мире будет гораздо труднее и тяжелее»¹.

* Призыв должен был состояться, согласно установленному порядку, лишь в октябре 1905 г.

Ухудшение финансового положения царского самодержавия.

На совещании в Царском Селе не рассматривалось финансовое положение царского правительства. Между тем оно было крайне тяжелым. В 1904 г. царскому правительству удалось свести концы с концами лишь за счет увеличения государственного долга и истощения золотого запаса. На 1 января 1905 г. государственный долг России достиг 7 млрд. руб. В конце 1904 г. министр финансов В. Н. Коковцов представил царю доклад, в котором было подсчитано, что при использовании всех трех доступных царскому правительству денежных рынков — парижского, берлинского и амстердамского — в течение 1905 г. удастся занять не более 500 млн. руб., которых хватит лишь на 8 месяцев войны ².

Но действительное положение оказалось гораздо хуже предполагаемого. Начавшаяся в России революция потребовала от царизма дополнительных, непредвиденных затрат. Попытка царского правительства заключить заем во Франции не увенчалась успехом. В феврале 1905 г., по приглашению Коковцова, в Петербург прибыли представители французских банков. После довольно продолжительных переговоров 28 февраля (13 марта) условия заключения займа были, наконец, согласованы. Оставалось подписать контракт. По случаю благополучного завершения переговоров вечером того же дня Коковцов дал обед, а на следующий день должна была состояться торжественная церемония подписания контракта. Однако в назначенный час банкиры не явились, прислав лишь письмо, в котором сообщалось, что ночью ими был получен из Парижа приказ не подписывать контракта и вернуться во Францию. Оказывается, французское правительство, получив извещение о поражении русских войск под Мукденом, решило воздержаться от предоставления займа царскому правительству. «По всеобщему убеждению только действительное прекращение войны может привести к прочному поднятию наших бумаг и обеспечить вполне возможность заключить заем в широком размере», — сообщал из Парижа царский посол Нелидов ³. «Недавняя попытка самодержавного правительства, — писал в марте 1905 г. В. И. Ленин, — занять, по-старому, у Франции не удалась: с одной стороны, капитал уже не верит самодержавию; с другой стороны, боясь революции, капитал хочет оказать давление на самодержавие в целях заключения мира с Японией и мира с либеральной русской буржуазией. Европейский капитал спекулирует на мир» *. Лишь на очень тяжелых условиях (из 7% действительных) Коковцову удалось в апреле 1905 г. получить от берлинского банкирского дома Мендельсона краткосрочную ссуду в 150 млн. руб.

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 238—239.

Вопрос о мире
между Россией
и Японией
в международных
отношениях.

Весной 1905 г. вопрос о заключении мира между Россией и Японией становится в центре внимания международной дипломатии. Дипломатическая история подготовки этого мира характеризуется активным участием в ней всех крупнейших капиталистических держав мира: США, Англии, Франции и Германии. Правящие круги всех держав весной 1905 г. пришли к выводу о необходимости немедленного заключения мира.

Руководители внешней политики США исходили при этом из следующих соображений. С одной стороны, они боялись, что ход военных действий может измениться в пользу России. С другой стороны, при дальнейших успехах Японии была опасность или международного вмешательства в русско-японский конфликт (как это случилось во время японо-китайской войны в 1895 г.), или чрезмерного усиления Японии. Между тем создавшееся на Дальнем Востоке на основе достигнутых Японией успехов равновесие сил вполне устраивало правящие круги США.

Позиция Англии была во многом сходна с позицией США. Англия так же, как и США, выступила за заключение мира, поскольку цели, ради которых она подталкивала Японию на войну, были достигнуты. Россия потерпела поражение и в дальнейшем не представляла опасности как конкурент Англии на Дальнем Востоке. В случае же продолжения войны перспективы были туманными. Англию не устраивало ни чрезмерное усиление Японии в результате ее дальнейших побед, ни поворот в ходе военных действий в пользу России. К тому же руководители внешней политики Англии надеялись после заключения мира царской Россией использовать ее в качестве союзника против Германии.

Для французских правящих кругов последнее соображение было решающим. Начало 1905 г. характеризуется обострением франко-германских противоречий. В апреле 1905 г. оно нашло свое отражение в так называемом марокканском кризисе. Чем более острым становились противоречия между Францией и Германией, тем активнее французская дипломатия добивалась заключения мира между Россией и Японией.

Из европейских держав только Германия до весны 1905 г. выступала против заключения мира потому, что правящим кругам Германии было выгодно, чтобы Россия была отвлечена на Дальнем Востоке. Но в связи с ростом революции в России к лету 1905 г. позиция Германии также изменилась.

Японская дипломатия еще с лета 1904 г. проявляла стремление вступить в переговоры с царским правительством относительно заключения мира. Япония была истощена войной, и дальнейшее ее продолжение внушало серьезные опасения японскому правительству. Потерпев неудачи в своих попытках завязать переговоры непосредственно с Россией, японская дипломатия в начале марта 1905 г. обратилась за посредничеством к США. Однако

дипломатический зондаж, предпринятый американским президентом Теодором Рузвельтом, показал, что подобное посредничество имело еще мало шансов, так как царское правительство большие надежды возлагало на успех эскадры Рожественского.

18 (31) мая, сразу же по окончании Цусимского сражения, министр иностранных дел Японии телеграфировал своему посланнику в Нью-Йорке, чтобы он передал президенту США надежду японского правительства на то, что, «имея в виду изменившееся в результате недавнего морского сражения положение, президент найдет для себя возможным немедленно и всецело по своей инициативе пригласить обоих противников встретиться для непосредственных переговоров»⁴. В связи с этим Рузвельт 23 мая (5 июня) 1905 г. по телеграфу поручил американскому послу в Петербурге Мейеру срочно просить аудиенцию у царя и, заявив, «что он действует по личному приказанию президента», попытаться убедить «в желательности его согласия на просьбу президента, чтобы представители России встретились с представителями Японии для обсуждения вопроса о том, не может ли быть теперь заключен мир». При этом посол должен был сказать, что война «абсолютно безнадежна» и ее продолжение «может привести только к потере всех русских восточно-азиатских владений». Кроме того, мир необходим России, чтобы «предотвратить волнения», которые, как опасается американский президент, «иначе обратятся в катастрофу»⁵.

Беседа американского посла с Николаем II состоялась 25 мая (7 июня) 1905 г. Когда посол прочел текст телеграммы, царь, явно находившийся под впечатлением от состоявшегося накануне военного совещания, сказал: «Вы пришли в психологический момент: до сих пор нога неприятеля не ступала на русскую землю, но я понимаю, что в любой момент они (японцы) могут напасть на Сахалин. Поэтому важно, чтобы встреча состоялась до того, как это случилось». Получив согласие от царя на переговоры с Японией, американский посол настолько обрадовался, что, «вопреки всем обычаям», «не дожидаясь, пока царь даст понять, что беседа окончена», попросил разрешения удалиться с тем, чтобы немедленно телеграфировать об этом в Вашингтон⁶. Уже на следующий день, 26 мая (8 июня) 1905 г., Рузвельт обратился к Японии и России с официальным предложением — открыть непосредственные переговоры о мире.

Мирная конференция открылась 27 июля (9 августа) 1905 г. Она проходила в маленьком американском курортном городке Портсмуте, расположенном на побережье Атлантического океана, близ Бостона. Главой русской делегации был назначен Витте. Японскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Комура.

Перед русской делегацией в Портсмуте стояла трудная задача. Эта делегация представляла побежденную сторону. Даль-

нейший ход военных действий, продолжавшихся на Дальнем Востоке, складывался также не в пользу России. Высадив свои войска на острове Сахалин, Япония оккупировала этот остров.

Американское общественное мнение было настроено против России. Еще накануне переговоров русский посол в США в своих сообщениях неоднократно указывал на «в высшей степени враждебный» к России тон большинства американских газет. Американская дипломатия, которая выступала в качестве посредника между Россией и Японией, во время переговоров также занимала позицию, неблагоприятную по отношению к России. Перед самыми переговорами американское правительство направило в Японию военного министра Тафта *. Он возглавлял большую делегацию конгресса, в которую входило 10 сенаторов. В Токио между Тафтом и премьер-министром Японии Кацура было достигнуто соглашение, получившее в истории дипломатии название соглашения Тафта—Кацура. Это соглашение предусматривало, во-первых, установление между США и Японией «хорошего взаимопонимания» или «союза на практике». Во-вторых, оно подтверждало полное согласие США с принципами англо-японского союза. И, наконец, это соглашение содержало сделку между Японией и США относительно раздела сфер влияния на Дальнем Востоке. В обмен на признание Японией аннексии Соединенными Штатами Филиппин США дали согласие на захват японскими милитаристами Кореи⁷. Соглашение Тафта—Кацура, оставшееся до 1914 г. секретным, легло в основу той позиции, которую занимала американская дипломатия во время переговоров в Портсмуте, выступая в качестве «беспристрастного» посредника между Россией и Японией.

Японская делегация выдвинула 12 условий прекращения войны:

1. Россия признает за Японией «преобладающие политические, военные и экономические интересы» в Корее и обязуется «не вмешиваться ни в какие меры по руководству, защите и контролю, которые Япония сочтет необходимым принять в Корее».

2. Россия эвакуирует Маньчжурию и отказывается там от «всех территориальных преимуществ и преференциальных и исключительных концессий и привилегий... нарушающих китайский суверенитет или несовместимых с принципом равных возможностей».

3. Япония возвратит Китаю оккупированные ею территории Маньчжурии, за исключением Ляодунского полуострова.

4. Япония и Россия обязуются не препятствовать осуществлению китайским правительством, в целях развития торговли и промышленности в Маньчжурии, каких-либо общих мер, касаю-

* Будущий президент США в 1909—1913 гг.

щихся всех стран (что означало признание принципа равных возможностей всех стран в Маньчжурии).

5. Россия уступает Японии Сахалин.

6. Россия передает Японии право на аренду Ляодунского полуострова.

7. Россия передает Японии Южно-Маньчжурскую железную дорогу.

8. Россия обязуется использовать КВЖД «исключительно в торговых и промышленных целях».

9. Россия возмещает Японии военные расходы.

10. Русские военные корабли, интернированные в нейтральных портах, передаются Японии.

11. Россия обязуется ограничить свои морские силы на Дальнем Востоке.

12. Россия предоставляет японским подданным неограниченные права на рыбную ловлю в ее владениях в Японском, Охотском и Беринговом морях⁸.

В своем ответе русская делегация, категорически отвергнув четыре пункта японских условий — об уступке Сахалина (5), о контрибуции (9), о передаче Японии интернированных русских судов (10) и об ограничении военно-морских сил России (11), — остальные признала в принципе приемлемыми и выразила готовность начать переговоры⁹.

Ознакомившись с ответом русской делегации, японцы предложили приступить к обсуждению выдвинутых ими условий. К 5 (18) августа это обсуждение было закончено. В ходе его оказались согласованными лишь те условия, которые были признаны русской делегацией в принципе приемлемыми. Обсуждение же спорных пунктов не принесло результата. Японцы упорно настаивали на своих требованиях. Витте, ссылаясь на принципы международного права, стремился доказать необоснованность претензий Японии на контрибуцию, выдачу ей интернированных русских судов и ограничение военно-морских сил России на Дальнем Востоке. Что же касается вопроса о Сахалине, то Витте все больше приходил к мысли о неизбежности уступки по этому вопросу. Но стоило ему заикнуться об этом в телеграмме Ламсдорфу, как тотчас же из Петербурга последовал раздраженный окрик царя: «Сказано было — ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек, на этом я буду стоять до конца»¹⁰.

Конференция явно зашла в тупик, и русские делегаты стали задумываться над тем, каким образом сохранить возможность на будущее возобновить переговоры в случае их разрыва. На заседании 5 (18) августа Япония сделала новое предложение. Она изъявила готовность отказаться от пунктов 10 и 11, ограничиться по пункту 9 лишь возмещением расходов на содержание русских военнопленных и, наконец, по пункту 5 отказаться от своих претензий на часть Сахалина, расположенную севернее 50°

северной широты, но все это при условии, что за возвращение России северной части Сахалина последняя уплатит Японии 1200 млн. иен. «...Следовательно, все переговоры свелись ныне к этому пункту 5, — телеграфировал Витте в Петербург, резюмируя японское предложение. — Но предложение японцев по пункту 5 в сущности содержит в себе в скрытом виде не только решение вопроса о Сахалине, но и возмещение расходов войны, т. е. по пункту 9»¹¹.

«Компромисс» Комуры не менял дела. Николай II продолжал стоять на своем. «В сущности японцы перетасовали свои требования, — заметил он по поводу японских предложений. — Отдача половины Сахалина и уплата такой огромной суммы за северную часть нисколько не меняет моего основного взгляда — ни пяди земли, ни рубля контрибуции или возмещения военных издержек, что одно и то же. Значит это неприемлемо»¹². По указанию царя, Ламсдорф 9 (22) августа телеграфировал Витте, чтобы он прекратил переговоры, если японские делегаты «не будут уполномочены отказаться от тех чрезмерных притязаний, кои ими ныне предъявляются»¹³.

И вот тогда-то, когда возникла угроза срыва переговоров, выступил на сцену Рузвельт, до сего времени спокойно наблюдавший за ходом конференции в Портсмуте. 9 (22) августа он обратился к Николаю II с личным посланием, которое одновременно было направлено курьером в Портсмут Витте и послано телеграфом в Петербург Мейеру. Американскому послу вновь было поручено добиться аудиенции у Николая II для вручения ему послания президента. Эта аудиенция, состоявшаяся 10 (23) августа, продолжалась целых два часа. Николай II, как мог, отбивался от атак американского посла, убеждавшего его в необходимости принять японские требования. В конечном счете он дал согласие на раздел Сахалина, но без уплаты денежного выкупа. Последующие попытки Рузвельта добиться от царя каких-либо других уступок ни к чему не привели. Американскому послу в Петербурге, назойливо добивавшемуся повторной аудиенции у царя, Ламсдорф сухо заявил, что «его величество не видит возможности в нем либо изменить свою точку зрения, которая тем лучше известна» Мейеру, «что она была сообщена и развита» царем ему «персонально»¹⁴.

На основании полученных инструкций Витте 13 (26) августа объявил японской делегации, что русская делегация может принять предложение Комуры лишь при условии, что раздел Сахалина будет произведен без каких-либо денежных вознаграждений Японии со стороны России. При этом он предупредил японцев, что русские делегаты ни на какие дальнейшие уступки не пойдут и «пришли на заседание, чтобы прервать переговоры». 16 (29) августа японская делегация приняла русский «ультиматум». Неделю спустя, 23 августа (5 сентября) 1905 г., мирный договор был подписан¹⁵.

Портсмутский мир сыграл важную роль в определении исторических судеб нашей Родины. Он способствовал победе реакции в России. Развязав руки царскому правительству, он позволил ему сосредоточить все усилия на борьбе с революцией.

§ 2. ПОЛУЧЕНИЕ ЗАЙМА НА ПОДАВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Наращение революции в России и подготовка иностранной интервенции.

Тем временем революция все нарастала. Весной и летом революционное движение охватило крупнейшие промышленные центры Российской империи. В движение вовлекались широкие массы крестьянства. Начала колебаться главная опора самодержавия — армия.

Известие о восстании на броненосце «Потемкин» вызвало большую тревогу в реакционных кругах Западной Европы. Царский посол в Лондоне сообщал, что ни одно из прежних событий в России не произвело на английское правительство «более тягостного впечатления, чем последние события и восстание на «Князе Потемкине»¹⁶. Правящие круги Англии, Германии, Франции и Австро-Венгрии принимают меры с целью подготовки интервенции в Россию для подавления революции и спасения царизма. С весны 1905 г. началось сосредоточение германских и австро-венгерских войск на западной границе России. В конце июля 1905 г. английское правительство через своего посла в Турции запросило у турецкого султана согласие на проход через проливы в Черное море двух английских крейсеров. Когда в России вспыхнула Октябрьская всеобщая политическая стачка, Вильгельм II предоставил в распоряжение Николая II целую эскадру военных кораблей, в состав которой входило пять миноносцев и один крейсер. В дни Декабрьского вооруженного восстания французское правительство направило в Балтийское море броненосец «Адмирал Обе» и минный крейсер «Кассини», а английское правительство — крейсер «Сафир». По сообщениям газет, эти суда имели задание «в случае необходимости» войти в русские воды¹⁷. «Европа уже волнуется, — писал В. И. Ленин в ноябре 1905 г. — Ее буржуазия смущена и готова отдать миллионы и миллиарды, лишь бы остановить пожар в России. Правительства военных европейских держав подумывают о военной помощи царю... Контрреволюция европейская протягивает руку контрреволюции русской»*.

Угроза финансового краха.

Хотя в конце 1905 г. самодержавию и удалось перейти в наступление на революцию, положение его было крайне неустойчиво, борьба с революцией требовала огромных расходов. За 1905 г. государственный долг возрос на 842,7 млн. руб. В то же время золотой резерв царского правительства таял. К концу 1905 г. царское прав-

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 402.

тельство располагало золотым резервом для выпуска новых кредитных билетов всего на сумму в 100 млн. руб., а с января 1906 г. этот резерв снизился до 12 млн. руб.¹⁸. Поражение на фронтах русско-японской войны и рост революционного движения в стране подорвали доверие к государственному кредиту. Следствием этого был все возрастающий отлив вкладов из Государственного банка и сберегательных касс. Над царизмом нависла угроза финансового краха.

Переговоры о займе.

Заклучив мир с Японией, царское правительство приняло все меры для того, чтобы получить за границей новый большой заем. Витте, находясь в США, вступил с этой целью в контакт с крупнейшим американским банкиром Морганом. Одновременно царское правительство сделало попытку возобновить переговоры с французскими банкирами, прерванные в марте 1905 г. Царскому послу в Париже было поручено разузнать, «как относится французское правительство к вопросу о возможности совершения в ближайшем будущем русской кредитной операции на одном парижском рынке, или же при условии соединения его с биржами Лондона и Нью-Йорка»¹⁹. В то же время в Париж выехал для непосредственных переговоров с банкирами бывший вице-директор кредитной канцелярии министерства финансов А. И. Вышнеградский *, только что перешедший с казенной службы на пост члена правления крупнейшего в России Петербургского Международного банка.

Будучи проездом из США в Париже, Витте в беседах с французским премьер-министром Рувье вновь поставил вопрос о займе. Он имел также несколько бесед с членом правления крупнейшего во Франции Парижско-Нидерландского банка Нецлином, в ходе которых были намечены основные контуры предстоящего займа. В частности, было решено, что, кроме французских банков, в реализации займа примут участие английские, германские и американские банки.

В первых числах октября в Петербурге состоялось совещание иностранных банкиров, где была намечена общая сумма займа и доли участия в нем отдельных банковских групп.

Но банкиры не спешили с предоставлением займа. Они колебались, не будучи вполне уверены в том, что царизм окажется в состоянии подавить революцию, и деньги, данные ему для этой цели, не пропадут. В то же время подготовку займа явно тормозило французское правительство. Весной 1905 г. между Францией и Германией возник конфликт из-за дележа Марокко. Для разрешения этого конфликта в январе 1906 г. в испанском городе Альхесирасе должна была состояться международная конференция. Французские правящие круги решили воспользоваться просьбой царского правительства о займе для того, чтобы добиться

* Сын министра финансов в 1888—1893 гг. И. А. Вышнеградского.

от него не только благоприятной позиции на предстоящей конференции, но и соответствующего давления на германское правительство.

**Поездка
Коковцова
в Париж.**

Между тем финансовое положение самодержавия становилось критическим. К тому же приближался срок уплаты по краткосрочному займу, полученному царским правительством в апреле 1905 г. в Берлине. Единственным средством спасения мог быть заграничный заем. Для получения такого займа решено было срочно направить в Париж Коковцова. Вечером 17 (30) декабря 1905 г. парижским норд-экспрессом он выехал из Петербурга.

Но в Париже на предложения Коковцова все банкиры, как один, ответили отказом. Русский финансовый агент во Франции Рафалович, прекрасно понимавший, откуда дует ветер, посоветовал Коковцову обратиться прямо к премьер-министру Рувье. Последний взялся помочь Коковцову, но выдвинул при этом одно условие. «Я буду вашим адвокатом, — заявил Рувье в разговоре с Коковцовым, — но вы помогите нам в том, что нас так заботит»²⁰. И он потребовал, чтобы на предстоящей Альхесирасской конференции русская делегация оказывала самую полную поддержку французским делегатам и солидаризировалась с ними по всем вопросам, не дожидаясь указаний из Петербурга. Коковцов согласился. Только ценой этого обещания ему удалось получить 100-миллионный аванс в счет будущего займа. Однако никакого формального обязательства в отношении самого займа французское правительство так и не дало.

Остановившись на обратном пути в Берлине, Коковцов сумел договориться с германскими банкирами об отсрочке платежа по апрельскому займу 1905 г.

**Подготовка
займа.**

Все это несколько облегчило положение царизма. Но не надолго. Поэтому царская дипломатия упорно продолжала свои переговоры в Париже. С февраля 1906 г. французские банкиры, проникнувшись, по-видимому, доверием к царскому правительству, стали проявлять активное стремление к предоставлению займа России. Между представителем французской банковской группы Нецлином и Витте, занимавшим в то время пост председателя Совета министров, установилась постоянная переписка. В конце февраля 1906 г. Нецлин приехал инкогнито в Россию для переговоров о займе. Возвратившись в Париж, Нецлин в телеграмме на имя Витте от 9 (22) марта 1906 г. сообщил, что он «уже подготовил почву» для реализации займа. «Общественное мнение и биржа, — писал французский банкир, — настроены хорошо и ждут не дождутся крупной операции, которая оживила бы рынок»²¹.

Но французское правительство не давало разрешения на осуществление займа. Оно ставило вопрос о займе в непосредственную зависимость от исхода переговоров в Альхесирасе. В начале

1906 г. Рувье в разговоре с Рафаловичем просил его передать Витте, что, «несмотря на его горячее желание содействовать заключению... займа, никакая большая финансовая операция немыслима, пока не снят будет удручающий гнет, причиняемый неизвестностью Альхесирасской конференции»²². В своей телеграмме Ламсдорфу от 25 января (7 февраля) 1906 г. русский посол в Париже Нелидов писал: «Для нас крайне необходимо, чтобы конференция окончилась благополучно, ибо только под этим условием возможно заключение столь нужного нам займа»²³.

Царская дипломатия честно зарабатывала этот заем. На конференции в Альхесирассе представитель России «делал все от него зависящее, чтобы оказать поддержку Франции»²⁴. Сам Николай II «дважды писал Вильгельму, что он заинтересован в спокойном и наивозможно скором завершении дела»²⁵.

Однако лишь после того, как стал вполне ясен благоприятный для Франции исход Альхесирасской конференции, французское правительство 18 (31) марта 1906 г. разрешило, наконец, парижским банкам взяться за организацию займа.

Заем. Весть о том, что французские банкиры хотят предоставить царскому правительству заем, предназначенный на подавление революции, вызвал широкую волну возмущения как в России, так и во Франции. Великий русский писатель М. Горький обратился с призывом «Ко всем друзьям русского народа». «Не давайте ни гроша денег русскому правительству! — писал он. — Оно не имеет связи с народом, миллионы людей уже осудили его на гибель... Не делайте исторического преступления, еще никем не сделанного, — преступления бессмысленного столь же, как и позорного. Не давайте Романовым денег на убийства»*. Этот призыв был напечатан во французской социалистической газете «Юманите». Французские социалисты развернули энергичную кампанию против займа. В этой кампании приняло активное участие организованное А. Франсом «Общество друзей русского народа».

Но помешать предоставлению займа не удалось. 28 марта (9 апреля) 1906 г. был опубликован контракт, заключенный царским правительством с международным банковским консорциумом, во главе с французскими банками. Общая сумма займа была определена в 2250 млн. франков (843 750 тыс. руб.), из них 1200 млн. франков должны были реализовать французские банки, а остальная сумма приходилась на долю русских, английских, австрийских и голландских банков. Заем был выпущен на исключительно тяжелых условиях, по цене 83,5 за 100 (из 6%). 13 (26) апреля 1906 г. началась его реализация во Франции. Привлеченная высоким процентом, французская буржуазия с жадностью набросилась на облигации русского займа²⁶.

Заем 1906 г. спас царизм от неминуемого краха. Он помог ему задушить революцию в России.

* М. Горький, Собрание сочинений, т. 23, М., 1953, стр. 383—385.

ГЛАВА IV.

НА ПЕРЕПУТЬЕ

§ 1. ИЗМЕНЕНИЯ В РАССТАНОВКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ЕВРОПЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Установление «сердечного соглашения» между Англией и Францией.

В то время как русская дипломатия занималась дальневосточными делами, а затем направила все свои усилия на борьбу с революцией в России, в Европе происходили важные события. В начале 90-х годов германские империалистические круги выдвигают лозунг: «Будущее Германии на морях». С этого времени германская экспансия приобретает по преимуществу колониальный характер. Не отказываясь от территориальных притязаний в Европе, Германия главное внимание в своей внешней политике начинает уделять захвату колоний и сфер влияния.

Вступление Германии в борьбу за раздел колоний неизбежно должно было привести ее к столкновению с Англией. Трансваальский кризис 1895—1896 гг. явился первой острой схваткой между Германией и Англией в борьбе за колонии.

В начале 1900-х годов, в условиях завершения раздела «свободных» территорий, происходит резкое обострение англо-германских и франко-германских колониальных противоречий. Задачи совместной борьбы против Германии послужили основой для англо-французского сближения. 8 (26) апреля 1904 г. Англия и Франция заключили между собой соглашение, которому суждено было сыграть исключительно важную роль в истории международных отношений. Это соглашение было посвящено разделу сфер влияния в Африке и Азии. В нем ни слова не говорилось о Германии. Но именно это соглашение, урегулировавшее спорные вопросы между Англией и Францией, положило начало их политическому, а затем и военному сотрудничеству, направленному против Германии. Новые отношения, сложившиеся между Англией и Францией, поскольку они не базировались на формальном договоре о союзе, стали называться в дипломатических кругах «сердечным согласием».

В результате установления в 1904 г. «сердечного согласия» Франция оказалась союзником двух злейших врагов: России и Англии. В таком положении она не могла оставаться долго. Французский посол в Петербурге Бомпар в мае 1904 г. в одном из своих донесений в Париж писал: «Если англо-французское соглашение не повлечет за собой англо-русского, то оно повлечет русско-германское»¹. Французские правящие круги были кровно заинтересованы в англо-русском сближении. «Если бы мы могли опираться и на Россию и на Англию, как мы были бы сильны против Германии!» — говорил крупный политический деятель Франции, неоднократно занимавший пост министра иностранных дел, Делькассе².

Разумеется, во время русско-японской войны эти мечты были несбыточны. Но сразу же после заключения Портсмутского мира французская дипломатия активно взялась за претворение их в действительность.

Стремление правящих кругов Англии к сближению с Россией.

Чтобы убедить руководителей внешней политики Англии в необходимости сближения с Россией, не требовалось больших усилий. Неизбежность войны между Англией и Германией становилась все более очевидной. В этой войне вопрос о преобладании на море должен был решаться в вооруженном столкновении на суше. Для того чтобы нанести Германии решающее поражение, нужна была сильная армия. Но такой армии не имела Франция. Следовательно, союз с ней Англии был недостаточен. Ей необходим был такой союзник, участие которого в предстоящей войне обеспечило бы победу над Германией. Таким союзником могла быть только Россия.

Укрепив свои колониальные владения на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии союзом с Японией, который был подтвержден и обновлен договором от 30 июля (12 августа) 1905 г., английские правящие круги уже с осени 1905 г. проявили стремление к возобновлению переговоров с Россией относительно раздела сфер влияния на Среднем Востоке. В середине мая 1906 г. английское правительство через своего посла в Петербурге сделало официальное предложение царскому правительству начать переговоры по вопросу о Тибете.

§ 2. РАЗНОГЛАСИЯ В ПРАВЯЩИХ КРУГАХ ЦАРСКОЙ РОССИИ ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Царская Россия перед выбором: Англия или Германия?

Значение вопроса, который в связи с предложением Англии предстояло решить царскому правительству, трудно было переоценить. От его решения зависела дальнейшая внешнеполитическая ориентация России. Несмотря на все разочарования, которые принес царизму в годы войны франко-русский союз, царская дипломатия осталась верна ему. Но в но-

вой международной обстановке начала XX в. франко-русский союз потерял самостоятельное значение. Он возник в тот период, когда германская экспансия носила континентальный характер и вследствие этого франко-германские и русско-германские противоречия играли доминирующую роль в международной жизни Европы. Теперь же, когда на первое место вышли англо-германские и франко-германские противоречия, франко-русский союз мог существовать лишь как придаток англо-французского. В результате нельзя было оставаться дальше союзником Франции, продолжая быть противником Англии. Самодержавие оказалось перед выбором: либо идти вперед, навстречу Англии — самому старому и злейшему своему врагу, главному виновнику недавнего краха дальневосточной политики царизма, либо возвращаться назад, к возобновлению прежних отношений с Германией, к союзу трех императоров. Выбор этот зависел от многих причин и прежде всего от соотношения классовых сил внутри России.

**Изменения
в соотношении
классовых сил
внутри России.**

Революция 1905—1907 гг. явилась важнейшим этапом на пути к превращению царского самодержавия из феодальной монархии в буржуазную. В ходе этой революции окончательно сложился контрреволюционный союз российского дворянства и буржуазии. Развитие капитализма в России неизбежно вело к падению роли дворянства и увеличению удельного веса буржуазии. Экономические позиции дворянства вследствие уменьшения дворянского землевладения (к 1905 г. дворянство потеряло около одной трети земель, принадлежавших ему после отмены крепостного права) ослабевали. Дворянство все более теряло свое прежнее классовое лицо, превращаясь в земельную буржуазию и вступая на путь промышленного предпринимательства.

В то же время буржуазия росла и крепла, сфера ее господства расширялась. С утверждением в России монополий, захвативших в начале XX в. ключевые позиции в народном хозяйстве, ее значение особенно возросло. Вследствие этого интересы буржуазии приходили в противоречие с политическим господством дворянства. Буржуазия претендовала на более активную политическую роль в стране. Она, в частности, хотела бы принимать непосредственное участие в решении вопросов внешней политики России. Однако, выросшая в искусственных условиях, возникших в результате осуществления царским правительством политики поощрения отечественной промышленности (путем таможенной охраны, предоставления казенных заказов и субсидий, привлечения иностранных капиталов), русская буржуазия была экономически зависима от самодержавия. К тому же русская буржуазия видела в самодержавии своего единственного защитника перед лицом бурного роста рабочего движения в стране. Все это порождало стремление буржуазии к сделке с царизмом.

В годы первой русской революции дворянство смогло сохранить свои экономические позиции (дворянское землевладение) и политическую власть (самодержавие) лишь пойдя на союз с буржуазией. Российская буржуазия, смертельно напуганная революцией, охотно приняла предложенный ей союз. Союз дворянства и буржуазии представлял собой основу той политической системы, которая возникла в России в результате революции 1905—1907 гг. и в дальнейшем получила название третьеиюньской монархии. Поскольку интересы дворянства и буржуазии были весьма противоречивы, такой союз мог существовать лишь благодаря политике постоянного лавирования самодержавия, колебания его между черносотенным дворянством и либеральной буржуазией. Эти колебания проявились, в частности, и во внешней политике царского правительства.

Разногласия по вопросам внешней политики царизма между черносотенно-дворянскими и либерально-буржуазными кругами.

Важнейшим фактором, определявшим позицию русского черносотенного дворянства в отношении внешней политики царизма, был его страх перед революцией. Видя главную задачу царского самодержавия в предотвращении нового революционного взрыва и укрепления существующего строя после пережитых им в 1905—1907 гг. потрясений, правые считали не-

обходимым направить все усилия на выполнение этой задачи. Отсюда и та сугубо вспомогательная роль, которую они отводили внешней политике царизма. Правые опасались, что активная внешняя политика может отвлечь царизм от главной цели — борьбы с революцией. Поэтому они являлись сторонниками осторожной внешней политики, свободной от всякого риска возникновения конфликтов с другими державами.

Разумеется, русское черносотенное дворянство не было принципиальным противником проведения активной внешней политики, захвата колоний и расширения сфер влияния. Такая политика, открывая пути для развития капитализма вширь, сдерживала обострение внутренних экономических и социальных противоречий в России и обеспечивала возможность для постепенного приспособления помещичьего хозяйства к условиям капиталистического развития. Однако, поскольку такая политика была связана с риском конфликтов и войн, чреватых внутренними осложнениями, черносотенное дворянство готово было отказаться от нее. Для него успехи внешней политики имели сравнительно второстепенное значение, лишь бы внутри было «спокойно».

Что же касается русской буржуазии, то при всем ее страхе перед революцией она не могла отказаться от активной внешней политики, ибо развитие капитализма, особенно в условиях сохранения крепостнических пережитков в России, требовало постоянного расширения сферы его господства.

Различный подход к вопросу о задачах внешней политики самодержавия определял и различную внешнеполитическую ориен-

тацию черносотенно-дворянских и либерально-буржуазных кругов.

Черносотенно-дворянские круги активно выступали против сближения России с Англией. Они отстаивали идею союза с Германией, который должен был, по их мнению, обеспечить России не только спокойствие на западных границах, но и вооруженную помощь на случай новой революции.

Буржуазные круги, наоборот, придерживались проантантовской ориентации. Они пропагандировали необходимость союза с Англией. В основе этой ориентации лежали как экономические, так и политические интересы. Французские и английские капиталы к началу XX в. занимали исключительно важное место в русской экономике. Зависимость русской буржуазии от парижской и лондонской бирж в значительной мере предопределяла ее позицию по вопросам внешней политики России. За сближение с Англией выступали также довольно широкие круги обуржуазившегося дворянства, экспортировавшего пшеницу на английский хлебный рынок. Сторонники союза с Англией и Францией видели в этом союзе залог успеха внешней политики России, в частности залог победы в случае возникновения войны с Германией. Свято веря в могущество денежного мешка, буржуазные круги полагали, что на случай новой революции в России царизму будет нужнее финансовая помощь, которую в состоянии были оказать лишь Франция и Англия.

Борьба по вопросам внешнеполитической ориентации России между прогермански настроенными кругами черносотенного дворянства и либеральной буржуазией, выступавшей за союз с Англией и Францией, заполняет весь период со времени подавления первой русской революции до начала первой мировой войны.

Кроме влияния буржуазных кругов, был еще один немаловажный фактор, оказывавший серьезное воздействие на внешнеполитическую ориентацию царизма. Уже первые русские займы во Франции сыграли, как мы видели, известную роль в подготовке франко-русского союза, создав экономическую базу для политического сотрудничества Франции и России.

К началу XX в. зависимость самодержавия от финансовой помощи Франции значительно увеличилась. Но и тогда она была еще недостаточна для оказания давления на внешнюю политику России со стороны Франции. Переломным моментом в этом отношении послужили годы русско-японской войны и первой буржуазно-демократической революции в России. Резко ухудшившееся за эти годы финансовое положение царизма позволило французским правящим кругам обуславливать предоставление займов России исполнением русской дипломатией тех или иных услуг Франции, независимо от того, насколько эти услуги соответствовали собственным интересам царизма. История займа 1906 г. достаточно

Влияние на внешнюю политику России растущей финансовой зависимости самодержавия.

красноречиво свидетельствовала об этом. Русская дипломатия оказалась вынужденной поддержать в Альхесирасе Францию и Англию, несмотря на то, что это грозило ухудшением русско-германских отношений, крайне нежелательным для царской России в момент наивысшего подъема революции. Переписка русского министра финансов Коковцова с парижским банкиром Нецлином, опубликованная после Октябрьской революции, свидетельствует о том, насколько за эти годы возросла зависимость царизма от французских банков. В своих письмах Нецлин нередко выражал недовольство политикой царского правительства и давал ему советы. Со своей стороны Коковцов не только советовался с Нецлином по важнейшим вопросам финансовой политики царского правительства, но даже сообщал ему предварительные сметные предположения государственного бюджета России до его опубликования³.

Все возрастающая финансовая зависимость самодержавия вынуждала царских сановников поступать часто вопреки их личным симпатиям. История внешней политики России накануне первой мировой войны служит тому примером.

§ 3. АНГЛО-РУССКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

**Изменения
в руководстве
внешней
политикой
царской России**

Участие английских банков в русском заграничном займе 1906 г. по существу предопределило согласие царского правительства на переговоры с Англией. Совсем не случайно официальный царского правительства, газета «Новое время», ранее отвергавшая идею соглашения с Англией, 1 (14) апреля 1906 г. завела речь об основных принципах такого соглашения. Вскоре после этого в руководстве внешней политикой России произошли важные изменения. 22 апреля (5 мая) 1906 г. председатель Совета министров Витте был уволен в отставку. Вслед за ним ушел с поста министра иностранных дел Ламсдорф. С их именами был связан один из самых мрачных периодов в истории царской дипломатии. Осуществлявшийся ими курс на активизацию внешней политики России на Дальнем Востоке не принес царскому самодержавию ничего, кроме неудач. Уход Витте и Ламсдорфа от государственных дел знаменовал собой начало нового этапа во внешней политике царской России.

Преемником Витте на посту председателя Совета министров был И. Л. Горемыкин, которого уже в июле 1906 г. сменил П. А. Столыпин. На должность министра иностранных дел в начале мая 1906 г. был назначен А. П. Извольский.

Так же, как и его предшественники, новый министр был дипломатом карьеры. С ранней молодости, окончив императорский лицей, Извольский поступил на службу в министерство иностранных дел. Незнатного происхождения и небогатый, он медленно

поднимался по ступеням служебной лестницы, упорно стремясь достигнуть ее вершины. До своего назначения министром иностранных дел, Извольский занимал ряд ответственных дипломатических должностей — посланника в Белграде (1897), в Мюнхене (1897—1899), Токио (1899—1903) и Копенгагене (1903—1906). Он не проявил при этом каких-либо особых дипломатических талантов. Ему явно не хватало умения правильно оценивать реальное соотношение сил на международной арене и разбираться в хитросплетениях дипломатических интриг.

Будучи посланником в Токио, он, например, проглядел подготовку японской дипломатией союза с Англией. В конце 1901 г., в тот момент, когда переговоры между Японией и Англией вступили в свою решающую стадию, Извольский, очарованный обходительностью японского министра иностранных дел Комуры, усыплял бдительность руководителей внешней политики России сообщениями о том, что Комура «вполне искренно желает найти почву для сближения с нами»⁴. Как политик Извольский был недостаточно дальновиден, как дипломат недостаточно проницателен. Именно в этом кроется причина тех неудач, которые ему впоследствии пришлось испытать на посту министра иностранных дел. Но он был энергичен, ловок и ради достижения поставленной цели не особенно стеснялся в средствах. Эти его качества в полной мере проявились на посту посланника в Копенгагене. Хотя Дания играла в международной жизни незначительную роль, этот пост считался в те времена весьма ответственным. Династические связи королевского двора со всеми дворами Европы делали Копенгаген центром всякого рода политических интриг. К тому же между датским двором и царской семьей существовали особенно близкие, родственные отношения. Частые выезды в Копенгаген членов царской фамилии хотя и усложняли работу русского посланника, но зато ставили его в очень близкие отношения с придворной камарильей, что нередко обеспечивало ему блестящую карьеру. С должности посланника в Копенгагене пришел на пост министра иностранных дел один из предшественников Извольского — М. Н. Муравьев. Это же удалось повторить и Извольскому.

Новый министр умел ладить не только с аристократическим окружением царя. Как показывают архивные документы, относящиеся к кануну первой мировой войны, Извольский был тесно связан с русскими банковскими кругами. Будучи в то время послом в Париже, он при посредничестве Русско-Азиатского банка играл на бирже, дополняя доходами, полученными на спекуляциях ценными бумагами, недостающий ему посольский оклад. Очень трудно установить, когда возникли эти связи, но радушная встреча, оказанная Извольскому на посту министра иностранных дел октябристско-кадетской печатью, свидетельствовала о том, что уже в то время его фигура импонировала русским буржуазным кругам.

Ослабление позиций царской России на Среднем Востоке.

Извольский считал необходимым пойти на встречу стремлению английской дипломатии к заключению соглашения с Россией о разделе сфер влияния на Среднем Востоке. За годы русско-японской войны положение на Среднем

Востоке резко изменилось не в пользу России.

Россия не была в состоянии продолжать свою прежнюю наступательную политику в Персии. Русские коммерческие предприятия, которые были созданы в этой стране, находились в критическом положении. В конце 1904 г. директор Учетно-ссудного банка в Персии Остроградский в письме в Государственный банк, отмечая плачевное состояние транспортного и страхового дела, организацией которого занимались русские капиталисты, писал: «Между тем экономическая борьба Англии и России за Персию (и не за Юг или за Север, а за всю Персию) начинает снова обостряться... Даже в прилегающих к России районах мы далеко не являемся хозяевами рынка, то же самое надо сказать и о Тегеране, и даже о Гиляне... Нашим козырем могла служить только близость рынка от наших производственных центров и те жертвы, которые несет правительство в виде возврата пошлин... Благодаря своему организаторскому таланту и энергии англичанам удалось увеличить в этом отношении шансы, и результаты могут сказаться в очень недалеком будущем, и тогда оборудование персидских дорог и вся деятельность нашего банка могут оказаться совершенно бесцельными»⁵.

В годы русско-японской войны царское правительство было вынуждено фактически отказаться от проникновения на Юг Персии. На особом совещании по вопросу о финансово-экономической политике России в Персии 7 (20) июня 1904 г. министр финансов Коковцов, указывая на необходимость ограничиться затратами только «на полезные для наших интересов предприятия», заявил: «...Но и таковые следует по возможности ограничить пределами Северной Персии, не далее линии, проходящей через Исфаган; к югу от этой линии конкуренция с иностранными державами, особенно с Англией, представляется для нас чрезвычайно затруднительной...» Совещание приняло решение в дальнейшем оказывать денежную помощь персидскому правительству лишь в «самых исключительных случаях» и «не домогаться никаких новых концессий, не оправдываемых собственными выгодами дела»⁶.

Когда летом 1905 г. персидский шах сообщил царскому правительству о принятом им решении «окончательно отказаться от политики колебания между русским и английским влиянием и бесповоротно перейти на сторону России», он застал царское правительство врасплох. В Петербурге не сомневались в том, что «в намерения шаха безусловно входит заручиться денежной помощью нашей»⁷. Между тем царское правительство само искало, где бы взять деньги займы.

Для обсуждения создавшейся ситуации 12 (25) августа 1905 г. было вновь созвано особое совещание. Его участники понимали, что «новая ссуда, о которой будет просить Персия», должна быть причислена «к чисто политическим, т. е. сомнительно обеспеченным и почти безвозвратным выдачам». Тем не менее совещание приняло решение о выдаче такой ссуды персидскому правительству размером до 10 млн. руб. при условии, что «Персия обязуется не кредитоваться впредь у Англии (Шахиншахского банка)»⁸.

Но очень скоро царское правительство убедилось в том, что бремя полученной монополии для него непосильно. В январе 1906 г. оно договорилось с английским правительством не оспаривать друг у друга займов персидскому шаху, а действовать согласованно. И когда в августе 1906 г. шах снова обратился за деньгами в Петербург, Извольский сам предложил Англии принять участие в этом займе⁹.

Начало
переговоров
с Англией.

В создавшихся условиях о монопольном влиянии России в Персии не приходилось думать. Царскому самодержавию нужно было заботиться не столько об усилении своих позиций на Среднем Востоке, сколько о сохранении достигнутых ранее результатов перед лицом усилившегося наступления английского империализма. Этого можно было достигнуть лишь путем раздела сфер влияния между Англией и Россией.

Соглашение с Англией было необходимо и в целях укрепления положения России на Дальнем Востоке. Условия Портсмутского мира вызвали большое неудовольствие в Японии. Военная партия требовала немедленного возобновления войны. Число японских войск в Корее и Южной Маньчжурии непрерывно увеличивалось. Тревога, которую в связи с этим переживали правящие круги России, принимала иногда (например, в феврале 1906 г.) характер настоящей паники. Сближение России с Англией, несомненно, облегчило бы ей возможность договориться с Японией по дальневосточным вопросам.

Извольский полагал также, что царская дипломатия, согласившись на предлагаемый Англией раздел сфер влияния на Среднем Востоке, могла бы добиться от нее уступок на Ближнем Востоке, в частности в вопросе о проливах. Однако, идя на переговоры с Англией, Извольский отнюдь не помышлял о соглашении, направленном против Германии. Он считал, что Россия может обеспечить свои интересы лишь путем поддержания дружественных отношений как с Англией, так и с Германией.

Программа Извольского была одобрена царем, и на официальное предложение английского правительства о переговорах Извольский ответил согласием. Но переговоры не клеились. Извольский еще в начале августа 1906 г. обещал послу Великобритании в Петербурге Никольсону в «скором времени» вручить ответ на английские предложения, однако наступил уже сентябрь, а он все еще хранил молчание.

**Оппозиция
англо-русскому
соглашению
в России.**

Это объяснялось тем, что Извольскому, в осуществление его программы, пришлось встретить серьезное сопротивление со стороны противников англо-русского соглашения. По мнению многих влиятельных представителей правящей верхушки России, такое соглашение неизбежно должно было вызвать ухудшение русско-германских отношений.

«Вы не можете себе представить всей той борьбы, которую мне пришлось выдержать в 1907 г. со всеми, вплоть до моих сотрудников по министерству», — признавался впоследствии Извольский французскому послу в Петербурге¹⁰.

7(20) сентября 1906 г. предложения Англии о разделе сфер влияния в Персии подверглись обсуждению на особом совещании. «Не следует забывать, — заявил Извольский, открывая это совещание, — что нам предстоит выбор между соглашением, способным надежно обеспечить хотя бы часть наших интересов и соперничеством в таких условиях, при которых мы лишены уверенности, что вопросы, близко нас касающиеся, не будут решаться помимо нас и в ущерб всем нашим пользам». Этот тезис развил в своем выступлении министр финансов Коковцов. «Нельзя скрывать от себя фактов, — говорил он, — и приходится признавать то безусловное обстоятельство, что политическое значение России умалилось, и, соответственно с этим, нам необходимо видоизменить наши взгляды на восточную политику вообще, в которой была допущена та коренная ошибка, что мы не соразмерили бывших в нашем распоряжении средств с намеченной целью». По мнению Коковцова, «стремление к выходу в Персидский залив» есть результат «глубокого заблуждения», ибо «Персидский залив фактически закрыт Англией и находится на деле в ее руках». Министр финансов предложил ограничиться северной частью Персии до линии Касри-Ширин — Хамадан — Тегеран — Мешхед — Ашхабад и «твердо решить не идти далее на Юг».

Выступление министра финансов вызвало возражения со стороны присутствующих. Министр торговли и промышленности Философов выразил сомнение в возможности «упразднения мероприятий по развитию торговли с Персидским заливом».

Представитель Совета государственной обороны генерал Протопопов указал на необходимость при решении вопроса о разделе сфер влияния в Персии учитывать мнение морского министерства, поскольку «стремление к Персидскому заливу может быть объяснено не одними только экономическими видами, но и потребностью в промежуточных морских станциях».

Начальник генерального штаба Палицин отметил, что предложения английского правительства по вопросу о разделе сфер влияния обнаруживают «истинные намерения Англии — утверж-

дение своего исключительного влияния в Сеистане» *, и «обстоятельство это не может не быть принято во внимание при предстоящих переговорах». Оставив за собой право представить в ближайшее время соображения генерального штаба относительно сфер влияния, он, однако, не возражал против соглашения с Англией по вопросам финансирования персидского правительства. В результате совещание ограничилось тем, что выразило согласие лишь на совместное с Англией предоставление аванса Персии ¹¹. Раздраженный таким решением Извольский жаловался русскому послу в Лондоне Бенкендорфу: «Генеральный штаб после русско-японской войны ничему не научился и не желает расставаться с мечтами о Сеистане, Персидском заливе и Индийском океане» ¹².

**Поездка
Извольского
в Берлин.**

Поскольку противники англо-русского соглашения указывали на то, что переговоры между Россией и Англией вызывают недовольство в Германии, Извольский, прежде чем вступить в переговоры с Англией по персидскому вопросу, решил в октябре 1906 г. предпринять поездку в Берлин. Главная цель такой поездки состояла в том, чтобы убедить германское правительство, что теперешнее соглашение с Англией не будет направлено против Германии. «Наши переговоры, — внушал Извольский руководителям германской внешней политики, — не преследуют ничего иного, как только задачу устранить точки трения, существующие между двумя странами, и ни в коем случае не могут втянуть нас в политическую комбинацию, направленную против Германии. Если эти переговоры коснутся интересов Германии, мы готовы объяснить, чтобы «идти в одной упряжке» ¹³. В частности, Извольский дал согласие сделать вопрос о продолжении Багдадской дороги в Персию предметом специального обсуждения с Германией в ближайшем будущем.

**Сдвиг в правящих
кругах царской
России в пользу
соглашения
с Англией.**

Когда 1 (14) февраля 1907 г. вновь собралось особое совещание по вопросу о соглашении с Англией, выяснилось, что настроение в правящих кругах царской России существенно изменилось в пользу этого соглашения. На совещании обсуждались два вопроса: о разграничении сфер влияния в Персии между Россией и Англией и о соглашении с Германией относительно Багдадской железной дороги. В связи с первым вопросом Извольский напомнил присутствующим, что до последнего времени мысль о разграничении сфер влияния в Персии «не встречала сочувствия в русском общественном мнении, и в руководящих кругах господствовало даже убеждение, что Персия должна всецело подпасть под русское влияние и что нам надо стремиться к свободному выходу в Персидский залив с проведением железнодорожной линии через всю

* Се и с т а н — юго-восточная часть Персии.

Персию и созданием укрепленного пункта на означенном заливе». «События последних лет, — продолжал министр иностранных дел, — выяснили, однако, несбыточность этого плана и выдвинули вопрос о необходимости устранить почву для конфликта с Англией, для чего наиболее подходящим средством является разграничение сфер влияния». Совещание без обсуждения приняло «принцип разграничения сфер влияния как единственную возможную основу для соглашения с Великобританским правительством».

Когда совещание перешло к рассмотрению конкретных предложений относительно разграничения сфер влияния в Персии, начальник генерального штаба Палицин потребовал установить южную границу русской зоны не по линии Касри-Ширин — Хамадан — Тегеран — Мешхед — Гаудан, как это предлагало министерство финансов, а значительно южнее — по линии Керманшах — Исфаган — Йезд — Кусан. Обосновывая это предложение, представители генерального штаба указывали на то, что согласие России на выделение в качестве английской зоны Сеистана — «плодородной местности и единственного пути из Индии» — «имеет для Англии столь важное значение», что дает царскому правительству «возможность получить значительные компенсации с ее стороны». Предложение генерального штаба поддержали министр торговли и промышленности и помощник военного министра. Подводя итоги прениям, Извольский высказал мнение, что «можно попытаться» принять линию, предложенную генеральным штабом «в виде максимума наших требований».

По второму вопросу Извольский, отметив, что «соглашение с Англией может принести ожидаемые от него результаты и предупредить возможность международных осложнений лишь в том случае, если не вызовет возражений со стороны третьих держав, и прежде всего, конечно, Германии», предложил, «для полного обеспечения себя с этой стороны», «более определенным образом столкнуться с нашей западной соседкой и до известной степени также разграничить области наших взаимных интересов». «Почвой для такого соглашения, — заявил он, — естественно может служить Багдадская железная дорога, сооружение которой Россия донныне всячески старалась тормозить, заручившись для того содействием Франции и Англии». Это предложение тоже было одобрено совещанием¹⁴.

Результатом февральского совещания был серьезный сдвиг в ходе англо-русских переговоров. Извольский и Никольсон быстро согласовали тибетский вопрос. Англичане не случайно начали переговоры именно с него. В Тибете они шли на уступки. Английские империалисты неоднократно пытались утвердиться в Тибете. В ноябре 1903 г. Англия предприняла вооруженную интервенцию против Тибета. Англо-индийским войскам в начале 1904 г. удалось овладеть пограничными укреплениями Тибета, но они не смогли сломить его сопротивление. Весной 1904 г. меж-

ду Англией и Россией начались переговоры о соглашении, по которому Англия обязывалась не вмешиваться во внутренние дела Тибета и не аннексировать или оккупировать его территорию. Однако, воспользовавшись поражением России в войне с Японией, Англия отказалась подписать такое соглашение¹⁵. Теперь же правительство Англии выражало готовность совместно с Россией признать верховные права Китая над Тибетом и дать обязательство «уважать территориальную целостность Тибета и воздержаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление»¹⁶.

К началу марта русский министр иностранных дел и английский посол договорились и по вопросу о размежевании в Персии. Согласно этому размежеванию в английскую сферу влияния должна была войти юго-восточная часть Персии, ограниченная с северо-запада линией: Газик — Бирджанд — Керман — Бендер-Аббас. Что касается русской зоны, то английское правительство соглашалось, чтобы ее юго-восточная граница шла по линии: Касри-Ширин — Исфаган — Йезд — Зюльфагар. Как видим, эта линия лишь очень немногим отличалась от той, которую Извольский рассматривал в качестве максимума требований со стороны России.

**Вопрос об
Афганистане.**

Оставался «самый жгучий пункт переговоров» (по выражению Извольского) — вопрос об Афганистане. Здесь уже царской дипломатии приходилось идти на уступки. Англичане требовали от России признания Афганистана сферой влияния Англии. Понимая, что это требование не может не встретить возражений со стороны правящих кругов царской России, английский министр иностранных дел Грей пустил в ход испытанный козырь. В своем меморандуме от 2 (15) марта 1907 г. он заявил о том, что «хорошие отношения с Россией означают, что нам следует отказаться от своей прежней политики: закрытия проливов для нее и выступления против нее на конференциях держав»¹⁷. Когда английский посол в Петербурге сообщил об этом Извольскому, тот «засиял от удовольствия»¹⁸.

Но решение вопроса зависело не только от Извольского. Предложения Англии вызвали серьезные возражения со стороны правящих кругов царской России. 14 (27) апреля в третий раз было созвано особое совещание, посвященное переговорам с Англией. На обсуждение его был поставлен афганский вопрос. Извольскому удалось убедить присутствующих «формально признать Афганистан вне сферы русского влияния». Но при этом было решено потребовать, «чтобы Англия гарантировала: 1) что она не будет присоединять афганскую территорию, не будет занимать отдельные ее части и воздержится от всякого вмешательства во внутренние дела страны, и 2) что она не примет в Афганистане никаких действий, направленных против России». Вместе с тем совещание отвергло ряд английских предложений, направленных

против русской торговли в Афганистане (об отказе России от премирования русского вывоза в Афганистан и посылки туда своих агентов) ¹⁹.

**Англо-русские
переговоры
в тупике.**

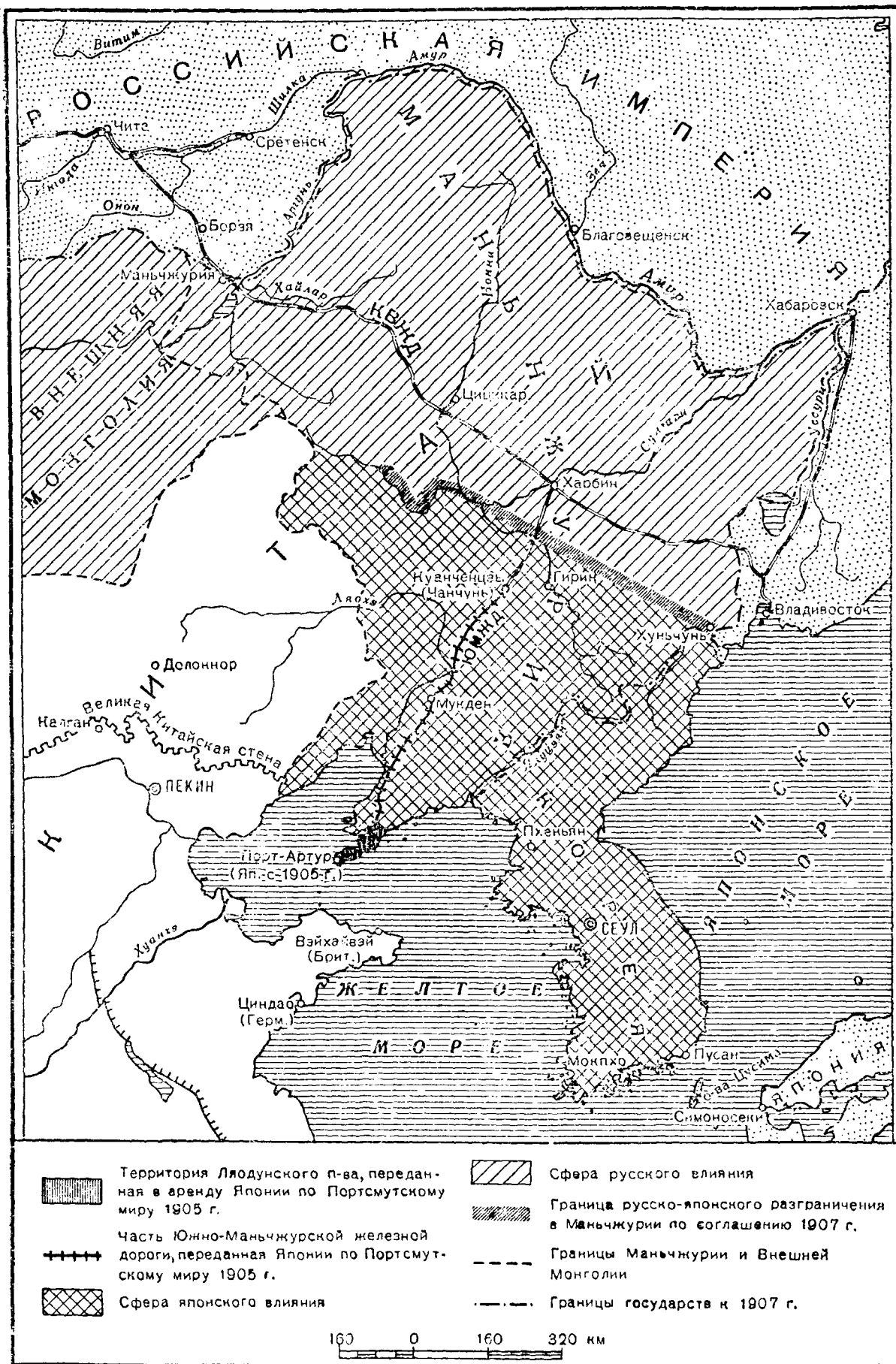
Переговоры застопорились. Английская дипломатия попыталась было сдвинуть их с места, прибегнув к соответствующим санкциям. Отвечая на вопрос Извольского о том, можно ли истолковывать заявления Грея о проливах как обещание поддержки России, министр иностранных дел Англии поставил вопрос о проливах в прямую зависимость от результатов происходящих переговоров. «Если происходящие сейчас переговоры, — писал он, — приведут к удовлетворительному результату, это окажет такое действие на английское общественное мнение, что значительно облегчит обсуждение вопроса о проливах, если он впоследствии возникнет» ²⁰.

Застыли и переговоры с Японией, так как при разграничении сфер влияния в Маньчжурии японцы потребовали, чтобы граница между ними пошла по реке Сунгари, в результате чего в сфере влияния Японии оказался бы 120-километровый отрезок КВЖД (от станции Сунгари до станции Куанченцзы), принадлежавший, согласно Портсмутскому договору, России.

Прошел апрель, затем май, а положение не менялось. Этим воспользовались прогермански настроенные черносотенно-дворянские круги, которым контрреволюционный переворот 3 июня 1907 г. придал новые силы. В правой печати вновь начинается широкая кампания за союз с Германией. Тот факт, что к этой кампании присоединяется газета «Новое время», на страницах которой раздаются призывы «признать, что франко-русский союз есть достояние прошлого, и обратить наши взоры в иную сторону», был воспринят в дипломатических кругах как свидетельство очередного поворота правящей верхушки России в сторону Германии. Английский посол в Петербурге в своих письмах к Грею умолял его пойти на уступки с тем, чтобы не упустить случая, «который никогда больше не повторится» ²¹.

**Соглашение
с Японией.**

Опасаясь обострять отношения одновременно и с Англией и с Японией, Извольский в переговорах с японским послом в Петербурге дал согласие на ту линию разграничения в Маньчжурии, на которой так настаивала Япония. Предмет спора был, таким образом, ликвидирован, и затянувшиеся русско-японские переговоры получили благополучное завершение. 2 (15) июля 1907 г. состоялось подписание торгового договора и рыболовной конвенции, а 17 (30) июля — соглашения по общеполитическим вопросам. Последнее состояло из гласной конвенции и секретного договора. Гласная конвенция провозглашала взаимные обязательства России и Японии уважать территориальную целостность и независимость Китая. Секретный же договор предусматривал раздел Китайской империи на сферы влияния. Маньчжурия была разделена

Раздел сфер влияния в Китае между Россией и Японией в 1907 г.

на две зоны: Северную (русскую) и Южную (японскую). Граница между ними проходила через Хуньчунь, далее по реке Сунгари до устья реки Наньцзян (Нонни) и по притоку ее Толахэ до пересечения его с 122-м меридианом восточной долготы. Япония обязывалась не искать для себя и для своих подданных «никакой железнодорожной или телеграфной концессии в Маньчжурии, к северу от демаркационной линии... и не затруднять ни прямо, ни косвенно всякого рода действия, поддержанные царским правительством, имеющие в виду такого рода концессии в указанном районе». Россия принимала на себя аналогичные обязательства по отношению к японской сфере влияния. Корея по договору признавалась сферой влияния Японии, а Внешняя Монголия — России²².

**Свидание
в Свинемюнде.**

В соответствии с обещанием Извольского, данном им во время посещения Берлина в октябре 1906 г., с конца 1906 г., параллельно с англо-русскими переговорами, начались переговоры между Россией и Германией относительно Багдадской дороги.

22—24 июля (4—6 августа) 1907 г. состоялось свидание Николая II с Вильгельмом II на рейде в Свинемюнде. Извольский, сопровождавший царя, использовал это свидание для того, чтобы вновь заверить руководителей внешней политики Германии в том, что Россия не собирается заключать с Англией общеполитического соглашения. Он заявил, что, идя на уступки берлинскому кабинету, царское правительство решило в договор с Англией совершенно не включать вопрос о Багдадской железной дороге. Наконец, русский министр иностранных дел принял предложение о заключении с Германией договора относительно сохранения *status quo* на Балтийском море²³.

**Подписание
англо-русского
соглашения.**

Известие о секретных переговорах в Свинемюнде вызвало как в Лондоне, так и в Париже серьезные опасения за судьбу англо-русского соглашения. Между тем в Персии нарастала революция, носившая не только антифеодальный, но и антиимпериалистический характер. Уже первые мероприятия меджлиса (парламента), проведенные в конце 1906 — начале 1907 г. под давлением широких масс населения, задели интересы иностранного капитала. Революция в Персии способствовала достижению соглашения между Англией и Россией. Английские империалисты возлагали большие надежды на содействие России в подавлении персидской революции. Поэтому они сочли нужным пойти на уступки. Английское правительство сняло свое требование относительно признания Россией специальных интересов Англии в Персидском заливе и приняло контрпредложения русской дипломатии по афганскому вопросу. Оно согласилось включить в конвенцию, касающуюся Афганистана, обязательство Англии не присоединять и не занимать какой-либо части афганской территории, не вмешиваться во внутренние дела Афганистана,

не принимать там мер, угрожающих России, и не поощрять к таким мерам афганские власти. Английское правительство признало также принцип торгового равноправия договаривающихся сторон в Афганистане. В результате, когда 11 (24) августа 1907 г. Извольский вновь поставил на обсуждение особого совещания текст англо-русского соглашения, он получил полное одобрение²⁴. 18 (31) августа 1907 г. соглашение между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета было подписано.

Царская дипломатия, идя на заключение соглашения с Англией, приложила немало усилий, чтобы не испортить отношений с Германией. Но, вопреки этим усилиям, англо-русское соглашение 1907 г., посвященное, казалось бы, частным вопросам и не содержащее даже намека на какие-либо союзнические обязательства договаривающихся сторон, сыграло решающую роль в создании тройственной коалиции Англии, Франции и России, направленной против Германии. Субъективные стремления руководителей внешней политики России оказались в противоречии с объективным значением этого соглашения. Оградив интересы российского империализма на Среднем Востоке и в то же время установив здесь определенные пределы его экспансии, англо-русское соглашение 1907 г. способствовало изменению направления экспансионистских устремлений царского самодержавия на Ближний Восток, где Россия неизбежно должна была столкнуться с Австро-Венгрией и Германией.

Объективный смысл англо-русского соглашения 1907 г. был глубоко вскрыт В. И. Лениным в его предельно-лаконичных хронологических заметках: «...делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)» *.

§ 4. БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС

**Обострение
положения
на Балканах.**

Русская революция 1905—1907 гг. дала мощный толчок революционному и национально-освободительному движению на Востоке. Под ее влиянием усилилась борьба балканских народов против гнета Османской империи. Новая волна партизанского движения поднялась в Македонии. Положение на Балканах осложнялось тем, что широкое народное национально-освободительное движение самым тесным образом переплеталось там, с одной стороны, с захватническими стремлениями правящих клик балканских государств, а, с другой стороны — с ожесточенным соперничеством империалистических держав за влияние на Балканах.

Наиболее активную роль здесь играла Австро-Венгрия. Оккупировав в 1878 г. славянские провинции Боснию и Герцеговину, она в дальнейшем подчинила своему влиянию Сербию, Черно-

* В. И. Ленин, Тетради по империализму, М., 1939, стр. 621.

рию, Болгарию и Румынию, постепенно вытесняя с Балкан Россию. Однако в некоторых балканских странах, особенно в Сербии, австрийская экспансия встретила сильнейшее сопротивление молодой национальной буржуазии. В 1903 г. в Сербии произошел дворцовый переворот, в результате которого был убит ставленник проавстрийских кругов король Александр Обренович и на престол вступил Петр Карагеоргиевич, сторонник сближения с Россией. В результате Сербия совершила крутой поворот в своей внешнеполитической ориентации в сторону России.

Усилила свою экспансию на Ближний Восток в начале XX в. и Германия. В борьбе за влияние на Ближнем Востоке германские правящие круги опирались на кровавый режим Абдул-Гамида II — представителя самых реакционных кругов султанской Турции. Поддерживая этот режим, германский империализм выступал в роли душителя революционного движения в Турции и национально-освободительного движения на ее окраинах. Он охотно поддерживал на Балканах Австро-Венгрию, поскольку ее политика приходила во все большее противоречие с интересами национально-освободительной борьбы балканских народов.

В начале 1900-х годов правящие круги Германии и Австро-Венгрии приложили немало усилий, чтобы, воспользовавшись ослаблением России, укрепить свои позиции на Ближнем Востоке и Балканах. Все попытки царской дипломатии «заморозить» Балканы, поставить их «под стеклянный колпак» путем соглашения с Австро-Венгрией о сохранении *status quo* на Балканском полуострове не принесли результатов. В частности, не оправдало надежд царской дипломатии и Мюрцштегское соглашение 1903 г. между Россией и Австро-Венгрией, предусматривающее совместное проведение административных реформ в Македонии²⁵. Народам Македонии нужны были не реформы, а независимость. Поэтому они не прекращали своей борьбы. С другой стороны, Мюрцштегская программа уже не удовлетворяла правящие круги Австро-Венгрии.

Балканская
политика
Извольского.

В результате, когда Извольский пришел на пост министра иностранных дел, он оказался в отношении политики России на Ближнем Востоке и Балканах перед выбором: либо дальнейшие попытки договориться с Австро-Венгрией на базе Мюрцштегской программы, т. е. сохранения *status quo* на Балканах и совместной опеки России и Австро-Венгрии над Македонией, либо отказ от соглашения с Австро-Венгрией и переход к прямому противодействию ее экспансии на Балканах. На первом пути настаивали черносотенно-дворянские круги, не желавшие обострять отношений с Австро-Венгрией, а следовательно, и с Германией, которая поддерживала австрийскую политику на Балканах. За второй путь ратовали буржуазно-помещичьи круги.

Извольский предпочел лавировать между требованиями черносотенного дворянства и буржуазно-помещичьих кругов, заняв

промежуточную позицию по вопросам балканской политики. Не возражая против соглашения с Австро-Венгрией на базе Мюрцштегской программы, Извольский предлагал расширить ее за счет привлечения к ней Англии. В частности, по вопросу о македонских реформах он предложил компромиссный выход: установление над Македонией коллективной опеки Австро-Венгрии, Германии, России и Англии. Поясняя свою точку зрения, Извольский в беседе с германским послом в Петербурге заявил, что «он за Мюрцштег, но так как он только что назначен, то не может вести непопулярной политики, особенно когда Австро-Венгрия оказывает нажим на Сербию»²⁶.

Однако план Извольского встретил решительное сопротивление со стороны Австро-Венгрии и Германии. Под нажимом последней Россия вынуждена была отказаться от привлечения Англии к участию в осуществлении Мюрцштегской программы. Во время свидания в Свиномюнде русский министр иностранных дел, идя на уступки германской дипломатии, принял ее требование относительно того, чтобы вопрос о реформах в Македонии решался лишь по взаимному соглашению между Россией и Австро-Венгрией. Поскольку это заранее обрекло царскую дипломатию на поражение, у Извольского возникла идея потребовать у Австро-Венгрии за уступки в македонском вопросе соответствующих компенсаций. Как показал дальнейший ход событий, заявление, сделанное Греем, внушило Извольскому серьезную надежду на возможность пересмотра вопроса о проливах в пользу России.

**Визит
Извольского
в Вену.**

Закончив переговоры с Англией, Извольский в сентябре 1907 г. совершил визит в Вену. Здесь в беседах с Эренталем, бывшим австрийским послом в Петербурге, только что назначенным на пост министра иностранных дел Австро-Венгрии, он попробовал нащупать почву для компромисса. «Россия потеряла Маньчжурию с Порт-Артуром и, следовательно, выход к морю на Востоке, — сказал он Эренталю. — Отныне основой для расширения военного и морского могущества России является Черное море. Отсюда Россия должна получить выход в Средиземное море».

Эренталь охотно принял предложенную ему игру. Посочувствовав Извольскому, он мимоходом заметил: «Я прошу вас сообщить мне заранее, когда придет момент привести в действие русский план, точно так же, как я чувствую себя обязанным известить русское правительство в случае, если Австро-Венгрия когда-либо вознамерится аннексировать Боснию и Герцеговину»²⁷.

Аннексия Боснии и Герцеговины — такую цену предложил Эренталь за согласие Австро-Венгрии на изменение режима проливов в пользу России. По-видимому, эта цена показалась Извольскому слишком большой, потому что он больше не возвращался к поднятому им вопросу. Но Эренталь понял из разговора с Извольским, что царская дипломатия готова идти на уступки. Министр иностранных дел Австро-Венгрии был прекрасно осве-

домлен о положении в России и знал, что она не способна на решительные действия. Поэтому он решил перейти в наступление.

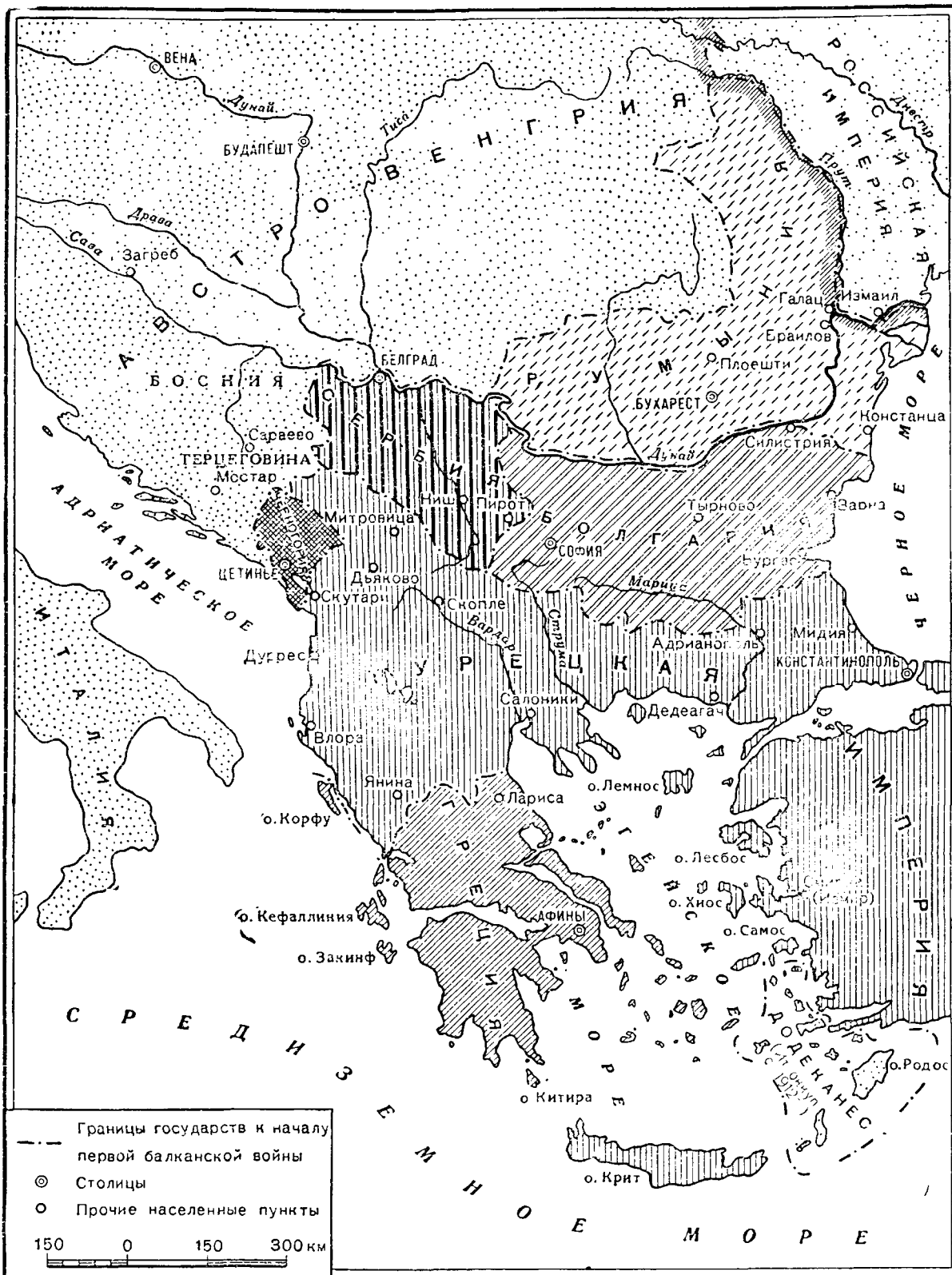
**Эренталь
переходит
в наступление.**

15 (28) января 1908 г., выступая с речью перед австро-венгерским парламентом, Эренталь сообщил о соглашении с турецким правительством относительно строительства железной дороги Сараево — Митровица, которая должна была пройти через Ново-Базарский санджак на соединение с турецкой линией Митровица — Салоники.

Сообщение о заявлении Эренталья вызвало целую бурю в русской буржуазно-помещичьей печати. «Проектируемая железная дорога, — писал «Голос Москвы» 27 января (9 февраля) 1908 г., — соединит Берлин и Вену с Пиреем и прорежет территорию, населенную славянами. Македония первой попадет под экономическое влияние немцев, а за ней последуют и другие славянские земли. Экономическое же влияние, несомненно, весьма скоро сменится политическим, т. е. свершится то, о чем так давно мечтали немецкие дипломаты». Указывая на то, что действия Эренталья сделали невозможным дальнейшее существование Мюрцштегской программы, октябристско-кадетские газеты во весь голос призывали царскую дипломатию к заключению англо-франко-русского соглашения относительно Балкан. «Это была бомба, которую он бросил мне под ноги», — сказал Извольский германскому послу по поводу заявления Эренталья²⁸.

**Может ли Россия
воевать?**

Для обсуждения положения, создавшегося на Ближнем Востоке и Балканах, 21 января (3 февраля) 1908 г. было созвано особое совещание под председательством Столыпина. В нем принимали участие Извольский, Коковцов, морской министр, помощник военного министра и начальник генерального штаба. Ознакомив присутствующих с политической обстановкой на Ближнем Востоке и Балканах, Извольский отметил, что политике «замораживания» балканской проблемы действиями Австро-Венгрии нанесен смертельный удар, в результате чего на Ближнем Востоке и Балканах «в любой момент могут произойти такие события, которые предотвратить не в нашей воле». «Оставаясь безучастной к ним», продолжал Извольский, Россия «рискует потерять плоды вековых усилий, утратить роль великой державы и занять положение государства второстепенного значения, голос которого не слышен». Русский министр иностранных дел видел единственный выход в сближении с Англией. Сославшись на беседы с английским послом, он заявил, что в сложившейся обстановке «легко было бы скомбинировать совместные, даже военного характера, мероприятия двух государств в Турции». Совместное англо-русское выступление, по его мнению, «представляло бы весьма заманчивую перспективу... способную привести к блестящим результатам и содействовать осуществлению исторической миссии России на Ближнем Востоке».

Страны Балканского п-ва до Балканских войн.

Участники совещания не поддержали Извольского. Они единодушно выступили против принятия царской дипломатией на Ближнем Востоке и Балканах каких-либо мер, которые могли бы втянуть Россию в войну. Товарищ военного министра, генерал Поливанов указал на неподготовленность русской армии к

войне. «У России, — говорил он, — не хватает артиллерии, пулеметов, обмундирования. Приведение в порядок, в полный порядок армии и крепостей потребует громадных затрат и много времени». Морской министр сообщил, что Черноморский флот также не готов к военным действиям. Возражал Извольскому и министр финансов Коковцов. Подводя итоги прениям, председатель Совета министров Столыпин заявил: «В настоящее время министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может. Новая мобилизация России придала бы силы революции, из которой мы только что начинаем выходить. На этом пути достигнуты серьезные успехи; Россия проявила исключительную живучесть и снова собирается с силами. В такую минуту нельзя решаться на авантюры или даже активно проявлять инициативу в международных делах. Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства, и она повлекла бы за собой опасность для династии».

В результате Извольскому в борьбе против усилившейся австро-германской экспансии на Балканах пришлось ограничиться применением одних лишь дипломатических средств. Как образно выразился Столыпин, у министра иностранных дел был «рычаг без точки опоры»²⁹.

**Поиски
«точки опоры».**

Извольский противопоставил проекту Эренталя старый сербский проект Дунайско-Адриатической железной дороги. Дав Сербии выход к морю, такая дорога ослабила бы ее экономическую изоляцию и зависимость от Австро-Венгрии.

Вместе с тем министр иностранных дел России энергично принялся за поиски той «точки опоры», которой ему так не доставало. С этой целью он апеллировал к Думе. Согласно Основным законам России, изданным царским правительством в апреле 1906 г., вопросы внешней политики не подлежали обсуждению в Государственной думе, так как руководство внешней политикой оставалось прерогативой монарха. Но поскольку в ведении Думы находилось утверждение государственного бюджета и внесение в него изменений, она могла касаться некоторых сторон деятельности министерства иностранных дел. Она утверждала его смету, штаты и т. п. В частности, 27 февраля (11 марта) 1908 г. должно было состояться обсуждение вопроса о преобразовании в посольство русской миссии в Токио. Этим и воспользовался Извольский для своего обращения к Думе. Его речь, в которой он осветил основы внешней политики царского правительства на Дальнем Востоке, была восторженно встречена Думой³⁰. Лидер либеральной оппозиции П. Н. Милюков в своем выступлении заявил, что «фракция народной свободы с глубоким удовлетворением выслушала слова министра иностранных дел и считает долгом приветствовать его первое выступление перед представительством страны с разъяснением вопросов, касающихся внеш-

ней политики». Дума единодушно (кроме социал-демократов) одобрила внешнюю политику царского правительства, утвердив законопроект, предложенный министерством иностранных дел.

В специальной статье в газете «Пролетарий», написанной по поводу этого заседания, В. И. Ленин назвал его «заказанной полицейски-патриотической демонстрацией».

«Истинную подкладку того комедийного действия, которым занималась Дума», указывал В. И. Ленин, выболтал лидер октябристов А. И. Гучков *. «То обстоятельство, — возглашал он, — что мы быстро идем по пути к успокоению и умиротворению, должно указать нашим противникам, что попытка отстоять свои интересы (Россией) на этот раз будет, безусловно, успешной». По этому поводу В. И. Ленин писал: «Черносотенцы и октябристы аплодируют. Еще бы! Ведь они-то прекрасно понимали с самого начала, что *звездь* обсуждаемого вопроса и всего торжественного выступления правительства в лице г. Извольского состоит в провозглашении контрреволюционной политики наших Муравьевых-вешателей делом умиротворения и успокоения. Надо показать Европе и всему миру, что перед «внешним врагом» стоит «единая Россия», умиротворяющая и успокаивающая горстку бунтовщиков (всего там каких-нибудь сотню миллионов крестьян и рабочих!) для обеспечения успеха «попыткам отстоять свои интересы» **.

Смысл заказанной полицейски-патриотической демонстрации в думе хорошо виден и из выступления Милюкова. «Несомненно, что в настоящий момент... — говорил лидер кадетов, — русскому правительству особенно нужно в своих дальнейших дипломатических шагах, которые должны до некоторой степени заменить временный недостаток материальной силы, опираться на русское общественное мнение». Комментируя выступление Милюкова, В. И. Ленин писал: «Г. Милюков вплотную подошел к настоящему значению торжественного выхода гг. Извольского, Гучкова и К^о. Выход этот был заказан черносотенной шайкой Николая второго. Каждая мелочь этой полицейски-патриотической демонстрации была наперед обдумана. Думские марионетки разыгрывали комедию под дудку самодержавной камарильи: без поддержки западно-европейской буржуазии Николаю второму не удержаться. Надо заставить *всю* буржуазию всероссийскую, и правую и *левую* торжественно выразить свое доверие правительству, его «мирной политике», его прочности, его намерениям и способности умиротворить, успокоить. Это нужно было, как бланковая надпись на векселе. Для этого пустили в ход наиболее «любезного» кадетам г-на Извольского...» ***.

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 441—442.

** Там же, стр. 442.

*** Там же, стр. 443—444.

4 (17) апреля 1908 г., при обсуждении сметы министерства иностранных дел, Извольский снова выступил перед Думой. На этот раз он дал развернутое обоснование балканской политики России. Свое выступление в Думе Извольский предварительно обсудил с лидерами правооктябристского большинства, в лице Гучкова и Крупенского, пригласив их с этой целью на состоявшийся 26 марта (8 апреля) прием дипломатического корпуса. В своем выступлении Извольский, подчеркнув, что, «как бы ни было настойчиво необходимо проведение македонских реформ, Россия не может ради этой цели подвергать себя возможности воинственных осложнений», вновь провозгласил в качестве важнейшей основы внешней политики России стремление «к поддержанию политического status quo и равновесию сил на Балканском полуострове». На этом пути, заявил он, Россия «готова и впредь самым либеральным образом идти как с Австро-Венгрией, так и со всеми державами, которые будут стремиться к одинаковой с нею цели». Вместе с тем Извольский подробно рассказал о переговорах с Англией по македонскому вопросу, подчеркнув, однако, что и с Германией у России «ни минуты не прекращались самые дружественные отношения».

Октябристы вновь заявили о своей полной поддержке политики царского правительства. Милюков, признав, что министерство иностранных дел России благодаря своему предложению постройки Дунайско-Адриатической дороги, «вышло из затруднений настолько прилично, насколько было возможно», в то же время намекал на необходимость более активной политики на Балканах и призывал царское правительство к сближению с Англией по македонскому вопросу. Выступление Милюкова вызвало резкие возражения со стороны крайне правых депутатов. «...Сейчас, когда смута охватила великую родину нашу, — говорил известный черносотенец Пуришкевич, — нам кажется, что больше всего отвечало бы условиям данного момента невмешательство наше в те дела, которые в каждую минуту могут привести к европейскому пожару и заставить нас втянуться в авантюру, от которой разлетится, может быть, наша слава, наше могущество вконец».

Однако при голосовании сметы министерства иностранных дел Дума проявила такое же единодушие, как и 27 февраля (11 марта). Лишь социал-демократическая фракция голосовала против предложенной сметы. Представитель ее Покровский в своей речи разоблачил контрреволюционный, захватнический характер внешней политики царского самодержавия. «И в Персии, и в Турции, и в Китае, всюду рушатся основы абсолютизма, — говорил он, — и русское правительство, неустойчивое у себя дома, тем не менее успевает идти на поддержку реакции у своих восточных соседей». Покровский показал, что основная задача внешней политики царской России на Балканах состоит в том,

чтобы «не нарушать верховных прав султана, не нарушать гармонии европейского концерта, не вызывать недоразумений с Германией и Австрией»³¹.

**Предложения
Эренталя.**

Между тем мысль об аннексии Боснии и Герцеговины не давала покоя Эренталю. Поскольку Извольский, ведя переговоры с ним по балканским делам, больше не затрагивал проблему проливов, австрийский министр иностранных дел нашел другой предлог поставить интересовавший его вопрос. 1 (14) мая 1908 г. он направил царскому правительству памятную записку, где выражал желание обменяться мнениями с Извольским по поводу австро-русского соглашения 1897 г.³²

Извольский сразу понял тайный смысл памятной записки Эренталя. Не было сомнения в том, что австрийский министр иностранных дел хотел возобновить разговор о сделке, которую он еще в сентябре 1906 г. предложил Извольскому в ответ на его рассуждения о проливах. Но прошло более полутора месяцев прежде, чем Извольский ответил на записку Эренталя. Дело в том, что на конец мая 1908 г. была назначена встреча Николая II с английским королем Эдуардом VII. Обе стороны придавали этой встрече большое значение, надеясь использовать ее для того, чтобы окончательно договориться по балканским проблемам. Не было ничего удивительного в том, что Извольский решил несколько повременить с ответом Эренталю.

**Ревельское
свидание.**

Встреча Николая II и Эдуарда VII состоялась 27—28 мая (9—10 июня) 1908 г. на Ревельском рейде. Во время этой встречи руководители внешней политики России и Англии достигли наконец соглашения о реформах в Македонии. Это соглашение должно было положить начало созданию единого фронта России и Англии против Германии на Балканах. В беседах с Извольским помощник английского министра иностранных дел Гардинг призывал царское правительство более активно противодействовать политике Германии и всемерно укреплять армию на случай, если возникнет «критическое положение». Извольский на это возразил Гардингу: «Россия должна проявлять величайшее благоразумие в своих действиях в отношении Германии и не давать последней никаких поводов для жалобы, что улучшение отношений между Россией и Англией повлекло за собой соответствующее ухудшение отношений России с Германией»³³.

Нет никакого сомнения в том, что во время Ревельского свидания Извольский поставил вопрос о проливах. Согласно слухам, циркулировавшим в хорошо информированных высших сферах Петербурга, Извольскому удалось добиться от англичан неофициального согласия на открытие для русского флота свободного прохода через проливы³⁴. Ответ, который Извольский дал на предложение Эренталя вскоре после своего возвращения

из Ревеля, также дает основание предполагать, что там он получил обнадеживающее обещание по вопросу о проливах.

**Ответ
Извольского
на предложение
Эренталя.**

В своей ответной записке от 19 июня (2 июля) 1908 г. Извольский указывал, что царское правительство «продолжает придерживаться того мнения, что вопрос об аннексии Боснии, Герцеговины и Ново-Базарского санджака, представляющей собой изменение положения, установленного 25-й статьей Берлинского трактата, имеет общеевропейский характер и не может быть разрешен путем сепаратного соглашения между Россией и Австрией». «С другой стороны, — продолжал Извольский, — мы готовы признать, что такое же ограничение относится и к вопросу о Константинополе, прилегающей к нему территории и проливах». Однако, «ввиду исключительной важности для обеих стран урегулировать указанные два вопроса в соответствии с их взаимными интересами», министр иностранных дел России выражал готовность обсудить их в «дружественном духе»³⁵.

Эренталь с удовольствием принял предложение Извольского. Решено было встретиться в интимной обстановке, вдали от глаз столичных корреспондентов. Для этой цели австрийский посол в Петербурге граф Берхтольд предложил свой живописный замок в Бухлау (Моравия).

**Революция
в Турции.**

Но, прежде чем состоялась эта встреча, произошло событие, существенно изменившее положение на Балканах. 20 июня (3 июля) 1908 г., в тот самый день, когда Эренталь получил ответ Извольского, в Македонии восстал турецкий гарнизон крепости Ресна. Революционное движение, руководимое младотурками, быстро распространилось на всю Македонию. К восставшим турецким войскам присоединились македонские и албанские «чѣтники» (партизаны). Под угрозой похода армии, руководимой младотурками, на Стамбул турецкий султан Абдул-Гамид II был вынужден принять конституцию. Великим визирем стал Киамиль-паша, сторонник английской ориентации.

Внезапно разразившаяся младотурецкая революция создавала правящим кругам Австро-Венгрии массу осложнений. В связи с событиями в Македонии и Турции усилилось национально-освободительное движение народов Боснии и Герцеговины. Провозгласив создание демократического парламента, избираемого от всех областей Турецкой империи, младотурки могли потребовать, чтобы в нем были представлены также Босния и Герцеговина. Наконец, совсем не исключены были попытки нового турецкого правительства добиться отмены австрийской оккупации Боснии и Герцеговины. Все это побуждало Эренталя спешить с осуществлением его планов. 6 (19) августа 1908 г. австро-венгерское правительство на специальном заседании приняло окончательное решение об аннексии Боснии и Герцеговины.

Сделка
в Бухлау.

В результате, когда 2 (15) сентября 1908 г. Извольский прибыл в Бухлау, ему «прежде всего» пришлось убедиться в том, что «австро-венгерское правительство бесспорно решило присоединение Боснии и Герцеговины». «...Весьма возможно, — сообщал Извольский в Петербург, — что барон Эренталь сделает заявление о присоединении в делегациях*, которые открываются около 6 октября нового стиля». Какую же позицию занял в этих условиях Извольский? В письме на имя товарища министра иностранных дел Н. В. Чарыкова от 3 (16) сентября 1908 г., написанном «после целого дня, проведенного в весьма бурных переговорах с бароном Эренталем», Извольский дает подробное изложение переговоров в Бухлау. Предоставим слово самому Извольскому. «Сначала... Эренталь упорно держался толкования... что, присоединяя Боснию и Герцеговину, Австро-Венгрия лишь осуществляет свое бесспорное право завоевания, каковое право будто бы в свое время было признано Россией, — писал русский министр иностранных дел. — ...Лишь после весьма жаркого спора мне наконец удалось сбить его с этой позиции и привести к признанию необходимости предоставить России и балканским государствам известные гарантии и компенсации».

Итак, узнав о решении австро-венгерского правительства аннексировать Боснию и Герцеговину, Извольский потребовал от Австро-Венгрии компенсаций. В качестве таких компенсаций ему удалось добиться от Эрентала:

1) вывода австрийских гарнизонов из Ново-Базарского санджака и отказа Австро-Венгрии «от всяких прав и видов на эту область»;

2) согласия Австро-Венгрии на изменение режима проливов с тем, «чтобы все суда России и других прибрежных государств Черного моря могли входить и выходить через проливы, при сохранении принципа закрытия их для военных судов других наций»;

3) согласия Австро-Венгрии на провозглашение полной независимости Болгарии.

Предписывая Чарыкову доложить Николаю II о результатах переговоров, Извольский просил его развить перед царем «следующую мысль»: «Если мы отнесемся к проекту присоединения (Боснии и Герцеговины.—В. Б.) чисто отрицательно, у нас будут лишь две альтернативы: или ограничиться бесплодным протестом, или прибегнуть к угрозам, что может повести затем и к враждебным действиям». Предложенный же Извольским «путь компенсаций и гарантий» дает возможность извлечь из акта аннексии определенные выгоды. Во-первых, «Австро-Венгрия формально отказывается от поступательного движения через

* Имеется в виду австро-венгерский парламент.

санджак», который «делается опять объектом расширения в будущем Сербии и Черногории и соединения их границ». Во-вторых, «при счастье и искусном ведении дела есть шансы ныне же, т. е. не дожидаясь ликвидации Турецкой империи, изменить в нашу пользу постановления о проливах. Во всяком случае мы приобретаем формальное согласие на такое изменение со стороны Австрии, и может быть, и Германии». В заключение своего письма Извольский обращал «особое внимание» Чарыкова «на необходимость приготовить, а в решительный момент—направить нашу печать и общественное мнение». «Соглашение наше с Австрией,— пояснял он,— конечно, надо держать в полном секрете, а представить дело так: Австрия в силу тех или иных причин решила присоединить Боснию и Герцеговину. Мы об этом своевременно узнали. Мы, конечно, тотчас же указали ей на опасные последствия, и благодаря нашим указаниям она согласилась на эвакуацию санджака. Но что же делать дальше? Ограничиться бесплодным протестом? Не объявлять же войну. Отсюда прямой переход к компенсациям и гарантиям в пользу России и балканских государств»³⁶. Как видим, министр иностранных дел России затеял сложную игру.

**Дипломатическое
турне
Извольского.**

Время, оставшееся до аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, Извольский решил использовать для того, чтобы заручиться согласием на изменение режима проливов со стороны Германии и Италии. 13 (26) сентября 1908 г. в Берхтегадене, небольшом курортном городке на юге Германии, он встретился с германским министром иностранных дел Шёном. Вопреки опасениям Извольского, Шён положительно отнесся к его планам, заявив, что Германия не будет возражать против их осуществления при условии предоставления ей соответствующих компенсаций.

Затем Извольский отправился на Север Италии в Дезио, где в то время отдыхал итальянский министр иностранных дел Титтони. Здесь 16—17 (29—30) сентября между ними состоялись переговоры. Титтони также дал согласие на изменение режима проливов в соответствии с интересами России, в свою очередь потребовав от Извольского, чтобы Россия заняла благожелательную позицию в случае захвата Италией Триполи.

Из Дезио Извольский выехал в Париж, куда он должен был прибыть 21 сентября (4 октября) 1908 г.

**Переговоры
с Турцией.**

В то время как Извольский разъезжал по курортам Европы, товарищ министра иностранных дел России Чарыков в Петербурге вел переговоры с турецким послом, стремясь добиться соглашения с Турцией относительно изменения режима проливов. Результатом этих переговоров был проект русско-турецкого договора «на случай, если Австро-Венгрия поднимет на предстоящем съезде делегаций в Будапеште вопрос аннексии Боснии и Герцеговины».

«Считая такой односторонний акт серьезным нарушением Берлинского трактата, — говорилось в проекте договора, — петербургский кабинет немедленно обратится ко всем подписавшим его с предложением пересмотреть весь трактат для установления необходимых компенсаций в пользу Турции, России и балканских государств». В связи с этим Россия и Турция договаривались «о защите на конференции общих интересов». Россия брала на себя обязательство поддерживать в пользу Турции: 1) отказ Австро-Венгрии от всех ее прав в Ново-Базарском санджаке и немедленную эвакуацию оттуда австрийских войск; 2) отмену права держав вмешиваться во внутренние дела европейских провинций Турции; 3) отказ держав от принципа капитуляции в Турции. Со своей стороны Турция должна была: 1) не возражать против провозглашения Болгарии независимым королевством и 2) согласиться на изменение режима проливов с тем, чтобы Россия и другие прибрежные государства Черного моря получили право свободного прохода для своих военных судов. Проект русско-турецкого договора 23 сентября (6 октября) удостоился высочайшего одобрения Николая II. Хотя он не был еще окончательно согласован с турецким правительством, но последнее не возражало против русской формулировки о проливах³⁷.

**Предложение
Палицына
на совещании
начальников
генеральных шта-
бов России
и Франции
в Париже.**

Извольскому оставалось договориться лишь с Францией и Англией. Русский министр иностранных дел не внушал себе иллюзий относительно того, что эта задача будет легкой. Поэтому он позаботился о том, чтобы создать в Париже и Лондоне благоприятную почву для переговоров. 11 (24) сентября 1908 г. в Париже состоялось очередное совещание начальников генеральных штабов России и Франции. На этом совещании генерал Палицын, сославшись на «пожелание, высказанное русским министром иностранных дел», внес предложение считать мобилизацию Германии против Англии достаточным поводом для мобилизации без предварительного соглашения русских и французских сил³⁸.

**Аннексия
Боснии
и Герцеговины.**

Тем временем в Вене деятельно готовились к аннексии Боснии и Герцеговины. 16 (29) сентября австрийским послам в государствах, подписавших Берлинский трактат, были отправлены личные письма императора Франца-Иосифа, ставившие в известность о включении с 24 сентября (7 октября) Боснии и Герцеговины в состав Австро-Венгрии. Эти письма должны были быть вручены главам государств 22 сентября (5 октября). Но австрийский посол во Франции, узнав о том, что французский президент Фальер 22 сентября (5 октября) не будет в Париже, сообщил ему о решении австро-венгерского правительства несколько ранее — 20 сентября (3 октября). В результате, когда утром 21 сентября (4 октября), подъезжая к Парижу, Извольский на одной

из станций купил свежие газеты, он узнал из них, что Австро-Венгрия приступила к исполнению своих планов.

Крушение плана Извольского.

Прибыв в Париж, Извольский сразу же направился к министру иностранных дел Франции Пишону. Он предложил созвать международную конференцию держав, подписавших Берлинский трактат, с тем чтобы обсудить на ней не только претензии Австро-Венгрии в отношении Боснии и Герцеговины, но также пожелания других держав об изменении Берлинского трактата. В последующих беседах с Пишоном Извольский сообщил, что Россия желала бы поставить на такой конференции вопрос об открытии проливов для военных судов черноморских государств. Пишон на словах отнесся положительно к этим предложениям. Однако поддержку их со стороны Франции он обусловил, во-первых, недопустимостью нарушения суверенитета Турции и, во-вторых, обязательным согласием английского правительства на изменение режима проливов.

Первое условие не могло помешать планам Извольского. Пишон не знал о том, что Чарыков уже договорился с Турцией по вопросу о проливах. На всякий случай Извольский 24 сентября (7 октября) телеграфировал в Петербург: «Что касается проливов, то весьма важно объяснить Турции, что мы отнюдь не стремимся изменить материальное их положение или захватить их в наши руки, а желаем лишь в полном согласии с турецким правительством подыскать юридическую формулу, которая обеспечила бы всем прибрежным государствам, в том числе и Турции, согласные их интересам права»³⁹.

Второе условие было гораздо более коварным. Министру иностранных дел Франции было доподлинно известно, что английское правительство займет отрицательную позицию в отношении русских планов. В результате прихода к власти Киамиль-паши влияние Англии в Константинополе значительно усилилось. В этих условиях поднимать вопрос о проливах в Лондоне считали совершенно несвоевременным.

26 сентября (9 октября) Извольский выехал из Парижа в Лондон. Здесь его ожидали крупные неприятности. Английский министр иностранных дел Грей и слышать не хотел об открытии проливов для военных судов России и других черноморских государств. Тщетно пытался уговорить его Извольский, указывая на то, что «настоящий момент является наиболее критическим», так как «он может укрепить и усилить добрые отношения между Англией и Россией или разорвать их совершенно». Напрасно Извольский намекал на возможность своей отставки, говоря, что «его собственное положение поставлено на карту, так как он всецело связан с политикой установления доброго согласия с Англией, которую он защищал против всех противников». Грей был неумолим. Он категорически отказался поддерживать царскую дипломатию в вопросе о проливах⁴⁰.

Попытка
Извольского
добиться компен-
саций для Сербии
и Черногории.

Извольский оказался в чрезвычайно затруднительном положении. Заставить Австро-Венгрию отказаться от провозглашенной ею аннексии Боснии и Герцеговины было невозможно. Из бесед с Пишоном и Греем Извольский убедился, что ни Франция, ни Англия не поддержат в этом Россию. Если раньше Извольский мог тешить себя надеждой получить в качестве компенсации за аннексию Боснии и Герцеговины свободный проход через проливы, то теперь, после отказа Грея эта надежда рухнула. В результате тот весьма чувствительный удар, который должно было нанести по престижу России на Балканах ее согласие на аннексию Боснии и Герцеговины, ничем не компенсировался. Убедившись в невозможности получить компенсации для России, Извольский решил добиваться хоть каких-нибудь компенсаций для Сербии и Черногории, интересы которых были более всего ущемлены аннексией Боснии и Герцеговины. Он надеялся тем самым, с одной стороны, усилить антиавстрийский фронт на Балканах, а с другой завоевать репутацию защитника интересов балканских государств.

Однако, когда Извольский предложил включить в программу будущей конференции вопрос об изменении границ Сербии и Черногории за счет Боснии и Герцеговины, это вызвало возражения со стороны министра иностранных дел Франции Пишона. Французская дипломатия отказалась пойти на обострение отношений с Австро-Венгрией. В сентябре 1908 г. произошло новое обострение франко-германских противоречий из-за Марокко. Германская дипломатия, стремясь использовать создавшуюся обстановку для того, чтобы еще раз попытаться оторвать Россию от Антанты, выразила готовность в возникшем конфликте по мароккским делам пойти на уступки Франции при условии, что последняя не будет поддерживать Россию в Боснийском кризисе. Вот почему только после устранения из программы конференции даже намек на возможность территориальных компенсаций Сербии и Черногории, Пишон согласился предложить ее Австро-Венгрии. В то же время ответ французского президента на сообщение Франца-Иосифа об аннексии Боснии и Герцеговины содержал в себе фактически согласие Франции на эту аннексию и, по словам Извольского, обратил «внимание прессы своими самыми сердечными выражениями симпатии к Австрии»⁴¹.

Отказавшись от поддержки своей союзницы, Франция фактически способствовала обострению русско-австрийского конфликта. «Положение на Ближнем Востоке приняло обостренный характер. Оно носит на себе характер такого безучастия, с которым французское правительство взирает на международные события, когда к ним непосредственно не причастна Франция и когда не затронуты самые чувствительные для нее материальные интересы», — с горечью писал из Парижа Нелидов⁴².

Чувствуя свою полную безнаказанность, Австро-Венгрия отказалась передать вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины на международное обсуждение. Эренталь заявил, что согласится на созыв конференции участников Берлинского трактата лишь в том случае, если аннексия Боснии и Герцеговины будет заранее ими санкционирована и не подвергнется обсуждению на конференции. Министр иностранных дел России пошел на уступки. Он выразил согласие на то, чтобы все пункты программы конференции (в том числе и вопрос об аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины) до ее начала подверглись обсуждению между державами.

Отношение
правящих кругов
России к поли-
тике Извольского.

Выдвинутая Извольским идея конференции встретила серьезные возражения внутри России. Она подверглась критике как справа, так и слева. Правые газеты отвергали ее, поскольку конференция должна была еще более ухудшить отношение России с Германией. Кадетская «Речь» выступала против конференции, так как на ней не должен был стоять вопрос о проливах. В высших сферах царской России также наблюдалась оппозиция идее конференции. В частности, против нее выступал Столыпин. Не случайно рупор правящей верхушки, газета «Новое время», обычно поддерживавшая действия министерства иностранных дел, выступила против конференции. Для России «явиться сейчас на конференцию для принятия моральной ответственности в чужих захватах, — писало «Новое время» 6 (19) октября 1908 г., — равнялось бы повторению издевательств над Россией 30 лет назад в Берлине» *.

Извольский сделал попытку оправдаться перед «общественным мнением». 11 (24) декабря в печати была опубликована циркулярная депеша министра иностранных дел России дипломатическим представителям за границей, в которой разъяснялась позиция России в связи с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. А на следующий день, 12 (25) декабря, Извольский выступил с разъяснением балканской политики России в Государственной думе.

Это заседание мало чем отличалось от заседания 4 (17) апреля 1908 г. Так же, как и тогда, октябристы пели дифирамбы Извольскому. Милюков, выражая в принципе свое согласие с политикой царского правительства, опять призывал его к более энергичной борьбе против Австро-Венгрии на Балканах. И вновь против этого возражал Пуришкевич, указывая на то, «что мы должны сосредоточиться все на внутренней своей работе», поскольку «в международных сношениях имеют преобладающее влияние не ноты, которые пишутся, когда нет меча, а ноты, преподносимые на мече, остро отточенном». Лидер черносотенцев предостерегал царское правительство от политики сближения с

* Имеется в виду Берлинский конгресс 1878 г.

Англией, «Ни для кого не секрет, — говорил он, — что в данную минуту идет страстная борьба на почве завоевания рынков между Германией и Англией, и... Англии есть прямой расчет не самой столкнуться с Германией, а столкнуться с Германией ее недавнего «друга», опасного еще на Востоке, для того чтобы, может быть, похоронить сейчас вконец этого «друга», а вместе с тем ослабить Германию». «Чтобы голос наш в будущем дележе был слышен, — убеждал Пуришкевич, — мы должны сохранить... самые прочные отношения с теми соседями, которые граничат с нами на многие тысячи верст». Однако, когда дело дошло до резолюции, все представители буржуазных и помещичьих партий в Думе дружно проголосовали за предложенный октябристами проект, в котором выражалось одобрение внешней политике царского правительства на Балканах. Лишь социал-демократы и трудовики выступили в качестве принципиальных противников этой политики.

В принятой резолюции Дума выражала надежду, что «правительство приложит усилия к ограждению справедливых интересов» славянских «народностей и государств», стремясь достигнуть этой цели «мирным путем, при безусловном соблюдении национального достоинства России»⁴².

**Борьба
В. И. Ленина
против воинст-
вующего милита-
ризма и разобла-
чение им «забот»
русских бур-
жуазно-поме-
щичьих партий
о балканских
народах.**

В условиях обострения империалистических противоречий и назревания войны за передел мира В. И. Ленин решительно поднял знамя борьбы против воинствующего милитаризма. В своих статьях, опубликованных в 1907—1908 гг. в большевистской газете «Пролетарий» («Международный социалистический конгресс в Штутгарте», «Горючий материал в мировой политике», «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии», «События на Балканах и в Персии»),

В. И. Ленин разъяснял, что политика империалистических захватов и подготовки войны противоречит коренным интересам пролетариата, что она носит контрреволюционный характер. «Дипломаты в ажитации, — писал В. И. Ленин в июле 1908 г. в статье «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии». — Градом сыплются «ноты», «донесения», «заявления»; министры шепчутся за плечами коронованных манекенов, которые с бокалами шампанского в руках «укрепляют мир». Но «подданные» отлично знают, что, если вороны слетаются, значит пахнет мертвым телом... При сети нынешних явных и тайных договоров, соглашений и т. д. достаточно незначительного щелчка какой-нибудь «державе», чтобы «из искры возгорелось пламя». И чем грознее бряцают оружием правительства друг против друга, тем беспощаднее дают они антимилитаристское движение у себя в стране»*.

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 168.

Указывая на возникновение «реакционного заговора» капиталистических держав «против пролетариата и против демократии», «во имя прямого подавления революции в Азии или косвенных ударов этой революции», «во имя продолжения колониального грабежа и территориальных завоеваний», В. И. Ленин призывал социалистические партии «усилить агитацию в массах, сорвать маску с игры дипломатов всех стран и показать наглядно, воочию все факты, свидетельствующие о подлой роли *всех союзных держав*, всех одинаково, как непосредственных исполнителей функций жандарма; так и пособников, друзей, финансистов этого жандарма» *.

Разоблачая лицемерие «забот» русских буржуазно-помещичьих партий о балканских народах, В. И. Ленин в статье «События на Балканах и в Персии», опубликованной 16 (29) октября 1908 г. в газете «Пролетарий», писал: «...Нет ничего реакционнее, как забота австрийцев, с одной стороны, русских черносотенцев, с другой, о «братьях-славянах». Эти «заботы» прикрывают самые подлые интриги, какими издавна прославил себя Россия на Балканах. Эти «заботы» всегда сводятся к покушению на *действительный* демократизм в тех или иных балканских странах. Единственная искренняя «забота» держав по отношению к балканским странам могла бы состоять в одном и только в одном: предоставить их самим себе, не портить им жизни иностранным вмешательством, не бросать палок под колеса турецкой революции» **.

В. И. Ленин подчеркивал, что разногласия между кадетами и черносотенцами не имели принципиального значения. «Все буржуазные партии, — писал он, — вплоть до самых либеральных и «демократичных» по названию, в том числе вплоть до наших кадетов — стоят на точке зрения капиталистической внешней политики... Либералы и партия к.-д. стоят по сути дела за то же соревнование капиталистических наций, подчеркивая лишь другие формы этого соревнования, чем у черной сотни, добиваясь лишь иных международных соглашений, чем те, на которые опирается сейчас правительство» ***.

Пятая конференция РСДРП, собравшаяся 21—27 декабря 1908 г. (3—9 января 1909 г.) в Париже, по предложению В. И. Ленина признала в качестве одной из основных задач партии «разъяснение широким массам народа смысла и значения новейшей политики самодержавия»****. Она указала социал-демократической фракции в Государственной думе на необходимость «начать энергичную агитацию против контрреволюционной внешней политики правительства и поддерживаю-

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 205.

** Там же, стр. 206—207.

*** Там же, стр. 207.

**** Там же, стр. 295; «КПСС в резолюциях...», изд. 7, 1953, ч. I, стр. 197.

щих его партий, а также против тех империалистических и националистических стремлений, которые усваивают себе кадеты и часть октябристов *.

**Дипломатическая
Цусима.**

В начале 1909 г. в Турции произошли новые перемены. Киамиль-паша ушел с поста великого визиря, и к власти пришло германфильское правительство. С помощью германской дипломатии Эренталю удалось 13 (26) февраля 1909 г. заключить соглашение с Турцией, по которому турецкое правительство за денежное вознаграждение отказывалось от своего номинального суверенитета над Боснией и Герцеговиной. В результате правящие круги Австро-Венгрии категорически отказались участвовать в международной конференции и предоставить какие-либо компенсации Сербии и Черногории.

Между тем в Сербии все более усиливалось движение национального протеста против захвата Австро-Венгрией областей, населенных сербами. На это движение правящие круги Австро-Венгрии ответили военными приготовлениями. Их действия получили полную поддержку со стороны германского правительства. В конце января 1909 г. в печати распространился слух о том, что Австро-Венгрия готовится предъявить Сербии ультиматум с требованием признать аннексию Боснии и Герцеговины, отвести свои войска от австрийской границы и отказаться от антиавстрийской пропаганды.

Извольский лихорадочно искал выхода из создавшегося положения. 31 января (13 февраля) 1909 г. через русского посла в Париже Нелидова он обратил внимание французского правительства на угрозу войны, когорая нависла над Сербией. Спустя несколько дней Нелидов прямо поставил вопрос: какова будет позиция Франции, если Россия объявит Австро-Венгрии войну из-за Сербии? Однако французское правительство отказалось поддерживать Россию. Телеграммой от 12 (25) февраля 1909 г. министр иностранных дел Франции поставил в известность царское правительство, что «война, возникшая из-за подобного вопроса, не встретила бы сочувствия со стороны общественного мнения Франции». Более того, французское правительство предложило России потребовать от Сербии прекращения военных приготовлений и вступления на путь непосредственных переговоров с Австро-Венгрией. «Франция перешла со всеми пожитками на сторону Австрии...», — заявил взбешенный Извольский английскому послу в Петербурге по поводу ответа французского правительства⁴³. Отражая крайнее недовольство правящих кругов царской России позицией Франции, «Новое время» 16 (29) февраля 1909 г. писало, что своими дипломатическими успехами Австро-Венгрия «обязана главным образом поведению французского министра иностранных дел Пишона».

* «КПСС в резолюциях...», изд. 7, 1953, ч. I, стр. 199.

Царская Россия оказалась в полном одиночестве. 4 (17) марта 1909 г. вновь состоялось заседание Совета министров, посвященное вопросу о возможности войны. Россия воевать не может — таково было общее мнение. А 8 (21) марта 1909 г. германский канцлер Бюлов поручил своему послу в Петербурге Пурталесу потребовать у Извольского ясного ответа на вопрос: готова ли Россия признать аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и добиться того же от Сербии? «Вы должны, — писал Бюлов в своей телеграмме на имя Пурталеса, — в твердой форме заявить Извольскому, что мы ожидаем точного ответа — да или нет; мы будем рассматривать всякий уклончивый, условный или неясный ответ как отказ. Тогда мы устранимся и предоставим события их собственному течению. Ответственность за дальнейшие события падет тогда исключительно на г. Извольского...» 9 (22) марта 1909 г. Пурталес предъявил этот ультиматум Извольскому. В тот же день Австро-Венгрия объявила «состояние тревоги» для двух корпусов, расположенных на границе с Сербией. Царской дипломатии пришлось капитулировать. Вечером 9 (22) марта, после доклада Извольского, Николай II телеграфировал кайзеру о том, что Россия принимает германские требования⁴⁴.

Поражение царской дипломатии в Боснийском кризисе вызвало бурю негодования в русской буржуазно-помещичьей печати. Отступление ее перед германским ультиматумом газеты иначе не называли, как «дипломатической Цусимой». Град упреков обрушился на Извольского. Правые поносили его за забвение «традиционной дружбы с Германией» и излишнюю доверчивость к Франции и Англии. Кадеты, наоборот, обвиняли Извольского в непоследовательности его политического курса и нелояльном отношении к Англии и Франции. Даже «Новое время» отвернулось от Извольского. Это говорило о том, что дни его сочтены.

§ 5. ПОСЛЕ БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА

Попытка германской дипломатии оторвать Россию от Антанты.

Боснийский кризис был использован германской дипломатией для очередной попытки оторвать Россию от Антанты. Германия недаром пошла на уступки в переговорах с Францией по марокканскому вопросу. Добившись таким путем от Франции, чтобы она оставила свою союзницу на произвол судьбы, германская дипломатия на протяжении всего Боснийского кризиса настойчиво внушала русским правящим кругам мысль о том, что главная причина постигших их неудач кроется в отходе России от Германии. «Россия, — поучал Извольского Пурталес в октябре 1908 г., — несмотря на все заслуги Германии перед ней, все более и более сближается с враждебной немцам группой держав. Кульминационными пунктами

такой политики была Альхесирасская конференция и Ревельское свидание с королем Эдуардом. Подобная перегруппировка держав заставляет Германию более, чем когда-либо, тесно сблизиться с Австро-Венгрией и принять за основание своей политики полнейшую солидарность во всех вопросах с Габсбургской монархией»⁴⁵.

Можно предполагать, что своим ультиматумом предъявленным в Петербурге в тот момент, когда отступление России в русско-австрийском конфликте было уже предрешено, германские правящие круги преследовали целью проучить царя, придав его дипломатическому поражению более унижительный характер. Германская дипломатия прибегла к излюбленному ею методу «кнута и пряника». Ультиматум 9 (22) марта сыграл роль кнута, а пряником послужили те предложения, с которыми германское правительство обратилось к России в начале мая 1909 г. Суть этих предложений заключалась в следующем.

1) Германия примкнет к русско-австрийскому соглашению 1897 г. о сохранении *status quo* на Балканах (в которое будут внесены изменения, соответствующие последним событиям) и гарантирует исполнение Австро-Венгрией принятого ею по этому соглашению обязательства воздерживаться от каких-либо наступательных действий на Балканском полуострове за пределами ее теперешних владений. Если Австро-Венгрия нарушит это обязательство, Германия не будет рассматривать вступление русских войск на территорию Австро-Венгрии в качестве повода для оказания ей военной помощи (обусловленной австро-германским соглашением 1879 г.).

2) Германская дипломатия окажет России дипломатическую поддержку в вопросе о проливах.

3) Она окажет также поддержку царскому правительству в строительстве Дунайско-Адриатической железной дороги.

4) Германия признает за Россией в Персии права, вытекающие из англо-русского соглашения 1907 г.

За все эти обязательства от России требовалось лишь одно: соблюдать нейтралитет в случае нападения Англии на Германию⁴⁶.

Однако предложенный германской дипломатией новый вариант союза трех императоров успеха не имел. Обострение русско-австрийских противоречий, особенно ярко проявившееся в Боснийском кризисе, обрекало его на неудачу. Одним из важнейших результатов Боснийского кризиса было то, что идея соглашения с Австро-Венгрией на Балканах стала крайне непопулярна в правящих кругах России. Если раньше немало сторонников соглашения с Англией считало возможным войти в соглашение по балканским вопросам с Австро-Венгрией, то теперь даже прогермански настроенные круги стали выступать против такого соглашения.

**Соглашение
в Раккониджи.**

Царская дипломатия постаралась гарантировать *status quo* на Балканском полуострове несколько иным путем. 11 (24) октября 1909 г. во время свидания в Раккониджи Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III между Россией и Италией было заключено секретное соглашение о совместном противодействии австрийской экспансии на Балканах. Кроме того, Италия обязалась «относиться благожелательно» к русским интересам в проливах, а Россия — к интересам Италии в Триполитании и Киренаике⁴⁷. Таким образом, Извольский, прежде чем уйти с поста министра иностранных дел, добился превращения его устной договоренности с итальянским министром иностранных дел Титтони в формальное соглашение. Значение этого соглашения состояло в том, что оно нанесло решающий удар по Тройственному союзу и обеспечило выход Италии из этой группировки.

**Русско-японский
договор 1910 г.**

Последним международно-политическим актом, подписанным Извольским на посту министра иностранных дел России, был русско-японский договор 1910 г. Заключение этого договора было вызвано активизацией проникновения американского империализма в Китай. Отражая стремление американских империалистических кругов вытеснить Россию и Японию из Маньчжурии и превратить ее в свою сферу влияния, государственный секретарь США Нокс в конце 1909 г. выдвинул проект так называемой нейтрализации железных дорог в Маньчжурии. В этом проекте китайскому правительству предлагалось осуществить выкуп всех принадлежащих иностранцам железных дорог в Маньчжурии, в том числе КВЖД и ЮМЖД. Для этой цели шесть заинтересованных держав — США, Англия, Франция, Германия, Япония и Россия — должны были предоставить Китаю заем. Выкупленные железные дороги перешли бы в собственность китайского правительства, а управление ими предполагалось передать объединенной международной комиссии из представителей стран — участниц займа. Так как Россия и Япония отказались от такой «нейтрализации», по инициативе американского финансового капитала была создана англо-американская банковская группа, которая в январе 1910 г. добилась от Китая предоставления ей концессии на постройку железной дороги Цзиньчжоу — Айгунь, пересекающей всю Маньчжурию с Юга на Север, вплоть до русско-китайской границы.

В этих условиях между Россией и Японией начались переговоры о заключении такого договора, который обеспечил бы их взаимные интересы в Маньчжурии. Посол Японии в Петербурге Мотоно заявил Извольскому, что японское правительство желало бы превращения соглашения с Россией «в формальный союз», перед которым «должен будет преклониться не только Китай, но и все другие державы». 21 июня (4 июля) в Петербурге между Россией и Японией был заключен секретный договор. Стороны

полностью подтвердили русско-японское соглашение 1907 г. и решили проводить взаимные консультации для принятия общих мер в случае возникновения угрозы нарушения status quo или специальных интересов в их сфере влияния в Маньчжурии. Россия и Япония взаимно обязались не противодействовать дальнейшему укреплению и развитию специальных интересов каждой из сторон, а также воздерживаться от всякой политической активности в сферах специальных интересов другой стороны⁴⁸. Русско-японское соглашение 1910 г. закрепляло раздел Маньчжурии и усиливало позиции России и Японии в их сферах влияния, что затрудняло для США проникновение в Северный Китай.

**Новые перемены
в руководстве
внешней политикой
царской России.**

В сентябре 1910 г. Извольский вышел в отставку, получив назначение на место посла в Париже. Его заменил С. Д. Сазонов, зять Столыпина и его доверенное лицо. Это был первый случай, когда министром иностранных дел России становился человек, не занимавший до этого сколько-нибудь крупных дипломатических должностей. Начав в 1883 г. службу в министерстве иностранных дел, он лишь в 1904 г. дослужился до должности советника (в Лондоне), а в 1907 г. впервые получил назначение на самостоятельный дипломатический пост — представителя царского правительства при Ватикане. Вот почему, когда вопрос об отставке Извольского был решен и выбор пал на Сазонова, решено было предварительно назначить его на пост товарища министра иностранных дел, чтобы дать возможность войти в курс дела. Это назначение состоялось в июне 1909 г.

Про Сазонова рассказывали, что в дни своей юности он собирался идти в монастырь, но по слабости здоровья бросил эту мысль и избрал дипломатическую карьеру. Небольшого роста, худой, с болезненно бледным лицом, Сазонов представлял собой полную противоположность Извольскому. Насколько Извольский был нетерпелив и напорист, настолько Сазонов был осторожен и мягок. Новый министр не обладал энергией своего предшественника, но был гораздо более дальновидным и тонким политиком.

§ 6. ПОТСДАМСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

**Активизация
проникновения
германского
империализма
в Персию.**

В начале 1910 г. германский империализм усилил свое проникновение в Персию. По мере того как Багдадская железная дорога все ближе продвигалась к границам Персии, правящие круги Германии все активнее стремились обеспечить позиции, которые позволили бы в дальнейшем продолжить ее на персидскую территорию. В марте 1910 г. германская дипломатия выступила с требованием о предоставлении ей в Персии таких же прав, какими об-

ладают там Россия и Англия. Одновременно в Тегеране стали проявлять большую активность германские дельцы, предлагая персидскому правительству заключить заем.

В Петербурге с беспокойством наблюдали за тем, что происходило в Тегеране. В правящих кругах царской России опасались, что взамен предоставления Персии займа Германия сделает попытку получить концессию на постройку железной дороги Ханекин — Тегеран. Не желая внезапно очутиться перед свершившимся фактом выдачи персидским правительством германским предпринимателям железнодорожных или других важных концессий, Россия и Англия потребовали от него, чтобы никакие концессии не предоставлялись без предварительного обмена мнениями с ними. Это вызвало резкие протесты со стороны Германии.

В августе 1910 г. германский посол в Петербурге, заявив Сазонову, что общественное мнение в Германии «чрезвычайно раздражено» тем, что не достигнуто разграничение русских и германских интересов в Персии, предложил возобновить переговоры по этому вопросу⁴⁹.

В Петербурге давно уже ждали такого предложения. При этом в русском министерстве иностранных дел склонялись к мнению, что лучше самой России получить концессию на строительство Тегеран — Ханекинской железной дороги, чем допустить, чтобы ее строили немцы. В конце октября 1910 г. предстояло очередное свидание Николая II с Вильгельмом в Потсдаме. Готовясь к отъезду в Потсдам, Сазонов 15 (28) октября 1910 г. поставил выработанный в министерстве иностранных дел проект соглашения с Германией на обсуждение особого совещания. В этом проекте Россия не только выражала готовность не оказывать противодействия осуществлению Багдадской железной дороги, но также брала на себя обязательство «приступить по просьбе германского правительства к постройке линии, которая имела бы начало в Тегеране и примкнула бы на турецко-персидской границе к линии Седидже — Ханекин, если эта ветвь Багдадской железной дороги будет построена и если постройка Багдадской линии будет закончена на всем ее протяжении». Взамен от Германии требовалось обязательство «не строить железных дорог в зоне, расположенной между Багдадской линией и границами русской и персидской к северу от Ханекина» и отказ ее от каких-либо концессий в Персии «к северу от черты, идущей от Касри-Ширина на Исфаган, Йезд и Хакк и кончающейся на афганской границе на параллели Газика».

Проект министерства иностранных дел вызвал резкую критику со стороны министра торговли и промышленности Тимашева. Указав на то, что Тегеран — Ханекинская железная дорога «будет служить исключительно интересам германской торговли», он

потребовал исключить из проекта соглашения обязательство России относительно сооружения этой дороги. Тимашева поддержал и министр путей сообщения Рухлов.

Сазонову пришлось выступить в защиту своего проекта. «Конечно, было бы весьма желательно вовсе избежать постройки линии Тегеран — Ханекин, могущей оказаться экономически для нас вредной, — сказал он. — Однако если мы совсем устранимся от этого дела, то немцы, при желании, всегда добьются постройки этой линии и оставят ее у себя в руках со всеми преимуществами такого положения». Обратив внимание присутствующих на то, что Багдадская дорога дойдет до Багдада «очень не скоро, может быть лет через 10—15», Сазонов продолжал: «Таким образом, мы имеем еще очень много времени на принятие мер к окончательному утверждению за собой персидских рынков, и если успешно идти по этому пути, то нам быть может вовсе не будет страшна Ханекинская линия».

Председатель совета министров Столыпин занял компромиссную позицию. Отметив, «что русское общественное мнение чувствительно было бы задето положением, в которое мы стали бы, приступая к осуществлению Ханекинской линии до окончательного завершения северных путей, каковым было бы твердо обеспечено наше экономическое преобладание в северной зоне Персии», заявил что, по его мнению, «при переговорах с германскими государственными людьми следует поставить вопрос так: 1) мы подтверждаем свое преимущественное право приобретать, когда это будет нам удобно, железнодорожные концессии в северной Персии; 2) линию Тегеран — Ханекин беремся выстроить по завершении пути Энзели — Тегеран...»

Убедившись в том, что его проект не получил поддержки, Сазонов в заключение совещания заявил, что из высказанных на нем мнений «он усматривает», что переговоры в Берлине «должны иметь лишь очень общий характер» и что России «там не надо будет связывать себя никакими определенными обещаниями»⁵⁰.

Переговоры в Потсдаме.

Переговоры, которые Сазонов вел с германскими политическими деятелями в Потсдаме, вышли далеко за пределы русско-германских отношений по вопросам Среднего Востока. Германский канцлер Бетман-Гольвег и статс-секретарь по иностранным делам Кидерлен-Вехтер решили воспользоваться переменой в руководстве министерства иностранных дел в России для очередной попытки заключить с Россией общеполитическое соглашение. При первой же встрече с Сазоновым Кидерлен-Вехтер заговорил о русско-австрийских отношениях. Ссылаясь на то, что, отправляясь в Потсдам, он «не имел в виду обсуждать этот вопрос», Сазонов ограничился общими фразами о желательности германского посредничества в деле регулирования отношений между Россией и

Австро-Венгрией. Но на следующий день в беседе с Сазоновым германский канцлер Бетман-Гольвег вновь поднял этот вопрос, заявив, что если бы Австро-Венгрия «обнаружила стремление к политике захватов на Балканах, то она не встретила бы ни малейшей поддержки со стороны своей союзницы»⁵¹. Германские дипломаты впоследствии уверяли, что они потребовали от Сазонова, чтобы царское правительство со своей стороны не поддерживало бы «враждебную Германии политику, которой может последовать Англия»⁵². Но в докладе Сазонова о его переговорах в Потсдаме, представленном Николаю II 4 (17) ноября 1910 г. по возвращении в Петербург, об этом не говорилось ни слова.

По вопросу о строительстве железных дорог в Персии Сазонов указал германским государственным деятелям «на невозможность в настоящее время... высказываться определенно на этот счет». Однако он добавил, что в случае постройки Россией «сети северных персидских железных дорог» она будет готова «пойти навстречу германским пожеланиям и сомкнуть таковую с будущей Багдадской дорогой в намеченном немцами пункте, а именно в Ханекине». Сазонов также заявил, что царское правительство не намерено «стесняться в чем-либо германскую торговлю в Персии». Со своей стороны руководители внешней политики Германии заверили Сазонова в том, что она не преследует в Персии никаких политических целей и готова не домогаться получения в русской зоне каких-либо концессий территориального характера⁵³.

**Сазонов
отказывается
подписать
общеполитическое
соглашение
с Германией.**

В Потсдаме не было подписано какого-либо письменного соглашения. Прежде чем заключить его, Сазонов, чувствующий себя недостаточно уверенно, решил прозондировать «общественное мнение». В день своего возвращения в Петербург он дал интервью корреспонденту газеты «Новое время» о результатах переговоров в Потсдаме по персидскому вопросу. Сообщение «Нового времени» вызвало взрыв возмущения в русских торгово-промышленных кругах, заинтересованных в развитии торговли с Персией. На квартире у известного фабриканта и банкира П. П. Рябушинского было созвано совещание крупных промышленников Московского района, выразившее свой протест в связи с предполагаемым соглашением с Германией по персидским делам⁵⁴. Но против этого соглашения выступили не только представители русской буржуазии, опасавшиеся германской конкуренции в Персии. Как отмечала октябристско-кадетская печать, оппозиция соглашению с Германией объясняется также тем, что оно может помешать дальнейшему сближению России со странами Антанты.

Реакция на сообщение «Нового времени» свидетельствовала о том, что правящие круги царской России все более поворачи-

вали в своей внешнеполитической ориентации в сторону Франции и Англии. Несомненно, большую роль в этом играла все усиливающаяся финансово-экономическая зависимость России от Франции. В 1908 г. русский долг во Франции достиг колоссальной цифры — 5,5 млрд. руб. В начале 1909 г. царское правительство разместило на парижском рынке новый заем на сумму в 525 млн. руб. В связи с оживлением экономической жизни в России и началом нового промышленного подъема русские торгово-промышленные круги возлагали большую надежду на приток французских капиталов.

В то время как Сазонов не спешил связывать себя какими-либо официальными документами, руководители внешней политики Германии, наоборот, стремились закрепить достигнутые (как им казалось) успехи в письменном соглашении. Вскоре после возвращения Сазонова в Петербург немецкий посол Пурталес вручил ему две записки, составленные Бетманом-Гольвегом. Первая из них представляла собой проект общеполитического соглашения между Россией и Германией, согласно которому Германия отказывается от поддержки агрессивной политики Австро-Венгрии на Ближнем Востоке, а Россия берет на себя аналогичное обязательство в отношении враждебной Германии политики Англии. Вторая записка было посвящена персидским делам⁵⁵.

Не желая обострять отношения с Германией, Сазонов не сразу отклонил предложенные ему проекты. Ссылаясь на протесты русской печати, он стал затягивать свой ответ. В разговоре с Пурталесом он выразил сомнение в необходимости подписывать общеполитическое соглашение, заявив, что устные обещания министров, и в особенности кайзера и царя, гораздо более ценны, чем обмен какими бы то ни было нотами⁵⁶. Между тем германские политические руководители именно в этом соглашении видели главный смысл переговоров. «Заверения России относительно отношений с Англией являются для меня альфой и омегой всего соглашения в целом, — писал Пурталесу 21 ноября (4 декабря) 1910 г. министр иностранных дел Германии Кидерлен-Вехтер. — Оно должно быть сформулировано таким образом, чтобы в тот день, когда о нем узнают англичане, это скомпрометировало бы русских»⁵⁷.

Стремясь ускорить развязку, германский канцлер Бетман-Гольвег, выступая 27 ноября (10 декабря) 1910 г. в рейхстаге, заявил о том, что в Потсдаме Россия и Германия обещали не принимать участия во враждебных друг другу группировках. Этим он окончательно испортил дело: легко было себе представить, какое впечатление это заявление должно было вызвать в Париже и Лондоне. 28 ноября (11 декабря) 1910 г., т. е. на следующий день после выступления Бетмана-Гольвега, Сазонов в беседе с Пурталесом отклонил германские проекты⁵⁸.

**Заключение
соглашения
между Россией
и Германией по
персидским
делам.**

Но он не думал совсем отказываться от соглашения с Германией по персидским делам. В связи с усилившимся противодействием Англии проведению Багдадской железной дороги к побережью Персидского залива царская дипломатия опасалась, как бы Германия не повернула эту дорогу в Персию. «Мне лично сдается, — писал Сазонов русскому послу в Лондоне в феврале 1911 г., — что Германия, встречая непреодолимое противодействие англичан, склонна отказаться от продолжения Багдадской дороги до Персидского залива и повернуть взамен этого свою магистраль в Персию. При таком положении дела нам особенно важно сохранить за собой обладание Ханекин — Тегеранской линией»⁵⁹. Поэтому, не поддаваясь нажиму со стороны Франции и Англии, Сазонов продолжал переговоры по этому вопросу с Германией. Поскольку весной 1911 г. из-за конфликта в Марокко снова обострились франко-германские отношения, германское правительство решило удовольствоваться соглашением с Россией лишь относительно Персии и Багдадской железной дороги.

6 (19) августа 1911 г. русско-германское соглашение по персидским делам было подписано. По этому соглашению Германия, признавая за Россией наличие «специальных интересов» в Персии, обязывалась не добиваться концессий в северной части Персии, признанной англо-русским соглашением 1907 г. сферой влияния России. Со своей стороны Россия обещала не препятствовать постройке Багдадской железной дороги и участию иностранных капиталов в этом предприятии. Кроме того, царское правительство брало на себя обязательство получить от Персии концессию на постройку железной дороги Ханекин — Тегеран, работы по сооружению которой должны были начаться не позже чем через два года после сооружения линии Седидже — Ханекин⁶⁰.

Одновременно с подписанием этого соглашения германское правительство через своего посла в Петербурге дало России устное обязательство не строить в Турции ответвлений от Багдадской железной дороги «в области, находившейся между этой железной дорогой и русской и персидской границами к северу от Ханекина»⁶¹.

Потсдамские переговоры явились последней попыткой Германии оторвать Россию от Антанты. Заключив соглашение с Германией, царская Россия окончательно закрепила за собой северную зону Персии. Однако это соглашение не улучшило отношений между Россией и Германией. Оно было посвящено урегулированию лишь сравнительно второстепенных противоречий между этими державами. Их главные интересы сталкивались на Ближнем Востоке.

ГЛАВА V

НА ПУТЯХ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

§ 1. НАРАСТАНИЕ УГРОЗЫ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ

Германия
готовится
к войне.

1911 г. открыл собой период крайнего обострения империалистических противоречий между великими державами. Политические кризисы, в которых находили выход эти противоречия, стали более частыми и глубокими. Не успел разрешиться Агадирский кризис, поставивший Германию «на волосок от войны с Францией и Англией» *, как началась итало-турецкая война, а вслед за ней вспыхнул пожар войны на Балканах. Бряцание оружием становится все более веским «аргументом» в дипломатических спорах между великими державами.

К кануну первой мировой войны Германия далеко оставила за собой в экономическом развитии Англию и Францию. За период с 1870 по 1913 г. объем промышленного производства вырос в Англии в 2,3 раза, во Франции — в 3,0 раза, а в Германии — в 5,7 раза. По общему уровню развития промышленность Германии еще в начале XX в. заняла первое место в Европе. Накануне мировой войны она выплавляла чугуна и стали больше Англии и Франции, вместе взятых. Раскрывая особенности социально-экономического развития Германии, В. И. Ленин писал: «Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, *подчиненной юнкерско-буржуазному империализму*» **. Переплетение захватнических устремлений германской империалистической буржуазии с милитаристскими традициями прусского юнкерства придавали германскому империализму особенно реакционный и агрессивный характер.

С конца XIX в. правящие круги Германии приступили к подготовке войны за передел мира. Германские империалисты соз-

* В. И. Ленин, Тетради по империализму, М., 1935, стр. 620.

** В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 313.

давали мощную индустриальную базу для ведения такой войны. Огромные ассигнования отпускались на развитие военной промышленности. Все средства идеологической обработки населения — печать, церковь, школа, литература, искусство — были мобилизованы германскими империалистами для пропаганды идей борьбы за мировое господство Германии.

Борьба с Англией на море была немыслима без крупного флота. И правящие круги Германии обращают особое внимание на военное судостроение. В 1898 г. германский рейхстаг утвердил грандиозную программу строительства военно-морского флота. В последующие годы эта программа неоднократно расширялась. За период с 1898 по 1914 г. на строительство военно-морского флота были затрачены громадные средства — 6 млрд. марок. Эта сумма почти в полтора раза превышает контрибуцию, полученную Германией с Франции в результате франко-прусской войны.

Особенно активизировалась подготовка к войне в Германии в 1911—1913 гг.

Отмечая усиленные приготовления Германии к войне, русский военный агент в Берлине в январе 1912 г. писал: «...По имеющимся у меня сведениям, в большом генеральном штабе за последнее время идет усиленная работа, причем занятия продолжают до необычайно поздних часов»¹. В 1912 г. общая численность германской армии была увеличена до 645 тыс. человек, а в 1913 г. — до 838 тыс. человек. Расходы на вооруженные силы составили в 1913 г. 61% ко всему общеимперскому бюджету².

Гонка вооружений в Англии. Англия также усиленно готовилась к войне, стараясь не отстать от Германии в гонке вооружений. «Первенство Германии на море не может быть совместимо с существованием Британской империи», — указывал один из руководящих чиновников лондонского министерства иностранных дел Кроу в меморандуме от 19 декабря 1906 г. (1 января 1907 г.)³. Попытки английского правительства договориться с Германией относительно взаимного ограничения строительства новых военных судов не имели успеха. Тогда в ответ на подготовку новой военно-морской программы в Германии 5 (18) марта 1912 г. морской министр Великобритании Уинстон Черчилль внес на рассмотрение английского парламента законопроект, предусматривавший закладку двух военных кораблей против каждого, заложенного в Германии.

Анализируя международную обстановку в 1911 г., В. И. Ленин писал: «Известно, что в последние годы и Англия и Германия вооружаются чрезвычайно усиленно. Конкуренция этих стран на мировом рынке все более и более обостряется. Военное столкновение надвигается все более грозно»^{*}.

^{*} В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 145.

Переход правящих кругов Франции к активной подготовке войны.

В результате Агадирского кризиса французские правящие круги также перешли к активной подготовке войны. В январе 1912 г. сторонника соглашения с Германией Кайо заменил на посту председателя совета министров Франции Раймонд Пуанкаре, выдвинутый наиболее воинственными кругами французской крупной буржуазии. Рассказывают, что когда о назначении Р. Пуанкаре сообщили его двоюродному брату, видному математику Анри Пуанкаре, он воскликнул: «Мой кузен — это война!». И действительно, с первых же дней пребывания у власти Р. Пуанкаре взял курс на войну.

В начале 1913 г., в связи с известием об очередном увеличении контингента германской армии, военная подготовка во Франции еще более усилилась. «За последние дни, — писал в середине февраля Извольский, — внимание как правительственных кругов, так и общества и печати во Франции было главным образом сосредоточено на вопросе об увеличении численности германской армии и необходимости соответственных мер со стороны Франции»⁴. В эти же дни русский военный агент в Париже полковник А. А. Игнатъев, сообщая о том, что французский военный министр чрезвычайно занят «разрешением непредвиденных вопросов, вызванных проектом германского военного закона», докладывал в Петербург: «Совет министров собирается почти ежедневно для обсуждения этих вопросов, а в военном министерстве идут срочные работы по составлению проекта нового закона о воинской повинности»⁵. 6 (19) июля 1913 г. французским парламентом был принят закон о введении трехлетнего срока воинской повинности (вместо двухлетнего).

Выбор повода для войны — основная задача европейской дипломатии в 1911—1914 гг.

Итак, два враждебных друг другу лагеря, на которые в начале XX в. раскололась Европа, лихорадочно готовились к войне. Причины для этой войны вполне созрели. Был необходим лишь повод, чтобы она стала фактом. Найти такой повод должны были дипломаты. 1911—1914 гг. в истории европейской дипломатии — это период поисков повода для войны. Выбор его зависел от множества разнообразных причин. Правящие круги каждой из европейских держав искали наиболее благоприятный для себя вариант развязывания войны. Они стремились начать войну при таких условиях, которые обеспечивали бы либо стратегический, либо тактический перевес над противником, гарантировали активную помощь союзников и к тому же давали возможность переложить ответственность за возникновение войны на своих противников или партнеров. Совсем не случайно события сложились таким образом, что война, возникшая из-за колониального соперничества Германии с Англией и Францией, началась со столкновения Германии и России, причем поводом

для этого столкновения послужил конфликт между Австрией и Сербией⁶.

Правящие круги Германии в своей подготовке к войне исходили из необходимости вести ее на два фронта: против Франции на Западе и против России на Востоке. Это соображение легло в основу так называемого плана Шлиффена, составленного в германском генеральном штабе еще в конце XIX в. Справедливо полагая, что при одновременной борьбе на двух фронтах Германия обречена на поражение, начальник германского генерального штаба фельдмаршал Шлиффен предложил разбить противников поодиночке, сосредоточивая основные силы германской армии то против одного, то против другого. При этом он исходил из того, что для проведения мобилизации и сосредоточения войск на фронтах военных действий России потребуется длительный срок — не менее 40 дней. Шлиффен считал, что за этот срок вполне возможно разбить Францию. Поэтому сущность составленного им плана заключалась в том, чтобы в начале войны, сосредоточив $\frac{9}{10}$ германской армии против Франции, в течение 6—8 недель заставить ее капитулировать, а затем перебросить все силы на Восточный фронт. Молниеносный разгром Франции не только обеспечивал возможность сосредоточения максимума сил против России, но и предупреждал опасность высадки Англией сухопутных войск на континенте.

В соответствии с этим планом Германии было бы выгоднее в стратегическом отношении начать войну против Франции с тем, чтобы выиграть время для последующего столкновения с Россией. Однако германским правящим кругам приходилось учитывать еще один фактор — внутривнутриполитический. В предстоящей войне, требовавшей максимального напряжения сил страны, им важно было заручиться активной поддержкой лидеров социал-демократической партии. Социал-демократическая партия Германии накануне войны объединяла около 1 млн. членов. На выборах в рейхстаг в 1912 г. за нее голосовало 4,5 млн. избирателей. В результате ей удалось провести в рейхстаг 110 своих представителей. Партия обладала разветвленным пропагандистским аппаратом. В ее распоряжении было 80 ежедневных газет⁷. Но свое влияние на массы германская социал-демократическая партия использовала для развращения рабочих и подчинения их буржуазной идеологии, так как во главе этой партии находились предатели рабочего класса, оппортунисты, подкупленные империалистической буржуазией. В. И. Ленин указывал, что ко второму десятилетию XX в. во главе рабочей партии Германии «оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной продавшей капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контрреволюционной буржуазии»^{*}.

^{*} В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 283.

Руководители германской социал-демократии задолго до начала войны вступили на путь полного одобрения империалистической внешней политики правящих классов Германии. Они уже в предвоенные годы являлись апологетами германского империализма и активно поддерживали ведущуюся им подготовку войны. Но поскольку свою предательскую деятельность, направленную на то, чтобы идейно обезоружить рабочий класс, руководители германской социал-демократии маскировали революционной фразой, им было удобнее для обмана народных масс, чтобы Германия начала войну не с республиканской Францией, а с царской Россией. Такой вариант развязки войны хотя и находился в некотором противоречии с планом Шлиффена, но был удобен германским правящим кругам также потому, что он позволял в любой момент воспользоваться в качестве предлога для нападения на Россию постоянными русско-австрийскими трениями из-за Сербии и переложить вину за возникновение войны на младшего партнера — Австро-Венгрию.

При выборе повода для войны германские правящие круги вынуждены были считаться и с позицией своего союзника. Австрийская буржуазия равнодушно относилась к колониальным вожделениям германских империалистов. Круг ее интересов не выходил за пределы Балкан. Она не проявляла, например, никакого желания вступать в войну из-за Марокко. Зато на Балканах австрийский империализм в любое время был готов развязать войну. Германские правящие круги прекрасно понимали, что получают от Австро-Венгрии активную поддержку лишь в том случае, если война возникнет из-за конфликта, затронувшего ее жизненные интересы. Поскольку они сами не прочь были начать войну со столкновения с Россией, их вполне устраивал балканский вариант развязывания войны, на котором настаивала австрийская военщина.

Для Англии важно было втянуть в войну с Германией Францию и Россию. Над решением этой задачи английская дипломатия немало потрудились. Дав в 1904 г. согласие на захват Францией Марокко, она вызвала резкое обострение франко-германских противоречий. С 1904 г. столкновения Германии и Франции из-за Марокко становятся постоянным явлением, чередуясь каждые два-три года (Марокканский кризис 1905—1906 гг., инцидент в Касабланке 1908 г., Агадирский кризис 1911 г.). Затем при помощи соглашения с Россией 1907 г. английская дипломатия столкнула Россию с Австро-Венгрией и Германией на Ближнем Востоке. Наблюдая за тем, как все более обостряются отношения Германии с ее соседями — Францией и Россией, руководители внешней политики Англии могли спокойно выжидать событий. Но у них были свои трудности. Внутреннее положение в Англии было сложным. Рабочее движение шло на подъем. Неспокійно было в Ирландии⁸. В этих условиях правящие круги Англии оказались вынужденными тщательно маскировать осу-

шествляемую ими политику подготовки мировой войны. К тому же в английском кабинете министров не было единства относительно методов и сроков развязывания этой войны. В результате задача британской дипломатии заключалась в том, чтобы, внушая своим союзникам уверенность в поддержке Англии в случае их столкновения с Германией, в то же время не связывать себя с ними какими-либо официальными обязательствами.

Но такая позиция Англии весьма затрудняла выбор повода для войны французской дипломатии. Хотя еще с 1905 г. между французским и английским генеральными штабами существовали постоянные деловые сношения, все попытки правительства Франции добиться заключения с Англией письменного соглашения о взаимной военной помощи против Германии не увенчались успехом.

Еще более важным фактором, с которым вынуждена была считаться французская дипломатия при выборе повода для войны, являлась позиция России. Несмотря на то что Германии так и не удалось расколоть франко-русский союз, фактически он существовал лишь на бумаге. Во-первых, после поражения в русско-японской войне Россия в течение ряда лет не имела никакой реальной возможности прийти на помощь Франции. Совещания начальников генеральных штабов России и Франции, собиравшиеся в 1906, 1907, 1908 и 1910 гг., носили скорее символический характер. Они не принесли почти никакой практической пользы в деле согласования союзников в будущей войне, поскольку каждый раз выяснялась полная неготовность к ней со стороны русской армии. Во-вторых, финансово-экономическая зависимость царизма от Франции отнюдь не гарантировала полного послушания царской России. Между тем текст франко-русской военной конвенции оставлял довольно широкую свободу для ее толкования. В частности, согласно точному смыслу конвенции Россия обязана была прийти на помощь Франции лишь в том случае, если во франко-германском столкновении нападающей стороной была Германия. Но и в этом случае договор должен был вступить в силу только при условии, что нападение совершено непосредственно на Францию. Россия не обязана была выполнять свои обязательства, если бы война между Германией и Францией началась, например, с захвата Германией какой-нибудь французской колониальной территории. Неясно было, явится ли достаточным поводом для вступления конвенции в действие вторжение немцев в Бельгию. Поскольку без помощи царской России победа над Германией была невозможна, правящие круги Франции не решались начать войну, не будучи абсолютно уверены в том, что франко-русский союз не даст осечки. Но при каких условиях возможность такой осечки была совершенно исключена? На этот вопрос могло ответить лишь время.

§ 2. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЦАРСКОЙ РОССИИ НАКАНУНЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Промышленный
подъем в России.

В 1910 г. после длительной и глубокой депрессии Россия вступила в полосу нового промышленного подъема. Развитию русской промышленности способствовали небывалые урожаи предвоенных лет (за исключением 1911 г.). В 1909 г. сбор хлебов в России составил 4,72 млрд. пудов, превысив почти на 1 млрд. пудов сбор 1908 г. Урожай в 1910 г. также был очень высоким. В результате резко вырос хлебный экспорт. Уже в 1909 г. из России было вывезено почти вдвое больше хлебных продуктов, чем в предыдущем году. А в 1910 г. экспорт хлеба достиг рекордной величины — 847 млн пуд.

Вследствие того, что увеличение вывоза хлеба из России совпало с повышением цен на мировом хлебном рынке, весьма значительно возросла стоимость русского экспорта. В 1909 г. она достигла 1427,7 млн. руб., превысив более чем на 400 млн. руб. итоговые данные за 1908 г. В последующие годы стоимость русского экспорта продолжала неуклонно повышаться. Все это способствовало быстрому росту накоплений свободных капиталов и расширению денежного рынка в России. За период с 1908 по 1914 г. сумма вкладов в русские банки, общества взаимного кредита, сберегательные кассы, учреждения мелкого кредита и т. п. выросла более чем вдвое.

С конца 1909 — начала 1910 г. свободные капиталы, сконцентрированные в русских банках, устремились в промышленность. Акции промышленных предприятий стали быстро повышаться в цене. Начинается период бурного развития промышленности. Важным фактором, усилившим промышленный подъем и отразившимся на его характере, явилась подготовка России к надвигающейся мировой войне. Стремясь не отстать в той гонке вооружений, которая велась в предвоенные годы великими державами, царское правительство с 1910 г. резко увеличивает ассигнования на военные нужды. В 1913 г. они достигли 965 млн. руб., составив 28,5% всего бюджета.

Предвоенный промышленный подъем явился важным этапом в развитии народного хозяйства дореволюционной России. За 5 лет, с 1909 по 1914, основные капиталы русской промышленности выросли более чем на 1 млрд. руб. (с 2726 до 3900 млн. руб., т. е. на 43%). Общий прирост промышленной продукции за эти годы превысил 50%. В результате подъема значительно усилились позиции финансового капитала в России. Выросло значение русских банков — Русско-Азиатского, Международного, Азовско-Донского, Русского — для внешней торговли. Банковые монополии, переплетаясь с промышленными, все более расширяли сферу своего влияния. Накануне мировой войны финансовый капитал господствовал в ведущих отраслях русской тяже-

лой промышленности: нефтяной, угольной, металлургической, металлообрабатывающей. Отечественный капитал в России очень часто выступал в союзе и тесном сотрудничестве с иностранным капиталом, но далеко не всегда он являлся его агентурой. Русские предприниматели готовы были поделиться частью получаемых ими прибылей с иностранными капиталистами с тем, чтобы получить их поддержку. Но при этом они всегда яростно отстаивали свои собственные интересы.

**Активизация
роли буржуазии.**

Чем прочнее становились экономические позиции русской буржуазии, тем громче раздавались ее претензии на более важную политическую роль в государстве. Газета «Утро России», издававшаяся Рябушинским, в первом номере 1912 г. провозглашала здравицу русской буржуазии. «Наш новогодний тост,— писала она,— обращен к буржуазии, к «третьему сословию» современной России. К той крупнушей, мощно развивающейся силе, которая по заложенным в недрах ее духовным и материальным богатствам уже и сейчас далеко оставила за собой вырождающееся дворянство и правящую судьбами страны бюрократию».

Однако смертельно боящаяся рабочего движения в России и экономически тесно связанная с самодержавно-помещичьим строем русская буржуазия и не думала о его изменении. Ее политические устремления ограничивались весьма скромной целью. Она желала лишь некоторого приспособления существующего строя к своим интересам. Разоблачая истинный характер претензий русской буржуазии, В. И. Ленин писал: «Узостью отличаются вопросы, поднимаемые купцами, ибо они касаются только купцов. До общеполитических вопросов капиталисты не поднимаются. «Допущение представителей промышленности и торговли» в те или иные местные или центральные учреждения — вот предел «смелости» их ходатайств. О том, как вообще должны быть организованы эти учреждения, они не умеют думать. Они берут сложившиеся по чужой указке учреждения и в них кланчат местечко. Они становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве «ходатайствуют» об интересах *своего* сословия, *своей* группы, *своего* слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего класса»*.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что для русского буржуа-дельца характерно стремление к сделке с монархией, которую он понимает как «соглашение нескольких лиц или главарей с придворной камарильей в интересах прямого подчинения правящей буржуазии неповоротливого, тупоумного и азиатски-продажного русского чиновника»**. Он подчеркивал, что русская буржуазия представляет собой кучку монополистов, «защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 45.

** В. И. Ленин, Сочинения, т. 11, стр. 202.

теми именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым землевладением (миллионов в 70 десятин лучшей земли) и своим гнетом осуждают $\frac{5}{6}$ населения на нищету, а всю страну на застой и гниение» *.

Формы подкупа, применявшиеся русской буржуазией, были чрезвычайно многообразны. От прямых взяток до предложения «нужным людям» на льготных условиях ценных бумаг и приглашения их по «совместительству» в качестве «консультантов» различных акционерных обществ. Немало высших царских чиновников, генералов и адмиралов выступали в роли таких «консультантов», продолжая занимать государственные посты. Получая от частных фирм жалованье, во много раз превышавшее их казенные оклады, такие чиновники превращались в верных слуг монополий.

Накануне первой мировой войны финансовый капитал в России находит пути и для непосредственного воздействия на министерство иностранных дел. Именно к этому периоду относятся те связи, которые существовали между Извольским и Русско-Азиатским банком. Активно сотрудничая с французским капиталом, Русско-Азиатский банк был, по-видимому, заинтересован в поддержке русского посла в Париже. Стремясь завоевать его расположение, банк регулярно предлагал ему фиктивное участие в различных операциях с ценными бумагами. Это делалось под большим секретом. Чтобы не компрометировать посла, от него не требовали даже обычного в таких случаях письменного согласия. Но каждый раз после окончания операции деньги аккуратно перечислялись на личный счет Извольского в парижском отделении Русско-Азиатского банка. Только на спекуляциях акциями Общества Путиловских заводов, крупнейшего в России предприятия, производившего вооружение, Извольской в 1912 г. получил свыше 14 тыс. руб.

Своим человеком в русских торгово-промышленных кругах был А. А. Нератов, назначенный в 1910 г. товарищем министра иностранных дел. Он являлся акционером Общества Путиловских заводов, а брат его, Д. А. Нератов, состоял даже членом правления этого общества. Последний занимал также должность председателя Общества Волго-Бугульминской железной дороги и в качестве такового был в 1912 г. привлечен к суду за целый ряд темных махинаций, среди которых немаловажное место занимали незаконные сделки с французскими банками.

Внешнеполитические интересы русской буржуазии. В годы предвоенного промышленного подъема русская буржуазия начинает проявлять усиленный интерес к внешним рынкам. Еще в 1908 г. орган Совета съездов представителей промышленности и торговли журнал «Промышленность и торговля» указывал на то, что «наступила жгучая пора приняться за

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 262.

деловую постановку русского фабричного экспорта в широких размерах»⁹. В 1909 г. было учреждено «Русское экспортное товарищество», членами которого стали крупнейшие русские банки (Русский для внешней торговли, Азовско-Донской, Сибирский и др.) и текстильные предприятия (мануфактуры «Эмиль Циндель», Кренгольмская, Рябушинских, Морозовых и др.). Русское экспортное товарищество занималось сбытом продукции текстильной промышленности России в Персии, Китае, Монголии, Турции и на Балканах, организовав там свои агентства и склады. В 1911 г. в Петербурге была создана Российская экспортная палата, в задачи которой входило «объединение лиц и учреждений, прикосновенных к вывозной торговле, и надлежащее представительство их интересов».

Русские торгово-промышленные круги продолжали борьбу за рынки Китая, но после поражения России в войне с Японией они оказались здесь оттесненными на самые невыгодные позиции. Северные окраины Китайской империи, вошедшие в сферу влияния России (Внешняя Монголия и Северная Маньчжурия), были наиболее отсталыми в социально-экономическом отношении. К тому же даже в своей зоне России приходилось бороться с сильнейшей конкуренцией других держав. В результате вывоз промышленных товаров из России в Китай увеличивался очень медленно. Развитие русско-китайской торговли шло главным образом за счет роста импорта китайского чая в Россию. В 1913 г. Россия закупила в Китае 71% всего китайского вывоза чая.

Гораздо больших успехов достиг российский военно-феодалный империализм в Персии. Здесь ему удалось укрепить свои позиции. Накануне мировой войны персидская торговля оказалась по существу в руках у России. Россия поставляла более 1/2 ввозимых в Персию товаров, поглощала 2/3 персидского импорта. Важнейшими предметами русского ввоза в Персию были хлопчатобумажные ткани и сахар. В 1909—1913 гг. экспорт хлопчатобумажных тканей в Персию составлял 48,8% их общего вывоза из России. Мануфактурные изделия в Персию экспортировали главным образом московские и лодзинские фабрики. Прохоровская Трехгорная мануфактура имела в Персии три отделения: в Тегеране, Тавризе и Исфагане. Активную роль на персидском рынке играло Русское экспортное товарищество.

Не менее важное место принадлежало Персии в вывозе русского сахара. За период с 1907 по 1913 г. ею было импортировано 28% общего вывоза сахара из России, в том числе 99,98% вывоза рафинада. Если в ввозе текстильных товаров в Персию русские капиталисты еще встречали конкуренцию со стороны английских, то в импорте сахара они были полными монополистами. Вследствие этого крупнейшие русские сахарозаводчики, в руках у которых был экспорт сахара, не только не стремились к его расширению, но, наоборот, в целях повышения цен на пер-

сидском рынке в 1909 г. добились от царского правительства ограничения вывоза сахара в Персию.

В то же время взоры торгово-промышленных кругов России все больше обращались к рынкам Ближнего Востока. В 1908 г., в результате аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, в Турции повсеместно проходил бойкот австрийских товаров. «Новое время» призывало торгово-промышленные круги не упускать благоприятный момент. «Для России, — писало оно 9 (22) октября 1908 г., — представляется один из тех особенно редких, благоприятных моментов, которым надо воспользоваться и притом немедленно. Перед нами раскрывается обширнейшая перспектива завоевания новых рынков. События на Ближнем Востоке дают России возможность даже наверстать те потери, которые невольно произошли за время войны 1904 г.»

В октябре 1908 г. текстильными фабрикантами была направлена в Константинополь специальная комиссия для изучения местного рынка. В 1909 г. в Константинополе было открыто отделение Русского для внешней торговли банка. Интерес к рынкам Ближнего Востока проявили и промышленники Донбасса. В начале 1910 г. они организовали плавающую выставку товаров, которая была показана в ряде портов Ближнего Востока.

Вопросам развития торговых отношений с Ближним Востоком были посвящены Всероссийский съезд представителей торговли и промышленности, состоявшийся в мае 1910 г. в Москве, и первый Южно-русский торгово-промышленный съезд, созванный в октябре 1910 г. в Одессе. Этими же вопросами с конца 1911 г. занималось специальное совещание при министерстве торговли и промышленности. По решению совещания в 1912 г. была снаряжена особая экспедиция для изучения рынков Ближнего Востока.

В предвоенные годы торговля России с Турцией заметно оживилась. Среди предметов русского экспорта в Турцию наиболее важную роль играли: нефть, сахар, хлопчатобумажные ткани и резиновые изделия. В октябре 1913 г. царской дипломатией был выдвинут проект экономического соглашения с Турцией. Она придавала большое значение этому соглашению. Посол в Константинополе М. Н. Гирс указывал, что в случае его заключения «нам впервые открывается возможность приступить к утверждению в Турции нашего экономического влияния, без которого мы не будем в состоянии осуществлять исторически сложившиеся здесь задачи»¹⁰.

Развитие русской торговли на Ближнем Востоке было тесно связано с проблемой черноморских проливов. Важнейшей предпосылкой захвата новых рынков всегда служило обеспечение удобных путей сообщения с ними. Единственный удобный путь к рынкам Ближнего Востока шел через проливы. Не удивительно, что промышленная буржуазия в России начинает проявлять большой интерес к вопросу о проливах.

Основная задача царской дипломатии по вопросу о проливах.

Но если для промышленной буржуазии вопрос о проливах был связан с более или менее отдаленной перспективой борьбы за новые рынки сбыта, то для обуржуазившегося дворянства, производящего хлеб на экспорт, и торговой буржуазии, занимавшейся экспортом хлеба, он являлся вопросом сегодняшнего дня, вопросом непосредственной жизненной необходимости.

Босфор и Дарданеллы издавна являлись важнейшей экспортной артерией России. В связи с быстрым процессом экономического развития Юга России их значение еще более увеличилось. За десятилетие — 1903—1912 гг. — вывоз через проливы в среднем составил 37% всего вывоза из империи. Главную роль в этом вывозе играл хлеб. Через проливы проходило от 60 до 70% русского хлебного экспорта. Особенно возрос вывоз хлеба через проливы в связи с урожаями 1909—1910 гг. В 1910 г. он вдвое превысил вывоз 1908 г. За это же время экспорт пшеницы через проливы увеличился более чем в три раза.

Таким образом, в вопросе о проливах смыкались интересы широких кругов как буржуазии, так и дворянства России. Рост хлебного экспорта через проливы, повышение интереса русской буржуазии к ближневосточным рынкам, наконец, огромное стратегическое значение проливов — все это обуславливало активную позицию царской дипломатии в этом вопросе

В международной обстановке кануна первой мировой войны, характеризовавшейся предельной активизацией борьбы империалистических держав за колонии, и в частности за «оттоманское наследство», вопрос о проливах приобрел особую остроту. С точки зрения правящих кругов России наиболее эффективным способом решения вопроса о проливах в этих условиях была бы аннексия Константинополя и проливов. Однако решение этого вопроса в конечном счете зависело от исхода той ожесточенной борьбы за господство на Ближнем Востоке, которая развернулась между великими державами в предвоенные годы. Основная задача царской дипломатии в этой борьбе заключалась в том, чтобы не допустить захвата проливов каким-либо другим государством, пока это не в состоянии будет сделать сама Россия.

Новый революционный подъем в России.

Среди факторов, оказавших решающее влияние на внешнюю политику царского правительства, необходимо указать также на быстрый рост революционного движения в России,

Торжество контрреволюции оказалось недолговечным. Уже с лета 1910 г. намечаются первые признаки нового революционного подъема. Во главе этого подъема шел закаленный в боях героический русский пролетариат. Им руководила большевистская партия, партия нового типа. В 1912 г. движение пролетариата в

России поднялось «на высшую ступень» *. В этом году число участников одних лишь политических стачек достигло миллиона **.

Революционные выступления рабочего класса разбудили всю страну. Широилось крестьянское движение. Начались волнения в армии и флоте. Под напором революционного движения затрещала по всем швам третьеиюньская система. Усилилась паника и грызня в правящем лагере.

Между тем революционное движение все нарастало. Празднование 1 Мая 1913 г. приняло небывалые размеры. В этот день по всей России не вышло на работу 420 тыс. рабочих. Характеризуя политическое положение в стране, В. И. Ленин в июне 1913 г. писал на страницах «Социал-демократа»: «Политический кризис общенационального масштаба в России налицо и притом это — кризис такой, который касается именно *основ* государственного устройства, а вовсе не каких-либо частных его, касается *фундамента* здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа» ***.

По мере того как ширилось революционное движение в стране и слабее становились устои самодержавия внутри России, самодержавие все более обращало свои взоры за ее пределы. Бурный рост сил революции в России побуждал правящие круги искать спасения в укреплении контрреволюционных союзов, во внешнеполитических авантюрах, в подготовке мировой войны.

§ 3. АГАДИРСКИЙ КРИЗИС И ДЕМАРШ ЧАРЫКОВА

**Прыжок
«Пантеры».**

Французские колониалисты активно прибирали к рукам Марокко. В мае 1911 г. они оккупировали его столицу — Фец. Руководители внешней политики Германии ревниво наблюдали за действиями своих соперников. 18 июня (1 июля) 1911 г. германская канонерская лодка «Пантера» бросила якорь в гавани марокканского порта Агадира. Прыжок «Пантеры» вызвал большое волнение не только в Париже, но и в Лондоне. Один из наиболее влиятельных членов английского правительства канцлер казначейства Ллойд-Джордж, выступив 8 (21) июля на обеде у лорд-мэра Лондона в Мэншн-Хаузе, пригрозил Германии войной.

Вслед за этим в Париж приехал начальник оперативного отдела английского генерального штаба генерал Вильсон для обсуждения вопросов, связанных с организацией высадки английской армии во Франции.

**Позиция
России.**

В отличие от Англии Россия не имела никаких собственных интересов ни в Марокко, ни вообще в Африке. К тому же русская армия не была готова к войне. Поэтому царская дипломатия приложила все

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 487.

** В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 397.

*** В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 195.

усилия для того, чтобы добиться мирного исхода Агадирского кризиса.

Такая позиция царского правительства не устраивала правящие круги Франции. Ободренные выступлением Ллод-Джорджа, французские шовинистические элементы требовали немедленного объявления войны Германии.

7 (20) августа 1911 г. председатель Совета министров Франции Кайо в беседе с русским послом в Париже Извольским прямо поставил вопрос «об эвентуальной роли России» в случае конфликта между Францией и Германией. В ответ Извольский обратил внимание французского премьер-министра на «чисто оборонительный характер русско-французской военной конвенции, в силу которой Россия должна выступить на помощь Франции в случае нападения на нее со стороны Германии». Он также отметил, что «русское общественное мнение не может отнестись к настоящему конфликту иначе, как к колониальному спору»¹¹. Как вспоминал впоследствии Кайо, Извольский в разговоре с ним сказал: «Тот факт, что Германия отказывается от Марокко, для вас значительная победа. Вы будете отныне иметь в Северной Африке самую восхитительную империю, какую только можно вообразить. И вы торгуетесь о чаевых, которых настойчиво добивается германская империя! Поистине я вас не понимаю!» Когда же Кайо заметил, что «бывают чаевые и чаевые», Извольский заявил: «Во всяком случае я должен вам сказать, господин премьер-министр, Россия не может ввязываться в войну ради Конго. Мы вас поддержали бы, может быть, и это было бы уж трудно, если бы дело касалось Марокко. В вопросе о более или менее значительных чаевых мы не можем быть на вашей стороне. Мы тем более не будем вмешиваться, что мы не в состоянии участвовать в европейской войне. Нам нужно еще два года по крайней мере чтобы реорганизовать наши силы, прежде чем быть в состоянии встретить безбоязненно такую борьбу»¹².

Руководители внешней политики сделали попытку обратиться прямо в Петербург. Явившись 11 (24) августа 1911 г. к Нератову, временно управлявшему министерством иностранных дел, французский посол Жорж Луи высказал от имени своего правительства «надежду, что императорское правительство не откажет Франции не только в своем дипломатическом содействии, но, в случае нужды, и в военной помощи»¹³. Однако действия Извольского получили полное одобрение царя. В посланной 17 (30) августа 1911 г. на его имя директивной телеграмме Нератова говорилось: «Для французского правительства не должно быть сомнения в том, что военное столкновение из-за колониального вопроса не может вызвать у нас симпатичного Франции подъема настроения. С другой стороны, французскому правительству не может не быть известно, что предпринятые сравнительно недавно преобразования в нашем военном деле не могли еще быть доведены до конца... Поэтому старания как России,

так и Франции должны быть направлены к улаживанию вопроса в миролюбивом смысле. Вам по высочайшему повелению поручается еще раз разъяснить вышеизложенное французскому правительству. Наша дипломатическая помощь ему обеспечена»¹⁴.

Царская дипломатия сдержала свое обещание относительно дипломатической поддержки Франции в переговорах с Германией. Это способствовало благоприятному для Франции разрешению конфликта. В конце октября франко-германское соглашение было подписано. Германия вынуждена была отказаться от претензий на часть марокканской территории и признать протекторат Франции над Марокко. В качестве компенсации она получила полосу Французского Конго, прилегающую к германской колонии Камерун. Но эта территория, по выражению французского премьер-министра Кайо, представляла собой «клочок болот»¹⁵.

**Итало-турецкая
война 1911—
1912 гг.**

Окончательный захват Францией Марокко предрешал судьбу Триполи (Ливии). Еще в 1902 г. между Францией и Италией было достигнуто соглашение, по которому Италия обязывалась не возражать против захвата Францией Марокко в обмен на аналогичное обязательство Франции в отношении захвата Италией Триполитании и Киренаики. Когда «Пантера» бросила якорь в Агадире, министр иностранных дел Италии Сан-Джулиано сказал: «Вскоре настанет час Триполи для Италии»¹⁶. 16 (29) сентября 1911 г. Италия объявила войну Турции и вторглась в Триполи (Ливию). В период войны Турция неоднократно закрывала проливы для прохода коммерческих судов. Это нанесло серьезный ущерб интересам русских экспортеров. За первую половину 1912 г. вывоз хлеба из России понизился по сравнению с соответствующим периодом 1911 г. на 45%.

В министерство иностранных дел в Петербурге посыпались протесты со стороны различных организаций, русской буржуазии и дворянства. Лишь в октябре 1912 г. под угрозой назревавшей войны на Балканах Турция согласилась подписать мир с Италией, признав фактически аннексию ею Триполитании и Киренаики.

**Железнодорожное
строительство
в Турции и вопрос
о проливах.**

Царская дипломатия стремилась обеспечить безопасность кавказской границы России и ее экономические интересы в пограничных районах Турции довольно своеобразным путем. По этому поводу Сазонов в 1913 г., подводя в докладе к Николаю II итоги деятельности царской дипломатии на Ближнем Востоке, писал: «Министерству иностранных дел приходилось до сих пор напрягать значительные усилия, чтобы отсрочить по возможности постройку Турцией железных дорог в соседстве с нашей границей. На долю русской дипломатии падает неблагоприятная задача отстаивать концессии на бездорожье, в то время как все другие державы наперерыв предлагают Тур-

ции свои услуги по проведению и усовершенствованию путей сообщения»¹⁷

Как отмечалось выше, в 1900 г., по соглашению с Россией, Турция взяла на себя обязательство не предоставлять концессии на строительство железных дорог в северо-восточных районах Турции никому, кроме «русских капиталистов». Но «русские капиталисты» и не собирались получать эти концессии. Между тем младотурецкое правительство наметило ряд мер, направленных на расширение строительства железных дорог в Турции. В выработанном им законопроекте о железнодорожном строительстве прямо говорилось, что правительство намерено осуществлять постройку железных дорог путем выдачи концессии тому, кто предложит более выгодные условия. Осуществлению этих планов мешало русско-турецкое соглашение 1900 г. Уже с 1909 г. в турецком парламенте и прессе начинает обсуждаться вопрос об отмене ограничений, связанных с этим соглашением. Не желая вызывать обострения отношений с Турцией, царская дипломатия решила пойти на некоторое уменьшение запретной зоны. Летом 1911 г. она дала согласие на железнодорожное строительство в Северной Анатолии французским концессионерам Информируя письмом от 16 (29) июля 1911 г. Столыпина и некоторых других министров о предстоящем подписании франко-турецкого железнодорожного соглашения, управляющий министерством иностранных дел Нератов* отмечал, что он «не считал необходимым принятие экстренных мер к воспрепятствованию скорейшему заключению франко-турецкого железнодорожного соглашения, принимая в особенности во внимание уже прямо опасную для нас возможность при таких условиях перехода железнодорожного строительства в Турции в немецкие руки»¹⁸.

По этому вопросу среди наиболее влиятельных царских министров возникли разногласия. Министр финансов Коковцов полагал, что если Россия оставит без протеста подписание франко-турецкого соглашения, это может дать повод считать, что она отказывается от своего соглашения 1900 г. с Турцией. Возражая Коковцову, Нератов указывал, что железнодорожное строительство Турции — это далеко не единственная опасность, угрожающая интересам России на Ближнем Востоке. «...Не одно только железнодорожное строительство Турции угрожает нашим интересам, — писал он, — но и проявленная за последнее время усиленная забота турецкого правительства об увеличении своего боевого флота не в меньшей степени должна нас озабочивать. С этой точки зрения являлось бы, может быть, весьма полезным обусловить наше соглашение на железные дороги в Малой Азии хотя бы принципиальным согласием Порты на открытие для нас проливов; заручившись таковым, мы могли бы сделать

* Сазонов в это время лечился в Швейцарии,

его в дальнейшем уже вопросом международного обсуждения»¹⁹.

С началом итало-турецкой войны среди высших царских дипломатов укрепилось мнение о том, что России нужно воспользоваться создавшейся политической конъюнктурой для разрешения назревших на Ближнем Востоке вопросов «Жаль было бы упустить теперешний случай итало-турецкой войны и не воспользоваться им для того, чтобы продвинуть вопрос о проливах и иные наши здешние дела», — убеждал Нератова русский посол в Константинополе Чарыков в своем донесении, отправленном на следующий день после объявления итало-турецкой войны (17 (30) сентября 1911 г.)²⁰

Но оказалось, что та же мысль пришла в голову и самому Нератову. В результате не успело донесение Чарыкова достигнуть адресата, как из Петербурга на его имя было послано (19 сентября (2 октября) 1911 г.) письмо управляющего министерством иностранных дел. В нем говорилось: «Общее политическое положение, характеризуемое франко-германскими переговорами о Марокко и решительным выступлением Италии в триполлийском вопросе, приведшем уже к военным действиям, действительно представляется особенно благоприятным для переговоров с Турцией об изменении соглашения 1900 г. о железных дорогах в Малой Азии, а может быть, о более общих взаимных интересах». К письму был приложен проект декларации, который должен был служить основой для переговоров Чарыкова с Турцией. Он состоял из четырех статей. Статья «А» касалась пересмотра соглашения 1900 г. С нее Чарыкову предписывалось начать переговоры. Остальные статьи были «лишь факультативными придатками к основному соглашению о железных дорогах». Статья «Б» была посвящена изменению режима проливов. Царское правительство предлагало «оказывать турецкому правительству действительную поддержку для сохранения нынешнего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя ее и на прилегающие территории, в случае если этим последним будут угрожать иностранные вооруженные силы». Со своей стороны турецкое правительство, для того чтобы «облегчить выполнение» Россией ее обязательства, должно было согласиться «не препятствовать проходу русских военных судов через проливы при условии, что эти суда не будут останавливаться в водах проливов, если это не будет особо обусловлено». Статья «В» содержала уступку России по вопросу о турецких таможенных пошлинах. В статье «Г» предлагалось турецкому правительству передать России за соответствующее вознаграждение контракты, заключенные Турцией с английской фирмой Армстронг на постройку трех броненосцев. Относительно «факультативных» статей Чарыкову предоставлялось право «воспользоваться ими в отдельности или вместе или оставить их вне обсуждения в зависимости от хода переговоров»²¹.

Нератов уведомил посла, что он сообщит ему, когда нужно будет «фактически приступить» к переговорам с турецким правительством. Одновременно он обратился к Франции с предложением заключить соглашение, по которому в ответ на согласие царского правительства присоединиться к франко-германскому договору о Марокко Франция должна была взять на себя обязательство «относиться благосклонно к русским интересам в вопросе о проливах Босфор и Дарданеллы и не противодействовать осуществлению проектов, которые Россия могла бы иметь в виду касательно указанных проливов и прилегающих территорий»²².

В беседе с французским министром иностранных дел де-Сельвом Извольский вполне откровенно разъяснял мотивы царской дипломатии: «За последнее время...— говорил он, — в Европе и в особенности в бассейне Средиземного моря произошли существенные политические изменения: Франция утверждает свое владычество над Марокко; Италия приобретает Триполи и Киренаику; Англия укрепляет свое положение в Египте... Что касается до нас, то не будучи прямо заинтересованы в этих вопросах и руководствуясь общим характером наших отношений к Франции, Англии и Италии, мы относимся вполне сочувственно ко всем этим действиям... Но мы обязаны также подумать о собственных наших интересах и о том, чтобы избавиться от наложенных на нас при других обстоятельствах и ныне совершенно устарелых стеснений»²³.

Но французское правительство не спешило оказывать поддержку своей союзнице. По сообщению Извольского, министр иностранных дел Франции де-Сельв хотя и заявил ему «о готовности французского правительства дать полное удовлетворение нашим желаниям», но «не входил в рассмотрение их подробностей»²⁴.

Демарш
Чарыкова.

Между тем мысль о том, чтобы воспользоваться создавшейся ситуацией для решения вопроса о проливах, встретила горячее сочувствие со стороны Николая II. Получив одобрение царя, Нератов, не ожидая ответа французского правительства, 24 сентября (7 октября) 1911 г. телеграммой предписал Чарыкову «возможно безотлагательно приступить к переговорам, не придавая, однако, своему обращению к Порте характера резких и бесповоротных настояний»²⁵. 29 сентября (12 октября) Чарыков начал переговоры, вручив визирю «конфиденциальное и личное письмо», содержащее текст упомянутой выше декларации в форме как бы собственного предложения посла²⁶. Турецкое правительство, как обычно в таких случаях, стало тянуть с ответом, ожидая выяснения позиций держав.

Потеряв терпение, Нератов 20 октября (2 ноября) 1911 г. поручил Извольскому в Париже и Бенкендорфу в Лондоне добиться от французского и английского правительств, чтобы они

дали «точную и притом письменную формулировку» своей позиции в связи с предложениями России по вопросу о проливах²⁷. Однако, несмотря на все старания Извольского, ему не удалось получить от французского правительства сколько-нибудь вразумительного ответа на просьбу признать за Россией свободу действий в районе проливов. Руководители внешней политики Франции, чтобы не портить с Россией отношений, не хотели отказывать в ее просьбе, надеясь на то, что эта просьба отпадет сама собой в результате отрицательной позиции Англии «.. При нашем союзе с Россией неудобно ставить условия и делать ограничения, которые другие заинтересованные стороны, начиная с Англии, не преминут уточнить», — советовал де Сельву французский поверенный в делах в Петербурге²⁸. Но Грей также был непрочь загребать жар чужими руками. Опасаясь открытым выступлением против предложения России оттолкнуть ее от Антанты, он занял выжидательную позицию в надежде, что гурецкие политики в конце концов разберутся в создавшейся ситуации и сами откажутся принять предложение России²⁹.

Нератов начал отчаиваться в успехе предпринятой им комбинации. И вдруг 15 (28) ноября 1911 г. им была получена телеграмма от Чарыкова, в которой посол сообщал, что он начал с турецким правительством официальные переговоры по всем вопросам, выдвинутым им в свое время в личном письме к великому визирю. Хотя Нератов был крайне возмущен самовольным поступком посла, он не считал нужным прерывать начатых в Константинополе переговоров³⁰.

Между тем 23 ноября (6 декабря) 1911 г. в Париж прибыл из Швейцарии Сазонов. Познакомившись с обстановкой в Париже и переговорив с Бенкендорфом, специально вызванным им из Лондона, он понял, что демарш Чарыкова не имеет никаких шансов на успех. Это побудило Сазонова принять экстренные меры. Телеграммой от 26 ноября (9 декабря) он указал Нератову на необходимость «поручить Чарыкову ясно установить в Константинополе совсем частный характер его обмена мыслей с турками касательно проливов и отнюдь не придавать этой беседе значения официальных переговоров»³¹. В тот же день в газете «Матэн» было опубликовано интервью Сазонова. «Вопроса о Дарданеллах», о котором каждый день везде печатают, не существует, — говорил министр иностранных дел России. — В самом деле «вопрос» в дипломатическом смысле предполагает просьбу, формулированную правительством, а также предпринятые шаги и переговоры. Но Россия ни о чем не просит, не начинала никаких переговоров, не пыталась предпринимать никакого шага. Дарданеллы это дверь — дверь несколько узкая, — через которую проходит вся торговля южной России. В первую очередь важно, чтобы эта дверь осталась открытой. Совсем недавно можно было опасаться, что в результате итало-турецкой войны на ней окажется замок. Турки даже говорили о том, чтобы запереть ее

на засов. Россия ограничилась тем, что обратила внимание различных европейских держав на этот факт и напомнила им о необходимости оставить эту дверь настежь открытой. Вот и все. В этом нет «вопроса»³².

Возвратившись в Петербург, Сазонов 2 (15) декабря 1911 г. телеграфировал Чарыкову о необходимости теперь же прекратить дальнейший обмен мнений с турецким правительством. Вскоре (в марте 1912 г.) Чарыков был отозван из Константинополя и уволен в отставку.

**Уроки
Агадирского
кризиса
и демарша
Чарыкова.**

Агадирский кризис и демарш Чарыкова сыграли важную роль в истории отношений царской России с ее союзниками по Тройственному соглашению. Агадирский кризис показал, что Россию очень трудно будет втянуть в войну с Германией из-за каких-либо колониальных споров, т. е. таких споров, где слишком мало замешаны интересы самой России и от разрешения которых она ничего не могла получить. С точки зрения русского царизма такая игра не стоила свеч. Царское правительство, представлявшее интересы русских помещиков и капиталистов, требовало солидной платы за участие России в войне. Оно имело свои заветные империалистические планы. И всякий раз, когда Англия или Франция приобретали новые колониальные владения, русские империалисты, с завистью следившие за действиями своих покровителей, ставили вопрос о том, что и они должны получить свой кусок в этом дележе добычи. Именно так поступила царская дипломатия, когда в 1911 г. Франция окончательно захватила Марокко. Но надежды царской дипломатии на то, что Франция сочтет своей «нравственной обязанностью» помочь России за ее содействие французам во время франко-германских переговоров, не оправдались.

Франция являлась главным кредитором Турции. На ее долю приходилось 62,9% всей суммы турецкого долга. Французские империалисты стремились не только еще более усилить свои экономические позиции в Турции, но и захватить со временем ряд принадлежавших ей территорий (Сирию, Палестину, Александретту и т. п.). До тех пор пока этот захват не был в достаточной степени подготовлен, французская дипломатия самым категорическим образом выступала против пересмотра вопроса о проливах, опасаясь, что такой пересмотр может вызвать преждевременный развал Османской империи. Кроме того, правящие круги Франции рассматривали возможную уступку в вопросе о проливах как своеобразную приманку, при помощи которой они намеревались добиться активного участия России в войне с Германией.

Что же касалось Англии, то ее правящие круги сами лелеяли мечты о захвате зоны проливов и некоторых других областей Османской империи.

Вот почему требования царского правительства не получили поддержки ни в Лондоне, ни в Париже.

Из истории Агадирского кризиса внешнеполитические руководители Англии и Франции должны были сделать вывод о том, что силой одних только займов Россию воевать не заставишь, если ее интересы не будут задеты в конфликте и если ей не будет обещан порядочный куш за участие в будущей войне. В то же время история с демаршем Чарыкова показала правящим кругам царской России, что ее союзники не пойдут на уступки в вопросе о проливах за одну лишь дипломатическую помощь.

§ 4. ЦАРСКАЯ РОССИЯ И БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ

**Возникновение
Балканского
союза и позиция
царской
дипломатии.**

В 1912 г. на Балканском полуострове разразились события, послужившие прологом к первой мировой войне. Итало-турецкая война 1911—1912 гг. вызвала новый подъем освободительного движения на Балканах. Молодая национальная буржуазия балканских государств постаралась использовать этот подъем в своих интересах. Говоря о том, что «буржуазия угнетенных наций постоянно превращает лозунги национального освобождения в обман рабочих», В. И. Ленин приводил в пример политику мелких государств на Балканах, стремившихся «заключать сделки с одной из соперничающих империалистских держав ради осуществления своих грабительских целей» *.

Такая политика национальной буржуазии балканских государств создавала благоприятные условия для вмешательства великих держав в их внутренние дела. Огромное стратегическое значение Балканского полуострова, представлявшего собой важнейшее связующее звено между Европой и Азией, обуславливало особую остроту борьбы между империалистическими державами за господство на Балканах. К кануну первой мировой войны здесь оказались замешаны интересы всех великих держав Европы.

В этой обстановке всякого рода частные конфликты между балканскими государствами стали приобретать большое международное значение.

Уже в течение нескольких лет среди политических руководителей Болгарии и Сербии обсуждалась идея союза балканских государств. Интересы будущих союзников были противоречивы. Правящим кругам Сербии этот союз нужен был прежде всего на случай нападения Австро-Венгрии. Но они не прочь были использовать его и для территориальных приобретений за счет

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 137.

славянских областей Оттоманской империи. Правящие круги Болгарии не были заинтересованы в войне против Австро-Венгрии. Им союз балканских государств нужен был только для войны с Турцией. Они давно мечтали отобрать у нее Македонию, но боялись, что Румыния может воспользоваться болгаро-турецкой войной для того, чтобы захватить принадлежащую Болгарии Южную Добруджу.

Англия и Франция активно содействовали созданию Балканского союза, надеясь использовать его для усиления своего влияния на Балканах.

В отличие от других великих держав — Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии — царская Россия не имела сколько-нибудь значительных экономических интересов на Балканах. Российский капитализм не мог здесь конкурировать со своими более сильными империалистическими соперниками. Активность царской России в этом районе можно объяснить лишь тем, что в укреплении позиций на Балканах ее правящие круги видели единственный способ обеспечить свои интересы в вопросе о проливах.

Не видя возможности осуществить свои планы в отношении проливов в существующей международной обстановке, правящие круги царской России стремились укрепить свои позиции на Балканах с тем, чтобы, во-первых, создать себе благоприятные условия для захвата проливов на случай изменения международной обстановки и, во-вторых, обезопасить проливы от захвата каким-либо другим государством. В частности, руководители внешней политики царской России сочувственно отнеслись к идее создания блока балканских государств, поскольку, по их мнению, такой блок мог бы явиться барьером на пути австро-германской экспансии.

Надеясь использовать Балканский союз в своих целях, царская дипломатия приняла активное участие в его создании. 29 февраля (13 марта) 1912 г. между Болгарией и Сербией был заключен договор «о дружбе и союзе». По этому договору Болгария и Сербия обязались прийти на помощь друг другу «со всеми своими силами» не только в случае нападения на одну из них «со стороны одной или нескольких других держав», но также в случае, если «какая бы то ни было великая держава» попыталась бы «присоединить, оккупировать своими войсками или занять, хотя бы даже и временно», часть балканской территории, находящейся под властью Турции (если одна из договаривающихся сторон сочтет это достаточным поводом для начала военных действий).

Этот договор был явно направлен против Австро-Венгрии. Иной характер носило секретное приложение к нему. Суть его состояла в том, что Болгария и Сербия договаривались совместно выступить в удобный момент против Турции и заранее делили между собой возможную добычу. Однако согласно точному смыс-

лу соглашения военные действия балканских союзников против Турции не могли быть начаты без санкции России³³. 29 апреля (12 мая) 1912 г. болгаро-сербский союзный договор был дополнен военной конвенцией.

Договор между Болгарией и Сербией послужил основой Балканского союза. В мае к союзу присоединилась Греция заключив договор с Болгарией о совместных действиях против Турции.

В правящих кругах царской России было немало сторонников «азартной игры» на Балканах. Незадолго до начала первой балканской войны В. И. Ленин в статье «Азартная игра», опубликованной в «Правде», обращал внимание на то, что русские националисты подталкивают балканских славян на войну с Турцией в надежде поживиться за ее счет. «Расчет националистов, — писал В. И. Ленин, — откровенен и бесстыден до последней степени. Они говорят пышные слова о «святой борьбе за независимость» народов, а сами хладнокровнейшим образом играют жизнью миллионов, толкая народы на бойню ради прибыли кучки купцов и промышленников»*.

Летом 1912 г. по Балканам совершил турне один из лидеров октябристов, представитель московской торгово-промышленной буржуазии А. И. Гучков. Он побывал в Софии, где открыл отделение страхового общества «Россия». Затем отправился в Белград. В обеих столицах он имел беседы с местными политическими деятелями. Выступая на приемах и банкетах, устроенных в его честь, Гучков стремился настроить правительственные круги и военщину балканских государств на выступление против Турции и Австро-Венгрии.

Однако в министерстве иностранных дел полагали, что для активного выступления России еще не созрела международная обстановка. Переговоры с Францией и Англией по ближне-восточным вопросам, имевшие место весной и летом 1912 г., показали, что союзники России по Антанте не склонны содействовать ее интересам на Ближнем Востоке. Французский премьер-министр Пуанкаре в беседах с русским послом в Париже неоднократно подчеркивал, что в случае военного столкновения России с Турцией царскому правительству нельзя будет рассчитывать на помощь Франции³⁴. Это означало, что война балканских государств с Турцией, не суля никаких выгод царской России, к тому же грозила весьма неприятными для нее осложнениями. Поэтому царская дипломатия приложила немало усилий, чтобы предотвратить назревающий конфликт между участниками Балканского союза и Турцией и оттянуть его до более благоприятной международной обстановки³⁵. Но добиться этого не удалось.

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 311.

Начало военных действий на Балканах. Разгул шовинистической пропаганды в России.

Весной 1912 г. в Албании вспыхнуло восстание против Турции. Вскоре оно охватило всю страну. Летом началось брожение славянских народностей в Македонии. В этой обстановке 26 сентября (9 октября) 1912 г. Черногория открыла военные действия против Турции. Вслед за ней 5 (18) октября выступили балканские союзники — Болгария, Сербия и Греция. Уже через две недели выявилась полная неспособность Турции оказать сопротивление. «Разгром Турции несомненен», — писал В. И. Ленин в «Правде» 21 октября (3 ноября) 1912 г*.

Первые же выстрелы на Балканах послужили поводом для начала самой разнузданной шовинистической кампании в русской печати. В этой кампании проявилось глубокое внутреннее единство различных партийных группировок правящих классов царской России по коренным вопросам внешней политики. Наряду с националистами и октябристами в ней активное участие принимали кадеты. Они призывали царское правительство не забывать о «великой идее» взятия Константинополя. «России нужно в удобное время безоговорочно решить вопрос о своем контроле над проливами... — писал один из лидеров кадетской партии Струве. — Россия, экономический центр которой тяготеет к Черному морю, должна господствовать на нем и командовать над выходом в Средиземное море»³⁶.

Указывая на то, что либералы и националисты спорят лишь «о разных способах ограбления и порабощения балканских народов буржуазией Европы», В. И. Ленин писал: «...Суть политики к-д. — тот же шовинизм и империализм, что у «Нового времени», только похитрее, потоньше. «Новое время» грубо и глупо грозит войной от имени одной России. «Речь» «тонко и дипломатично» грозит *тоже войной*, только от имени гройственнoго соглашения. «Новое время» за протезирование славян *Россией*, «Речь» за протезирование славян тройственным соглашением, т. е. «Новое время» за одну нашу лису в курятнике, а «Речь» за соглашение трех лис»**.

Лишь некоторые крайне правые черносотенные газеты, такие, как «Земщина», «Русское знамя», «Гражданин», выделялись из общего хора буржуазно-помещичьей печати. «Все крики на тему о том, что Россия должна очертя голову броситься на войну за славян должны смолкнуть перед требованием государственной осторожности», — писала «Земщина» в сентябре 1912 г. «Нам нужен мир, чтобы оправиться после неудачной войны и революционной смуты...», — продолжала убеждать эта газета в октябре 1912 г.³⁷ Вот, оказывается, в чем причина миролюбия

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 340.

** Там же, стр. 323.

крайне правых кругов. Они страшились нараставшего в России нового революционного подъема.

Но этот подъем пугал не только крайне правых. Не менее страшен он был октябристам и кадетам. Разногласия крайне правых с октябристами и кадетами по вопросу внешней политики царской России были лишь тактическими разногласиями, возникшими в поисках выхода из назревавшего политического кризиса в стране. Раскрывая действительный смысл националистической шумихи, поднятой правящими классами царской России, В. И. Ленин писал: «Политика октябристов, националистов, беспартийных «патриотов», от «Нового времени» до «Русского слова», ясна и проста. Тревога Австрии, науськивание на войну с ней, крики о «славянских задачах» России — все это есть шитое белыми нитками стремление отвлечь внимание от внутренних дел России и «урвать кусок» Турции. Поддержка реакции внутри и колониального, империалистского грабежа во вне — такова суть этой грубой «патриотической», «славянской» политики»*.

Для одурачивания народных масс шовинистическая кампания в русской печати проводилась под лозунгом великодержавного панславизма. Пытаясь сыграть на симпатиях русского народа к балканским славянам в их борьбе за свое освобождение, помещичье-буржуазные партии России призывали начать «популярную» войну ради защиты «братьев-славян» и объединения всех славянских народностей под эгидой России. Лозунг великодержавного панславизма призван был придать благовидную внешность захватническим планам царизма.

Борьба большевиков против захватнической внешней политики царской России и вмешательства ее в дела балканских народов.

Только партия большевиков, представлявшая интересы рабочего класса, была действительным защитником дела мира. Будучи верной великому знамени пролетарского интернационализма, партия большевиков всегда твердо стояла на марксистских позициях решительной борьбы против империалистической внешней политики, против подготовки войны.

Используя все легальные и нелегальные возможности, партия большевиков во главе с В. И. Лениным беспощадно разоблачала попытки империалистов скрыть свои истинные цели, подвергала уничтожающей критике внешнюю политику царского правительства

По указанию В. И. Ленина, большевистская фракция в IV Государственной думе в первом же своем выступлении выразила протест против захватнической внешней политики царского правительства, против гонки вооружений и подготовки войны³⁸.

Свое отношение к войне большевистская фракция IV Государственной думы выразила также в приветствии к собравше-

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 322.

муся в 1912 году Базельскому международному социалистическому конгрессу. «...Война и кровопролития, — говорилось в этом приветствии, — нужны правящим классам; рабочие всех стран требуют мира во что бы то ни стало. И мы, русские рабочие, братски протягиваем руку рабочим всех других стран и сливаемся в общем с ними протесте против позора наших дней — войны»³⁹.

На страницах «Правды» В. И. Ленин в целой серии статей разоблачил политику царского правительства и правительства других империалистических государств в связи с балканскими событиями. В. И. Ленин указывал, что политика империалистических государств, в том числе России, на Балканах представляет собой грубое вмешательство в дела балканских народов. Он разъяснял, что разнузданная шовинистическая кампания, которую вели русские буржуазно-помещичьи партии, имела своей целью отвлечь народные массы от внутреннего положения в стране, помешать развитию революционного движения. Он призывал трудящиеся массы отстаивать свободу и равноправие всех народов на Балканах, не допускать никакого вмешательства других государств в балканские события, объявить войну войне⁴⁰.

Активная борьба большевистской партии против империалистической политики вмешательства в дела балканских народов в условиях роста революционного движения в стране обрекла на провал попытку помещичье-буржуазных партий при помощи разнузданной шовинистической кампании увлечь народные массы идеями панславизма и национализма. Именно напряженная политическая обстановка в стране была одной из основных причин, вынуждавших царизм проявлять осторожность на Балканах и на Ближнем Востоке.

Царская Россия в
роли «защитника»
Константинополя
и проливов.

Войска союзников, нанеся туркам быстрое и сокрушительное поражение, захватили большую часть Европейской Турции. Болгарская армия неудержимо двигалась к Константинополю.

Победы, одержанные над турками, вскружили голову болгарским правящим кругам и военщине. Они стали помышлять о создании «Великой Болгарии» от Черного до Эгейского моря. Эти планы всячески поощрялись Австро-Венгрией и Германией, стремившихся сделать Болгарию своим оплотом на Балканах. В этих условиях захват проливов Болгарией находился бы в явном противоречии с интересами правящих кругов царской России. Им было гораздо выгоднее, чтобы проливы оставались в руках у слабой Турции, чем если бы они перешли к сильной Болгарии, находившейся к тому же под влиянием Австро-Венгрии и Германии. Вот почему угроза захвата Константинополя и проливов болгарской армией вызвала растерянность в Петербурге.

Предложение Сазонова о мирном посредничестве великих держав было категорически отвергнуто Германией и Австро-Венгрией. Между тем 24 октября (6 ноября) 1912 г. турки потерпели очередное поражение под Чорлу и откатились на Чаталджинские позиции, расположенные на перешейке между Черным и Мраморным морями, в 45 км от Константинополя. Известие об этом вызвало настоящую панику в русских правительственных сферах.

В 1 час 30 минут ночи с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) русский морской министр Григорович срочно телеграфировал Николаю II, находившемуся в то время в Спале: «Всеподданнейше испрашиваю соизволения вашего императорского величества разрешить командующему морскими силами Черного моря иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высылки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры, когда в этом наступит надобность, по требованию гофмейстера Гирса *. Мера эта вызывается желанием ускорить исполнение распоряжений, не ожидая сношений с Петербургом». В 10 часов 32 минуты утра 26 октября (8 ноября) Николай II телеграммой на имя морского министра ответил: «С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен»⁴¹.

Австро-сербский конфликт. Трудно предполагать, как сложились бы события, если бы турецкие войска не сумели задержать болгарскую армию на Чаталджинских позициях. Эти позиции болгары взять не смогли. В результате непосредственная угроза захвата Константинополя миновала, и вопрос о проливах стал постепенно отходить на второй план. В центре внимания международной политики оказались новые события.

Если в Петербурге опасались захвата Болгарией Константинополя, то в Вене не меньшую тревогу вызвал выход сербских войск на побережье Адриатического моря. В то время как в Болгарии победы над Турцией способствовали появлению проектов создания «Великой Болгарии», в Сербии они вызвали активизацию великосербской пропаганды. Эта пропаганда, провозглашавшая борьбу за освобождение всех южнославянских народностей, находившихся под иностранным игом, таила в себе немалые опасности для Австро-Венгрии: на ее территории проживало около 7 млн. сербов, хорватов и других славянских народностей. Выход Сербии к морю явился бы важным шагом на пути к созданию обширного великосербского государства. Не было ничего неожиданного в том, что правящие круги Австро-Венгрии решили во что бы то ни стало не допустить получения Сербией порта на Адриатическом море. Австрийское правительство начало активно готовиться к войне.

* Посла России в Турции.

Франция
толкает Россию
на войну.

Поглощенная своими заботами о Константинополе и проливах, царская дипломатия не сразу обратила внимание на обострение австро-сербских отношений. В то же время французская дипломатия вдруг проявила несколько несвойственную ей заботу об интересах России на Балканах. Когда 22 октября (4 ноября) 1912 г. Извольский явился к Пуанкаре для того, чтобы переговорить с ним по вопросу о Константинополе, французский премьер-министр заявил русскому послу, что «его все более и более беспокоит положение, занятое Австрией, и возможность с ее стороны территориального захвата». В тот же день Пуанкаре вручил Извольскому собственноручную записку, в которой предлагал «уже теперь определить поведение совместно на случай, если бы Австрия попыталась реализовать свои стремления к территориальным приобретениям».

Отвечая на эту записку, Извольский, по указанию Сазонова, выразил желание «знать позицию Франции и Англии на случай, если бы не удалось предупредить активного выступления Англии». Однако в новом письме на имя Извольского от 4 (17) ноября Пуанкаре предложил царскому правительству «взять на себя инициативу и сформулировать предложения». «Правительство республики,— говорилось в этом письме,— не определит своего образа действий до тех пор, пока императорское правительство не раскроет ему свои собственные намерения». «России должна принадлежать инициатива,— откровенно пояснил он в беседе с послом,— роль Франции — оказать ей наиболее действительную помощь». И добавил: «В сущности... все это сводится к тому, что если Россия будет воевать, Франция также вступит в войну, потому что мы знаем, что в этом вопросе за Австрией будет Германия»⁴².

Побуждая Россию взять на себя инициативу активного выступления в защиту Сербии и обещая свою вооруженную поддержку в случае, если это выступление окончится военным столкновением России с германо-австрийским блоком, французские дипломатические и военные круги стремились добиться от царского правительства всемерной активизации военных приготовлений. Они неоднократно обращали внимание царского правительства на подготовку вооруженных сил Австро-Венгрии к войне, настаивая на принятии Россией ответных мер.

26 ноября (9 декабря) 1912 г. Пуанкаре отправил французскому послу в Петербурге Ж. Луи телеграмму, в которой говорилось: «Военный министр, обеспокоенный мобилизационными мерами, к которым приступила Австро-Венгрия, желает знать, принял ли русский генеральный штаб со своей стороны какие-либо предосторожности». 29 ноября (12 декабря) 1912 г. военный министр Франции Мильеран поручил французскому военному агенту в Петербурге генералу Лагишу «вновь обратить внимание русского генерального штаба на важность приготовлений,

к которым приступила Австрия, и запросить военного министра о том, каковы его намерения». Однако в Петербурге в Генеральном штабе французскому военному агенту ответили, что не верят в нападение Австрии на Россию, а нападение Австрии на Сербию считают «весьма маловероятным» и что «даже в случае, если бы Австрия напала на Сербию, Россия не будет воевать». А русский военный министр в ответ на запрос генерала Лагиша заявил, что «он вполне убежден в сохранении мира и намерен выехать 23 декабря нового стиля в Германию и на юг Франции».

Телеграмма Лагиша вызвала сильное недовольство во французском правительстве, у которого, как сообщал Игнатъев, была «твердая уверенность не уклониться от войны ни при каких обстоятельствах». Извольский телеграфировал, что «Пуанкаре и весь состав кабинета крайне озабочены и встревожены» информацией Лагиша. «Правительство сильно взволновано секретной телеграммой генерала Лагиша, сообщающего, со слов нашего генерального штаба, что мы не принимаем пока серьезных мер в ответ на мобилизацию австрийской армии», — доносил Игнатъев.

Телеграмме Лагиша было придано настолько большое значение, что сразу же по ее получении, т. е. 1 (14) декабря 1912 г. она была обсуждена на специально созванном заседании Совета министров Франции. Какие решения были приняты на этом заседании, пока остается неизвестным. Но беседа, которая состоялась между Мильераном и Игнатъевым в один из последующих дней, дает основания предполагать, что французские правящие круги не оставили надежд втянуть Россию в войну с германо-австрийским блоком на почве австро-сербского конфликта. В своем письме от 6 (19) декабря 1912 г. Игнатъев об этой беседе сообщал следующее: «После обмена любезностями, разговоров по техническим военным вопросам французской армии Мильеран, как я и ожидал, затронул вопрос об «австрийских корпусах» и телеграмме Лагиша, причем он не скрыл своего внутреннего волнения, доходящего до раздражения в тех случаях, когда я отвечал или неопределенно, или успокоительно. Эта часть беседы была приблизительно такова:

Мильеран. Какая же, по вашему, полковник, цель австрийской мобилизации?

Я. Трудно предрешить этот вопрос. Но несомненно, что австрийские приготовления прогив России носят пока оборонительный характер.

Мильеран. Хорошо, но оккупацию Сербии вы, следовательно, не считаете прямым вызовом на войну для вас?

Я. На этот вопрос я не могу ответить, но знаю, что мы не желаем вызывать европейской войны и принимать меры, могущие произвести европейский пожар.

Мильеран. Следовательно, вам придется предоставить Сербию ее участи. Это, конечно, дело ваше, но надо только знать, что это не по нашей вине; мы готовы. Необходимо это учесть.

А не можете по крайней мере мне объяснить, что вообще думают в России о Балканах?

Я. Славянский вопрос остается близким нашему сердцу, но история выучила, конечно, нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлеченных идей.

Мильеран. Но вы же, полковник, понимаете, что здесь вопрос не Албании, не сербов, не Дураццо, а гегемонии Австрии на всем Балканском полуострове».

Игнатьев ответил, что подобные вопросы внешней политики не входят в его компетенцию. Тогда Мильеран, подчеркнув, что он «видит залог успеха союзнических отношений в их абсолютной искренности», спросил: «Но вы все-таки кое-что да делаете по военной части?»⁴³.

Французское правительство провоцировало Россию на вооруженное столкновение с Австро-Венгрией потому, что считало создавшийся момент чрезвычайно удачным для того, чтобы развязать войну с германо-австрийским блоком. Оно рассчитывало на то, что война Австро-Венгрии и Сербии в случае вступления в нее России должна неминуемо вызвать вмешательство Германии. При таком положении русские армии и войска государств Балканского союза должны были бы выдержать на себе основной удар Тройственного союза.

Под нажимом французской дипломатии вопрос о военных мероприятиях против Австро-Венгрии дважды — 20 ноября и 5 декабря (12 и 18 декабря) — обсуждался в Совете министров. Но Россия не была готова к войне. К тому же в правящих кругах России с недоверием относились к позиции Франции, ибо в то время как политические и военные деятели Третьей республики давали русским представителям широкообещательные неофициальные обещания, французское правительство упорно уклонялось от каких-либо официальных заявлений. Еще меньше надежд правящие круги России возлагали на активную поддержку со стороны Англии. Все эти соображения побуждали царское правительство быть сугубо осторожным в балканских делах и воздержаться от всяких шагов, которые могли бы вовлечь Россию в войну. После бурных прений Совет министров отклонил предложения военного министра Сухомлинова об усилении войск Киевского и Варшавского военных округов без официального объявления их мобилизации.

Следуя советам русской дипломатии, сербское правительство пошло на уступки требованиям Австро-Венгрии и отказалось от своих притязаний на порт в Адриатическом море.

**Вопрос
о проливах
снова в центре
внимания царской
дипломатии.**

В начале декабря 1912 г. в международной обстановке наступило кратковременное затишье. 20 ноября (3 декабря) 1912 г. Болгария, Сербия и Черногория заключили перемирие с Турцией. Одна лишь Греция продолжала воевать. В первых числах декабря в Лондоне

почти одновременно приступили к работе две конференции: представителей воюющих сторон и послов великих держав. Эти конференции должны были при взаимном согласии разрешить вопросы мирного урегулирования на Балканах.

Но вскоре переговоры между Турцией и балканскими союзниками были прерваны из-за отказа турецкой делегации согласиться на передачу Болгарии Адрианополя. Возобновления военных действий стали ожидать со дня на день.

Царское правительство опасалось, что в случае возобновления военных действий болгары вновь попытаются овладеть Константинополем. Однако царской дипломатии не удалось предотвратить возобновления военных действий. 21 января (3 февраля) 1913 г. войска союзников вновь открыли огонь и перешли в наступление. 13 (26) марта болгары овладели Адрианополем. По этому поводу «Правда» 17 (30) марта 1913 г. писала: «Падение Адрианополя, решительный натиск на Чаталджинские укрепления приближают еще на шаг войска союзников к Константинополю. Опять перед Европой встает вопрос о проливах, опять туда обращено внимание дипломатии всего мира, стремящейся не упустить из своих рук лакомых кусочков».

Угроза, вновь нависшая над проливами, побудила правящие круги царской России энергично вмешаться в ход событий. Сазонов 15 (28) марта 1913 г., с одобрения Николая II и с ведома морского министра Григоровича, телеграфировал послу в Константинополе Гирсу о возобновлении его полномочий на вызов Черноморского флота⁴⁴. Вместе с тем он обратился к болгарскому правительству с самым настоятельным требованием не предпринимать штурма Чаталджи. В порядке компенсации он обещал поддержать требования Болгарии о военной контрибуции и гарантировать соблюдение сербско-болгарского договора 1912 г. о разграничении.

Болгарское правительство решило принять требование России, и вскоре между Турцией и Болгарией была достигнута договоренность о прекращении военных действий⁴⁵

**Вторая Балканская
война и позиция
России.**

29 марта (11 апреля) 1913 г. В. И. Ленин в газете «Правда» писал: «Балканская война подходит к концу. Взятие Адрианополя означает решительную победу болгар, и центр тяжести вопроса перенесен окончательно с театра военных действий на театр грызни и интриг как наз. великих держав» *.

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 19.

Победы, одержанные балканскими союзниками, отнюдь не способствовали укреплению их единства. Когда пришло время делить захваченную добычу, недавние союзники превратились в злейших врагов.

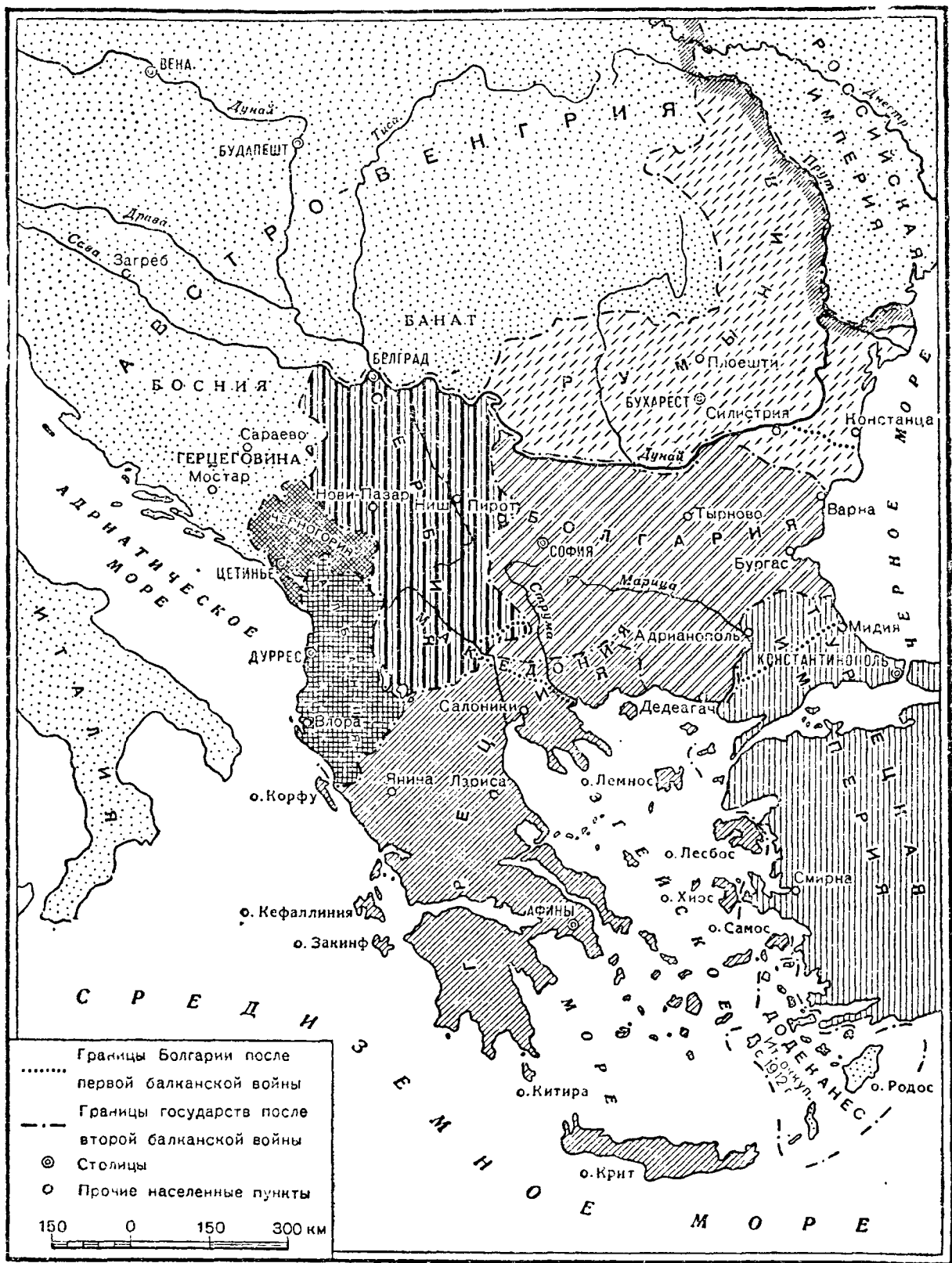
Отказавшись, вследствие противодействия Австро-Венгрии, от выхода к морю, Сербия требовала компенсировать ее в Македонии за счет тех территорий, которые предварительно по сербо-болгарскому договору были намечены для Болгарии. Ожесточенная борьба из-за Салоник и ряда других территорий вспыхнула между Болгарией и Грецией. К тому же за свой нейтралитет Румыния потребовала от Болгарии передачи ей Южной Добруджи.

Вмешательство великих держав в дела балканских государств еще более обостряло их отношения. Австро-Венгрия принимала все меры для того, чтобы разрушить Балканский союз. В этих условиях мир на Балканах, заключенный между Турцией и балканскими союзниками 17 (30) мая 1913 г., не мог быть долговечным.

Ровно через месяц после подписания мирного договора, в ночь с 16 (29) на 17 (30) июня, Болгария начала военные действия против Сербии и Греции. Сосредоточив главные силы на границе с Сербией, болгарское командование сделало попытку стремительным ударом разгромить сербскую армию. Однако уже к концу первого дня войны болгары оказались вынужденными перейти в оборону. На греческой границе они также потерпели неудачу. Только вмешательство Австро-Венгрии могло теперь спасти Болгарию от поражения. В Вене в правящих сферах рвались в бой, но в Берлине считали этот момент невыгодным для развязывания войны. Новые мероприятия, принятые в 1913 г. в целях усиления германской армии, были еще не завершены. Вследствие этого 22 июня (5 июля) кайзер предостерег правительство Австро-Венгрии от вмешательства в балканскую войну.

Убедившись, что Австро-Венгрия не выступит в защиту Болгарии, румынский король 27 июня (10 июля) дал приказ своим войскам перейти через болгарскую границу. 8 (21) июля военные действия против Болгарии открыла Турция, заняв Адрианополь. 16 (29) июля Болгария капитулировала.

Царская дипломатия решила использовать недовольство болгарских правящих кругов позицией Австро-Венгрии для того, чтобы заполучить на свою сторону «униженную и раскаивающуюся» Болгарию. С этой целью она сделала попытку не допустить захвата Андрианополя Турцией и выступила против передачи г. Коваллы Греции. Однако ни в том, ни в другом случае она не получила поддержки своих союзников. По мирному договору Болгарии с Грецией, Сербией, Черногорией и Румынией, подписанному 28 июля (10 августа) 1913 г. в Бухаресте, Болгария отказывалась от приобретенных ею в результате пер-

Страны Балканского п-ва после Балканских войн

вой Балканской войны Южной Македонии и части Фракии с портом Ковалла (в пользу Греции) и Завардарской Македонии (в пользу Сербии). Кроме того, она уступила Румынии Южную Добруджу. По Константинопольскому мирному договору между Болгарией и Турцией, заключенному 16 (29) сентября 1913 г.,

Адрианополь, вопреки противодействию царской дипломатии, перешел обратно к Турции.

Не добившись, в результате противодействия Франции и Англии, смягчения условий Бухарестского и Константинопольского договоров в пользу Болгарии, царская дипломатия не смогла помешать окончательному ее закреплению на стороне австро-германского блока. Это вызвало недовольство в правящих кругах царской России. «Самое злободневное, конечно, — вторая балканская война, разгром Болгарии, унижительный для нее мир в Бухаресте, неудачная попытка России обвинить Францию за то, что она не поддержала «нас», и добиться пересмотра условий мира, — писал В. И. Ленин 11 (24) августа на страницах «Северной Правды». — На этих обвинениях Франции, на этой попытке возобновить «активную» политику России на Балканах сошлись, как известно, «Новое время» и «Речь». А это значит, что сошлись крепостники-помещики и реакционно-националистические правящие круги, с одной стороны, и, с другой стороны, наиболее сознательные, наиболее организованные круги либеральной буржуазии, давно уже тяготеющей к империалистской политике»*.

**Итоги и уроки
балканских
событий.**

В целом на Балканах в результате Балканских войн сложилась гораздо более выгодная для России обстановка, чем это было раньше. Позиции Тройственного союза на Балканах оказались подорванными. Румыния перешла на сторону Антанты. Болгария после второй Балканской войны была ослаблена. В то же время главная опора влияния России на Балканах — Сербия вышла из Балканских войн окрепшей и значительно увеличившейся территориально. Раздел Новобазарского санджака между Черногорией и Сербией и соединение их границ создали трудно преодолимый барьер на пути австрийской экспансии на Балканах.

И тем не менее положение на Ближнем Востоке внушало серьезное беспокойство правящим кругам царской России. Попытки закрытия проливов Турцией в период итало-турецкой и Балканских войн выявили возросшее экономическое значение проливов для России. Ослабление Турции в результате этих войн облегчало возможность перехода проливов в какие-либо другие руки. В таких условиях окончательный переход Болгарии, ближе всего расположенной к проливам, на сторону австро-германского блока создавал явную угрозу интересам России на Ближнем Востоке.

С конца 1912 г. вопрос о проливах находится в центре внимания иностранного, военного и морского ведомств царской России. Результатом тщательного изучения и обсуждения этого вопроса был доклад Сазонова царю от 23 ноября (6 декабря) 1913 г.

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 269—270.

Указывая на то, что «сомнение в прочности и долговечности Турции» связано для России «с постановкой исторического вопроса о проливах», Сазонов в своем докладе подчеркивал недопустимость перехода проливов в руки какого-либо другого государства. «Проливы в руках сильного государства, — писал он, — это значит полное подчинение экономического развития всего Юга России этому государству... Если теперь осложнения Турции отражаются многомиллионными потерями для России, хотя нам удавалось добиваться сокращения времени закрытия проливов до сравнительно незначительных пределов, то что же будет, когда вместо Турции проливами будет обладать государство, способное оказывать сопротивление требованиям России».

По мнению Сазонова, вопрос о проливах в создавшихся условиях мог быть разрешен в пользу России лишь в том случае, если в ее руках окажется реальная сила для их захвата. Между тем, подчеркивалось в докладе, Россия такой силой не обладает. Всякий раз, «когда заходит речь о желательности той или иной крупной десантной операции, правительство останавливается почти перед невозможностью ее осуществить», — с горечью констатировал Сазонов. «В минувшем году, — продолжал он, — когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем постепенно перевезти два корпуса, причем приготовления по мобилизации транспортных судов и подвозку войск заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной. Иными словами, она просто оказывалась неосуществимой, не говоря о том, насколько не соответствовала самая численность такой десантной армии тем задачам, которые ей предстояло бы выполнять». В докладе ставился вопрос о необходимости «внимательной подготовки к выступлению, которое может потребоваться».

Но вместе с тем, как это видно из доклада Сазонова, руководители внешней политики России окончательно пришли к выводу о том, что «вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений»⁴⁶.

§ 5. ОБОСТРЕНИЕ РУССКО-ГЕРМАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Торговые
противоречия
между Россией
и Германией.

Русско-германские торговые противоречия, обострение которых относится к концу XIX века, в дальнейшем сыграли важную роль среди причин, обусловивших постепенное ухудшение отношений между Россией и Германией. В 1891—1893 гг. германским правящим кругам не удалось поставить Россию на колени. Они вынуждены были пойти на уступки, понизив пошлины на русские сельскохозяйственные

продукты. Со своей стороны царское правительство пошло навстречу требованиям германской буржуазии о снижении ставок на промышленные изделия, ввозимые из Германии в Россию. На основе взаимных уступок в 1894 г. был заключен русско-германский торговый договор. Однако уже летом 1896 г. прусские юнкеры под предлогом угрозы «русской чумы» добились от своего правительства осуществления новых мер, затруднивших ввоз сельскохозяйственных продуктов из России.

Летом 1904 г., воспользовавшись тяжелым положением России, в связи с русско-турецкой войной Германия навязала ей новый договор, носивший откровенно неравноправный характер. Значительно повысив, по сравнению с декабрем 1894 г., пошлины на пшеницу и рожь, германские правящие круги новым договором с Россией обеспечили надежную защиту своего зернового хозяйства от конкуренции русского хлеба. «Великодушно» снизив пошлину на кормовой ячмень и резко подняв ставки на мясо и масло, они создали исключительно благоприятные условия для развития скотоводства в Германии. Снижением пошлин на необработанный и пиленный лес и одновременным повышением пошлин на изделия из леса Германия стимулировала вывоз из России леса, необходимого для ее деревообрабатывающей промышленности. Для того чтобы помешать России принять контрмеры, Германия добилась включения в договор пункта об отказе царского правительства от обложения русского леса вывозной пошлиной.

Повышение Россией пошлин на некоторые предметы германского ввоза ни в какой мере не компенсировало тех выгод, которые были ею предоставлены Германии. По ряду важнейших товаров, ввозившихся из Германии (железо, сталь, изделия из них, паровые котлы, сельскохозяйственные машины и т. п.), ставки русского таможенного тарифа остались на прежнем уровне. Повышены были пошлины лишь на станки, электротехнические товары, химические и фармацевтические препараты. Однако это повышение пошлин не дало нужного эффекта, вследствие применения германскими монополиями бросового экспорта в целях окончательного завоевания русского рынка.

За время, прошедшее с момента заключения договора 1904 г., в русско-германской торговле произошли существенные сдвиги. Этот договор способствовал изменению структуры русского хлебного экспорта. Ввоз ржи стал быстро падать. В то же время увеличивалась роль ячменя. Накануне первой мировой войны кормовой ячмень составлял 90% всего русского хлебного экспорта в Германии (по ценности).

Избавившись от русской конкуренции на внутреннем рынке, германские аграрии стали расширять посевы ржи. Добившись затем от правительства премирования экспорта ржи, они начали все шире вывозить ее на внешний рынок. Постепенно Германия превратилась из страны, импортирующей рожь, в экспортирующую

щую. В 1908 г. немцы вывезли ржи больше, чем привезли, на 14,5 млн. пудов, в следующем году это превышение составляло 23 млн. пудов, а в 1910 г. достигло 26,5 млн. пудов, Германия стала вытеснять Россию с ряда европейских рынков. За период с 1901—1905 гг. по 1912 г. вывоз ржи из России в Норвегию упал с 188,9 до 4 тыс. тонн, а вывоз ржи из Германии в Норвегию возрос с 33,4 до 114,3 тыс. тонн. Германия сделалась основным поставщиком хлеба для Швеции, вытеснив оттуда Россию.

Но и у себя дома, в пределах Российской империи, русский помещик перестал находиться в безопасности. И здесь германский экспортер начал теснить его. Он завладел, например, финским рынком. В 1911 г. по сравнению с 1903 г. вывоз в Финляндию ржи из России уменьшился до 29 тыс. тонн против 59 тыс. тонн, а вывоз из Германии за то же время увеличился до 43 тыс. тонн против 13 тыс. тонн. Угроза германской конкуренции нависла и над западными областями Российской империи. В результате роли переменялись. Если в 80-х годах XIX в. прусские юнкеры огораживались таможенным барьером от конкуренции русского хлеба, то теперь российские помещики стали требовать введения пошлин на ввоз хлеба из Германии. Весной 1914 г на обсуждение Государственной думы был поставлен законопроект о введении пошлин на зерно и муку, импортируемые в Россию.

С развитием промышленности в России обострились также противоречия, связанные с ввозом из Германии промышленных изделий.

Особая острота русско-германских торговых противоречий определилась той исключительной ролью, которую играла Германия в торговле России. За трехлетие 1911—1913 гг. доля Германии в русском ввозе составила 45%, а в вывозе — 46%⁴⁷.

**Разногласия
в правящих
кругах царской
России в связи
с подготовкой
нового торгового
договора
с Германией.**

Русско-германский договор 1904 г. вызывал широкое недовольство как в кругах русской торгово-промышленной буржуазии, так и среди помещиков. Поэтому в дружном хоре, требующем пересмотра этого договора, объединились газеты, представлявшие интересы всех правящих классов и партий России, за исключением лишь крайне правого крыла помещиков, продолжавшего ратовать за союз с Германией. «Россия достаточно уже испытала немецкую «доброту» и знает по опыту, какое можно придавать ей значение. В настоящее время Россия ничем не связана, имеет полную свободу действий, — и это дает ей возможность освободить хозяйственную деятельность от немецкого влияния. Достаточно мы поработали на Германию: пора позаботиться и о собственных национальных интересах», — писали накануне войны черносотенные «Московские ведомости»⁴⁸.

С требованием пересмотра русско-германского договора выступил и журнал «Промышленность и торговля» — орган российских Кит Китьчей, магнатов промышленности и банковских дельцов. А прабокадетские «Русские ведомости», настаивая на немедленном пересмотре русско-германского торгового договора, призывали даже не останавливаться перед возможностью таможенной войны с Германией⁴⁹.

Хотя и промышленники и экспортеры сельскохозяйственных продуктов единодушно требовали пересмотра русско-германского договора 1904 г., они придерживались совершенно противоположных взглядов относительно того, в каком направлении должен идти этот пересмотр. Первые требовали повышения пошлин на германские промышленные товары, ввозимые в Россию, даже если в связи с этим Германия повысит пошлины на русские сельскохозяйственные продукты. Вторые, наоборот, настаивали на необходимости добиться от Германии снижения пошлин на вывозимые из России сельскохозяйственные продукты, считая возможным пойти ради этого на снижение пошлин на германские промышленные изделия.

Лишь по одному вопросу между ними не было разногласий. И те и другие полагали, что расширение торговли с Англией облегчило бы России достижение более выгодного соглашения с Германией. В январе 1912 г. газета «Русские ведомости», выражая интересы обуржуазившихся помещиков, производивших хлеб на экспорт, выступила с призывом к торговому сближению с Англией. «Чем ближе и лучше будут отношения с Англией... — писали «Русские ведомости», — тем спокойнее мы можем требовать от Германии хотя бы сносных условий для ввоза нашего зерна». Этот призыв подхватил журнал «Промышленность и торговля». Выступив в мае 1912 г. с передовой статьей, озаглавленной «Русско-германский договор и наши торговые сношения с Англией», он предложил поставить торговые отношения между Россией и Англией «во главу угла при обсуждении вопроса о торговом договоре с Германией»⁵⁰.

Так, по мере обострения русско-германских торговых противоречий, расширялся круг сторонников сближения с Англией.

Русско-германские империалистические противоречия на Ближнем Востоке.

Еще более важное значение для определения позиции России перед лицом назревшего военного столкновения между Англией и Германией имели русско-германские противоречия на Ближнем Востоке. Ослабление Османской империи в результате итало-турецкой и первой Балканской войны побудили империалистические круги Германии принять энергичные меры для усиления своего влияния на Турцию, вплоть до установления над ней германского протектората. Раскрывая смысл политики Германии на Ближнем Востоке, газета «Речь» 10 (23) декабря 1913 г. писала: «Пока она верила в прочность Турции, в возможность бесконечно тя-

нуть процесс ее разложения, она поддерживала Турцию, но исподволь и издали. Теперь, когда темп процесса, видимо ускорился, Германия на всякий случай хочет быть сама здесь на месте».

Летом 1913 г. вся полнота военной власти в Турции — портфель военного министра и пост начальника генерального штаба — оказалась сосредоточена в руках у одного из наиболее активных сторонников прогерманской ориентации — генерала Энвер-паши. «Турецким военным министром назначен известный Энвер-паша, бывший военный агент при турецком посольстве в Берлине, — комментировала это назначение «Речь», — он всегда поддерживал тесные отношения с германскими кругами. Не мудрено поэтому, что он оказался наиболее подходящим кандидатом на пост военного министра в тот момент, когда Германия торжествует в Константинополе победу по всему фронту»⁵¹.

Опираясь на Энвер-пашу, германские правящие круги выдвинули план полной реорганизации турецкой армии. Предполагалось, что эту реорганизацию возглавит германский генеральный штаб, перевооружение турецкой армии возьмут на себя германские военные заводы, во главе с Круппом, а финансировать все дело будут германские банки под залог новых концессий в Турции. Осуществление этого плана должно было привести к окончательному закабалению Турции Германией. Но с этим не могли примириться правящие круги царской России. Активизация германского проникновения в Турцию в 1913 г. вызвала резкое обострение русско-германских противоречий на Ближнем Востоке. Если раньше интересы России и Германии сталкивались в этом районе лишь постольку, поскольку Германия выступала в качестве защитницы Австро-Венгрии, то теперь они пришли в непосредственное соприкосновение. Одним из проявлений обострения русско-германских противоречий на Ближнем Востоке явился конфликт, связанный с миссией Лимана фон Сандерса.

Конфликт в связи с миссией германского генерала Лимана фон Сандерса в Константинополь.

В конце октября в Петербурге стало известно о том, что в Константинополе ожидается приезд германской военной миссии во главе с генерал-лейтенантом Лиманом фон Сандерсом. Члены этой миссии должны были выступать не только в качестве советников, но и занимать командные должности в турецкой армии.

В частности, предполагалось назначение генерала Лимана фон Сандерса на пост командующего первым корпусом турецкой армии, районом дислокации которого был Константинополь и берега проливов.

Эти известия вызвали чрезвычайное волнение среди руководителей внешней политики России. «Сама по себе немецкая военная миссия в пограничной с нами стране, — телеграфировал Сазонов русскому послу в Берлине Свербееву, — не может не вызвать в русском общественном мнении сильное раздражение и будет, конечно, истолкована как акт, явно недружелюбный

по отношению к нам. В особенности же подчинение турецких войск в Константинополе германскому генералу должно возбудить в нас сильные опасения и подозрения»⁵².

Царское правительство сделало попытку договориться с Германией. С этой целью, по указанию Николая II, Коковцов проездом из Парижа, где он вел переговоры о займе, остановился на несколько дней в Берлине и имел там беседы с Вильгельмом II и с канцлером Бетман-Гольвегом. В своих беседах с ним Коковцов убеждал их или «отказаться вовсе от командования турецкими войсковыми частями, заменив это командование инспекцией», или перевести корпус под командование немецкого генерала из Константинополя в какой-либо другой пункт, «но, конечно, не на нашей границе и не в сфере особых интересов Франции». Последнюю оговорку Коковцов выдвинул по требованию французского посла в Берлине.

Из своих бесед с Вильгельмом II и Бетман-Гольвегом Коковцов вынес «неудовлетворительное впечатление». «Объяснения мои в Берлине... — докладывал он царю, — дают повод думать, что германское правительство не легко уступит, если оно вообще уступит, избранную им позицию»⁵³. Тем не менее Свербеев продолжал вести переговоры с германским правительством, надеясь «если не изменить в корне уже принятого решения, то по крайней мере видоизменить его применение на практике»⁵⁴.

Однако нормальному ходу этих переговоров помешали действия французской дипломатии, явно направленные на то, чтобы до предела обострить русско-германские отношения и тем самым сделать невозможным достижение компромиссного решения вопроса. В газете «Тан», являвшейся официозом французского министерства иностранных дел, была опубликована статья ее берлинского корреспондента, в которой самым подробным образом освещались переговоры Коковцова с Вильгельмом II и Бетман-Гольвегом. Воспользовавшись разглашением подробностей переговоров, Бетман-Гольвег заявил русскому послу, что теперь германское правительство не может идти ни на какие уступки, так как всякая уступка должна вызвать негодование общественного мнения.

Тогда Сазонов, обратившись к французскому и английскому правительствам, поставил вопрос «о совместном воздействии держав в Константинополе», с требованием соответствующих компенсаций со стороны Турции для других держав. Однако английское правительство, морской советник которого в Константинополе адмирал Лимпус являлся с 1912 г. фактически командующим турецким флотом, отрицательно отнеслось к предложению Сазонова. Грей согласился лишь на предъявление Турции совершенно бесцветной коллективной ноты, которая заведомо не могла оказать какого-либо воздействия на турецкое правительство. Такая нота была 30 ноября (13 декабря) 1913 г. вручена послами России, Франции и Англии в Константинополе

великому визирю Турции. Как и следовало ожидать, турецкое правительство ее отклонило.

Русская буржуазно-помещичья печать негодовала. «Для России получается положение хуже, нежели после проигранной войны, — писали «Русские ведомости». — Германский надзор над Дарданеллами затруднит пользование ими Россией даже в мирное время...» «Биржевые ведомости» квалифицировали посылку германской военной миссии в Турцию, как «завоевание в полном смысле слова военное и экономическое». «Речь» требовала от царской дипломатии более решительного воздействия на Турцию. «Вместе твердо выраженных требований, — писала она, — мы слышим от наших дипломатов жалобу: «Нас обижают»⁵⁵.

**Франция снова
провоцирует
Россию на войну.**

Парижская печать продолжала широкую кампанию, явно направленную на то, чтобы спровоцировать конфликт между Россией и Германией. Активную роль в этой кампании играл главный редактор газеты «Тан» Тардье, находившийся в весьма близких отношениях с руководителями французского министерства иностранных дел. Сазонов был вынужден в специальной телеграмме обратить внимание Извольского на то, что статьи Тардье, «неправильно освещая занятое нами положение в вопросе о германской военной миссии в Константинополе, создают нам затруднения как в переговорах наших с Берлином, так и в отношении нашей печати»⁵⁶.

В то же время французская дипломатия усиленно подталкивала Россию на решительные действия против Германии. 5 (18) декабря 1913 г. русский посол в Париже Извольский телеграфировал в Петербург о том, что новый премьер-министр и министр иностранных дел Думерг заявил ему «о своей полной солидарности» с Россией и о готовности Франции оказать ей «энергичную поддержку»⁵⁷.

Надеясь на поддержку французского правительства, царская дипломатия предложила произвести совместно с Англией коллективный демарш в Берлине. В своем ответе французское правительство, заявляя о том, что оно «твердо решило присоединиться ко всем выступлениям, предпринятым императорским правительством по вопросу о миссии генерала Сандерса в Константинополе», вместе с тем выражало желание знать, «какие решения Россия считала бы необходимым предложить Франции и Англии в случае, если бы их согласованная деятельность в Берлине и Константинополе не привела к примиряющему разрешению...»⁵⁸. То же самое заявил Извольскому в устной беседе и Пуанкаре, избранный к этому времени на пост президента Франции. «Выражая... спокойную решимость не уклониться от обязанностей, налагаемых на Францию союзом, гг. Пуанкаре и Думерг вместе с тем особо настаивают на необходимости заранее обсудить все могущие возникнуть случайности и меры, которые мы сочтем

нужным предложить в случае неуспеха дипломатических выступлений в Берлине и Константинополе», — сообщал в своей беседе с французскими государственными деятелями Извольский⁵⁹. Таким образом, прежде чем дать окончательный ответ о поддержке России по вопросу о проливах, руководители внешней политики Франции хотели знать, решится ли Россия на войну с Германией.

Под воздействием французской дипломатии министр иностранных дел России Сазонов 23 декабря 1913 г. (5 января 1914 г.) обратился к царю с докладной запиской, для обсуждения которой он просил созвать особое совещание. «Если Россия, Франция и Англия, — писал Сазонов в своей записке, — решатся повторить совместное представление в Константинополь о недопустимости командования иностранным генералом корпусом в Константинополе, то они должны быть готовы к подкреплению своего требования соответственными мерами понуждения». Отмечая, что «на почве давления на Порту не исключена возможность активного выступления Германии на ее защиту», Сазонов продолжал: «С другой стороны, если в столь существенном вопросе, как командование германским генералом корпусом в Константинополе, Россия примирится с создавшимся фактом, наша уступчивость будет равносильна крупному политическому поражению и может иметь самые губительные последствия». В частности, особенно подчеркивал Сазонов, «во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира». В этом случае Англия могла бы склониться к соглашению «за наш счет» с Германией, и тогда, указывал Сазонов, Россия «осталась бы фактически в полном одиночестве, ибо едва ли нам пришлось бы особенно рассчитывать и на Францию, которая и без того склонна жертвовать общими политическими интересами в пользу выгодных финансовых сделок». «Все вышеприведенные соображения, — писал в заключение Сазонов, — побуждают меня всеподданнейше доложить... что если наши военное и морское ведомства со своей стороны признают возможным идти на риск серьезных осложнений, при условии, конечно, соответствующей решимости Франции поддержать нас всеми силами, и Англии — оказать существенное содействие, то нам следует теперь же вступить с обеими державами в весьма доверительный обмен мнений по сему вопросу»⁶⁰.

31 декабря 1913 г. (13 января 1914 г.) под председательством Коковцова собралось особое совещание, в котором приняли участие Сазонов, Сухомлинов, Григорович и Жилинский. Однако меры, предлагавшиеся Сазоновым, не получили поддержки большинства членов совещания. Коковцов, «считая в настоящее время войну величайшим бедствием для России», высказался в смысле крайней нежелательности вовлечения России в европейское столкновение. Сухомлинов и Жилинский, заявив «о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о

столкновении один на один с Австрией», вместе с тем выразили мнение о том, что «такое единоборство едва ли вероятно, а дело придется иметь со всем Тройственным союзом». Сазонов вынужден был признать, что «является невыясненным, насколько энергично готова была действовать Англия». В результате мнение Кокковцова одержало верх. Было решено «продолжать настояния в Берлине» и вести переговоры «до выяснения их полной неуспешности». К «способам давления, могущим повлечь войну с Германией», по решению особого совещания, можно было бы прибегнуть лишь в случае «активного участия как Франции, так и Англии в совместных с Россией действиях»⁶¹.

«Уступка»
Германии.

Со своей стороны внешнеполитические руководители Германии сочли целесообразным пойти на небольшую уступку России. 1 (14) января 1914 г. Лиман фон Сандерс был произведен германским правительством в полные генералы. Это делало необходимым соответствующее повышение его в турецком военном звании и должности. 3 (16) января турецкое правительство произвело генерала Лимана фон Сандерса в турецкие маршалы и назначило его генерал-инспектором Оттоманской армии. Таким образом, он оказался освобожден от командования первым корпусом.

Разумеется, такая уступка была чисто формальной. Царская дипломатия отдавала себе отчет в этом. Отмечая формальный характер уступки германского правительства, русский посол в Берлине Свербеев подчеркивал, что, «чем бы ни был генерал Сандерс и как бы он ни назывался, он, очевидно, сумеет сосредоточить в своих руках военную власть и явится фактически начальником оттоманских войск».

«Уступка» Германии вызвала взрыв возмущения в русской буржуазно-помещичьей печати. Газеты призывали царское правительство не довольствоваться ею. «Русская дипломатия до сих пор не удосужилась даже уяснить себе характер полномочий генерала Лимана на его новой должности, — писала «Речь» 5 (18) января 1914 г. — Дипломатия обещает признать инцидент исчерпанным в том случае, когда получит уверенность, что «командных» прав генерал Лиман по должности генерал-инспектора иметь не будет... Между тем истинное положение вещей на Босфоре представляется в следующем виде: фельдмаршал турецкой службы генерал Лиман состоит одновременно членом высшего военного совета и генерал-инспектором армии и военных учебных заведений. «Командных» прав он не имеет. Генерал Бронзарт фон Шеллендорф состоит старшим помощником начальника генерального штаба. «Командных» прав у него, конечно, нет. «Командные» права над первым корпусом вручены турку Али-паше. Но и ему придан в качестве *alter ego* какой-то немецкий полковник. Нетрудно видеть, куда может привести эта остроумная система и какая может получиться грандиозная ми-

стификация на берегах Босфора на почве различия «командных» и «некомандных» прав германских офицеров. Если мы вместе с лениво плетущимися за нами Францией и Англией попадемся на удочку константинопольских политиков и берлинских газетных инспираторов, то вскоре вся турецкая армия окажется реорганизованной по этому способу. Командовать ею будут турецкие фигуранты, но при каждом из них будет стоять немецкий «дядька» без «командных» прав. И нас даже заставят считать принятие этой системы «уступкой» со стороны Германии. Времени мало и надо спешить, чтобы не очутиться на этот раз в роли тех комических персонажей, которые всегда приходят слишком поздно».

Но царское правительство, не решаясь идти на риск войны, в конечном счете удовлетворилось «уступкой» Германии.

**Обсуждение
мероприятий
по подготовке
захвата проливов.**

Успехи германского проникновения в Турцию побудили руководителей внешней политики царской России со всей серьезностью изучить возможность захвата проливов. Такова была цель особого совещания, состоявшегося 8(21) февраля 1914 г. На этом совещании речь шла уже не о символической морской демонстрации у берегов Константинополя, а о высадке в районе проливов десанта, способного их захватить.

Открывая совещание, Сазонов высказал «твердое убеждение», «что если в силу событий проливы должны будут уйти из-под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на берегах их какой-либо иной державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими, дабы затем в той или иной форме установить соответствующий ее интересам порядок вещей на Босфоре и Дарданеллах». Никто не возражал министру иностранных дел. Однако когда, по его предложению, совещание приступило к обсуждению того, «что уже сделано и что может и должно еще быть сделано» для подготовки захвата проливов, выяснилось, что у России не имеется никакой реальной возможности в ближайшем будущем осуществить эту операцию.

Прежде всего оказалось, что русский генеральный штаб может выделить для высадки десанта в районе проливов не более двух корпусов (к которым предполагалось прибавить еще два корпуса «для закрепления операции»), в то время как Турция располагала под Константинополем семью корпусами. Причем согласно пояснению начальника генерального штаба генерала Жилинского, корпуса, предназначенные для десантной операции, могли быть «двинуты на Константинополь лишь при отсутствии борьбы на западном фронте или благоприятном на нем положении вещей», так как «по плану, составленному на случай борьбы на западном фронте», эти корпуса должны были «войти в состав действующих на нем армий». Между тем сам Жилинский в своем выступлении на совещании признал, «что борьба за Константинополь вряд ли возможна без общеевропейской войны».

В результате возникал замкнутый круг: царская Россия не имела сил захватить проливы в условиях общеевропейской войны, но сделать это без общеевропейской войны было невозможно.

Далее на совещании выяснилось, что царская Россия не обладает достаточным числом десантных средств для того, чтобы в короткий срок осуществить высадку десанта в районе проливов. Представители морского ведомства сообщали на совещании, что «для приготовления транспортов к посадке первого эшелона десантной армии» потребуется не менее 10—12 дней, в результате чего со дня мобилизации до высадки должно будет пройти не менее двух недель. К тому же число войск, которое могло быть перевезено за один рейс, ограничивалось лишь одной дивизией боевого состава, что было совершенно недостаточно.

Наконец, высадка десанта в районе проливов могла не состояться вследствие слабости русского Черноморского флота. Превосходство русских военно-морских сил в Черном море должно было сохраниться лишь до осени 1914 г., когда ожидалось вхождение в состав турецкого флота двух дредноутов (один из которых строился в Англии, а другой был куплен в Бразилии). «Пока турецкий флот будет господствовать в Черном море, — говорилось в журнале особого совещания, — нельзя будет приступить к десантной операции, не устранив предварительно господства оттоманских морских сил, а так как уничтожение их может оказаться неосуществимым для более слабого в это время русского Черноморского флота, то и самая возможность десантной операции отпадает, пока наши морские силы не приобретут перевеса».

Мероприятия, намеченные на совещании с целью подготовки десантной операции (в частности, усиление Черноморского флота «бригадой наиболее современных и мощных дредноутов», увеличение транспортных средств на Черном море и др.), не могли быть выполнены в короткий срок. Разработанный в соответствии с решением особого совещания морским ведомством и внесенный в марте 1914 г. в Государственную думу законопроект «Об отпуске средств на спешное усиление Черноморского флота» был рассчитан на период с 1914 по 1917 г. Это означало, что возможность захвата проливов откладывалась на довольно продолжительное время.

Не случайно в правящих кругах царской России стала утверждаться мысль о том, что «успешная борьба на западной границе решит благоприятно и вопрос о проливах». Эту мысль высказал на совещании 8 (21) февраля начальник генерального штаба Жилинский. С ее обоснованием выступил генерал-квартирмейстер генерального штаба генерал-лейтенант Данилов. «Мы должны стремиться к обеспечению успеха на главном театре войны, — говорил он, — с победой на этом театре к нам придут благоприятные решения и всех частных вопросов». Правда, точка зрения,

высказанная Даниловым, встретила возражения. Начальник оперативного отдела морского генерального штаба капитан 2-го ранга Немитц, последние годы специально занимавшийся проблемой проливов, указал на то, что тезис Данилова о необходимости сосредоточения сил против главного противника был бы правилен, если бы на пути к проливам и Константинополю» Россия имела «того же главного противника, как и на западном фронте, т. е. германо-австрийские силы». «Но в действительности, — заявил Немитц, — положение представляется, по мнению морского генерального штаба, в ином виде. На пути к проливам мы имеем серьезных противников в лице не только Германии или Австрии. Как бы ни были успешны наши действия на западном фронте, они не дадут нам проливов и Константинополя». По мнению Немитца, необходимо «одновременно с операциями на западном фронте занять военную силу Константинополь и проливы», ибо только в этом случае «Европа согласится» на разрешение вопроса о проливах согласно требованиям России.

Однако предложение Немитца о формировании трех новых корпусов, специально предназначенных для константинопольской операции, не получило поддержки на совещании ⁶².

§ 6. РОССИЯ И ЕЕ СОЮЗНИКИ

**Приезд Пуанкаре
в Россию
летом 1912 г.**

Переход правящих кругов Франции и Англии к активной подготовке войны обусловил их стремление к укреплению союза с Россией. В первые же дни после прихода к власти Пуанкаре принял решение о поездке в Петербург. Необходимость этой поездки, по свидетельству самого Пуанкаре, была вызвана тем, что «узлы, связывающие обе страны, несколько ослабели» ⁶³. 7(20) марта 1912 г. французский посол в Петербурге официально уведомил Сазонова о желании Пуанкаре приехать в Россию. Первоначально было решено, что французский премьер-министр посетит Петербург во второй половине августа, но в дальнейшем Пуанкаре постарался ускорить свой визит. В ответ на настойчивые представления французского правительства Николай II назначил Пуанкаре аудиенцию на 28 июля (10 августа) 1912 г. Днем 27 июля (9 августа) французский крейсер «Конде», на борту которого находился Пуанкаре, бросил якорь на рейде Кронштадта. За время своего пребывания в России с 27 июля (9 августа) до 3(16) августа Пуанкаре, кроме аудиенции у Николая II, имел также неоднократные беседы с председателем Совета министров Коковцовым, министром иностранных дел Сазоновым, военным министром Сухомлиновым и другими государственными деятелями царской России. Особое внимание во всех этих беседах Пуанкаре уделял вопросам, связанным с подготовкой к войне. Под строжайшим секретом он поведал Сазонову о

том, что между Францией и Англией достигнуто устное соглашение, «в силу которого Англия выразила готовность оказать Франции, в случае нападения со стороны Германии, помощь как морскими, так и сухопутными силами». Вместе с тем французский президент проявил большой интерес к тому, как Россия готовится к войне. В частности, его очень интересовал вопрос о сооружении стратегических железных дорог в западных губерниях Российской империи. Эту тему он затронул даже во время довольно кратковременной аудиенции у Николая II⁶⁴.

**Совещания
начальников
генеральных
штабов России
и Франции
в 1912—1913 гг.**

Важную роль в укреплении военно-политического блока Франции и России сыграли совещания начальников генеральных штабов России и Франции в 1912—1913 гг. За время существования франко-русского союза французским представителям на совещаниях начальников генеральных штабов Франции и России удалось добиться внесения во франко-русскую военную конвенцию таких изменений, которые полностью сковали оперативную самостоятельность военного руководства России, подчинили его планы стратегическим замыслам французского генерального штаба и поставили действия русской армии в зависимость от успехов или поражений на Западном фронте.

Ради отвлечения максимального количества германских войск от Западного фронта на Восточный правящие круги Франции требовали от России любых жертв. Важнейшей из этих жертв было обязательство русского генерального штаба начать наступательные действия против Германии, тотчас же после 15-го дня мобилизации, данное на совещании 1912 г. и подтвержденное в следующем году. По плану стратегического развертывания, введенному в действие 1 мая 1912 г., полное сосредоточение всех русских армий могло быть достигнуто лишь к 40-му дню мобилизации. На 15-й день предполагалось сосредоточить на театре военных действий лишь около 50% пехоты и кавалерии, причем ни одна из действующих армий не была бы окончательно укомплектована. Таким образом, к обещанному сроку русские силы заведомо не могли быть развернуты, и всякое наступление в этих условиях было заранее обречено на провал.

Во время пребывания начальника французского генерального штаба генерала Жоффра в Петербурге летом 1913 г. он в переговорах с Жилинским самым настоятельным образом требовал также расширения контингента русской армии и увеличения ассигнований, запрашиваемых генеральным штабом у Думы. В значительной мере под влиянием требований правящих кругов Франции царское правительство накануне войны, в апреле 1914 г., утвердило так называемую «Большую программу по усилению армии». Согласно этой программе вооруженные силы России должны были увеличиться в мирное время на 480 тыс. человек, т. е. почти на 39%. Характерная особенность новой военной програм-

мы заключалась в перенесении центра тяжести увеличения армий с формирования новых частей на увеличение штатов полевых войск в мирное время. Эта особенность была навеяна требованиями французских правящих кругов, боявшихся, что медленная мобилизация русской армии помешает ей в нужный момент прийти на выручку Франции⁶⁵.

Отношения
царской России
с Англией.

С конца 1911 г. правящие круги Англии также стали проявлять стремление к установлению более тесных отношений с Россией. Еще в ноябре 1911 г., когда в Париж приехал после лечения в Швейцарии Сазонов, английский министр иностранных дел Грей пригласил его посетить Лондон. Нельзя сказать, чтобы время для такого приглашения было избрано очень удачно. Царская дипломатия только что испытала большие неприятности в связи с демаршем Чарыкова, и в этом была немалая доля вины Англии. К тому же Сазонов был длительное время оторван от дел. Так или иначе, но он, сославшись на необходимость срочного возвращения в Петербург, отклонил предложение Грея.

Летом 1912 г. английская дипломатия вновь повторила свое предложение. На этот раз оно было сделано от имени короля Англии Георга V, приглашавшего Сазонова посетить его поместье Бальмораль в Шотландии.

Поездка Сазонова в Великобританию состоялась в сентябре 1912 г. Переговоры, которые он вел с руководителями внешней политики Англии, послужили важной вехой в истории англо-русских отношений. Разумеется, Сазонова больше всего интересовал вопрос о том, чего могла бы Россия «ждать от Англии в случае вооруженного столкновения с Германией». Ознакомив Грея с содержанием русско-французской морской конвенции, Сазонов спросил его, не сможет ли Англия в случае войны оттянуть германские эскадры в Балтийском море от побережья России. «Грей, не колеблясь, заявил, — писал Сазонов в своем отчете царю, — что, если бы наступили предусматриваемые мной обстоятельства, Англия употребила бы все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому морскому могуществу». Однако ввиду того что нахождение флота в Балтийском море «было бы сопряжено со значительной опасностью», — продолжал английский министр иностранных дел, — «Англии, вероятно, придется ограничиться операциями в Северном море». Чтобы ослабить впечатление, которое мог вызвать у русского министра иностранных дел этот отказ, Грей рассказал Сазонову о существовании «между Францией и Великобританией уговора, в силу которого, в случае войны с Германией, Англия обязалась оказать Франции помощь не только на море, но и на суше путем высадки войск на материке».

Свидание в Бальморале было использовано министрами иностранных дел России и Англии для того, чтобы урегулировать

англо-русские противоречия на Востоке (в Персии, Афганистане, Китае).

Во время визита Сазонова в Бальмораль туда был приглашен лидер оппозиции Бонар Лоу, который в присутствии Грея подтвердил свое одобрение политики более тесного сближения с Россией и указал на то, что по этому вопросу «между консерваторами и либералами Англии нет никакого разногласия»⁶⁶. Тем самым английские правящие круги явно стремились создать у Сазонова уверенность в неизменности внешнеполитического курса Англии.

В сентябре 1912 г., вскоре после визита Сазонова в Бальмораль, в Россию прибыл начальник оперативного отдела английского генерального штаба генерал Вильсон. В Петербурге он имел встречу с начальником генерального штаба Жилинским, а затем в сопровождении английского военного атташе в Петербурге совершил поездку по западным губерниям России для ознакомления с театром будущей войны.

Но англо-русские отношения накануне первой мировой войны существенно отличались от отношений России и Франции. Правящие круги Англии не хотели связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к России. Они были уверены, что Франция никогда не осмелится пойти на войну с Германией, не будучи уверена в поддержке России. В условиях обострения англо-германских противоречий франко-русский союз, приобрел значение важнейшего инструмента, при помощи которого правящие круги Англии надеялись руками своих французских союзников втянуть Россию в войну с Германией. Подталкивая Францию к войне с Германией, английские империалисты предоставляли французским правящим кругам самим позаботиться о том, чтобы этот инструмент действовал безотказно^{66а}.

§ 7. ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС

**Правящие круги
Германии и
Австро-Венгрии
намерены
развязать войну.**

15 (28) июня 1914 г. в боснийском городке Сараеве членом сербской националистической организации был убит австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд, приехавший туда на маневры австро-венгерской армии. В предгрозовой атмосфере Европы середины 1914 г. выстрел в Сараеве прозвучал как первый признак надвигающейся бури. 34 дня, отделявших сараевское убийство от начала первой мировой войны, явились последним этапом в ее подготовке.

Воспользуется ли Австро-Венгрия сараевским убийством для нападения на Сербию? От решения этого вопроса зависел весь дальнейший ход событий.

«Ну, теперь мы сведем счеты с Сербией!» — воскликнул министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд, получив пер-

вое известие о том, что убийцей эрцгерцога оказался серб. Начальник генерального штаба Конрад фон Гетцендорф требовал немедленной мобилизации Австро-Венгрии против Сербии.

Австро-венгерские правящие круги надеялись благодаря разгрому Сербии укрепить пошатнувшееся положение Австро-Венгрии на Балканах и приостановить рост национально-освободительного движения в ее южнославянских областях, все более угрожавший существованию Двуетной империи. Но пойти на риск войны с Россией из-за Сербии, не обеспечив себе безусловную поддержку Германии, в Вене, разумеется, не могли. 21 июня (4 июля) 1914 г. австрийский император Франц-Иосиф обратился к Вильгельму II с письмом, в котором, указывая на то, что после сараевского убийства «уже нельзя надеяться на примирение противоречий» между Сербией и Австро-Венгрией, ставил вопрос об устранении Сербии с Балкан «как политического фактора».

Когда 22 июня (5 июля) австрийский посол в Берлине Сегени передал это письмо германскому императору, тот, ознакомившись с ним, сразу же заявил о том, что Австро-Венгрия может рассчитывать «на полную поддержку Германии». То же самое подтвердил на следующий день и Бетман-Гольвег. «...Рейсканцлер, равно как и его император, — телеграфировал 23 июня (6 июля) Сегени в Вену, — считает немедленное выступление с нашей стороны против Сербии самым радикальным и лучшим разрешением наших затруднений на Балканах. С международной точки зрения он находит нынешний момент более благоприятным, чем позднейший».

Германские правящие круги не хотели больше откладывать развязывание войны, так как опасались, что соотношение сил в дальнейшем может измениться не в их пользу. «...По существу Россия теперь еще не готова к войне... Спустя несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия будет готова к войне. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены», — пояснял мотивы германского правительства статс-секретарь по иностранным делам Ягов в письме к послу в Лондоне. К тому же правящие круги Германии пугало прогрессирующее разложение Австро-Венгрии. Отмечая в том же письме, что «Австрия, все более и более теряющая престиж из-за отсутствия силы к действию, вряд ли уже сейчас может считаться полноценной великой державой», Ягов писал: «... Сейчас она еще в состоянии действовать, спустя же несколько лет — быть может уже нет».

Не удивительно, что германские государственные деятели, как сообщал из Берлина австрийский посол Сегени, не только «самым решительным образом подбадривали», но даже «почти нажимали» на него, стремясь побудить правящие круги Австро-Венгрии «не упустить» создавшийся момент для того, чтобы «в высшей степени решительно выступить против Сербии».

Получив из Берлина заверения о поддержке, руководители внешней политики Австро-Венгрии энергично принялись за подготовку своего выступления против Сербии. Решено было предъявить сербскому правительству ультиматум, содержащий заведомо неприемлемые требования. «Если сербы примут все предъявленные им требования, — говорил Берхтольд германскому послу в Вене, — это будет ему (Берхтольду) весьма неприятно, и он все думает о том, какие требования можно было бы предъявить, чтобы сербы совершенно не могли их принять». В своем докладе императору от 1 (14) июля Берхтольд писал: «Выработанное сегодня содержание ноты, отправленной в Белград, таково, что следует рассчитывать на вероятный вооруженный конфликт».

Ультиматум требовал от сербского правительства торжественной декларации об осуждении всякой пропаганды, направленной против Австро-Венгрии. Среди остальных десяти требований были следующие: запрещение всех изданий, возбуждающих «ненависть и презрение» к Австро-Венгрии; роспуск антиавстрийских организаций; немедленное изъятие из школьного преподавания всего того, «что служит или могло служить к поддержанию пропаганды против Австро-Венгрии»; удаление по указанию Австро-Венгрии «всех офицеров и чиновников, виновных в пропаганде против Австро-Венгерской монархии»; разрешение деятельности в Сербии австрийской охраны и, в частности, допущение ее к расследованию корней сараевского убийства на сербской территории и др. Ультиматум представлял собой грубое вмешательство во внутреннюю жизнь Сербии. Его принятие превратило бы Сербию в зависимую от Австро-Венгрии страну. Кроме того, он был составлен в нарочито оскорбительном, провокационном тоне.

Окончательный текст ультиматума был утвержден на заседании Совета министров 6 (19) июля 1914 г. Все было готово к выступлению. Лишь одно обстоятельство его несколько задержало. 7 (20) июля 1914 г. в Петербург должен был прибыть французский президент Пуанкаре в сопровождении премьер-министра и министра иностранных дел Вивиани. Для того чтобы помешать внешнеполитическим руководителям России и Франции договориться между собой, решено было вручить ультиматум Сербии сразу же, как только Пуанкаре покинет Россию и будет находиться в пути ⁶⁷.

Позиция царской дипломатии в связи с убийством в Сараеве.

Сообщение об убийстве австрийского эрцгерцога было воспринято в высших сферах Петербурга с большим беспокойством. Здесь никто не сомневался в том, что если правящие круги Австро-Венгрии решатся воспользоваться убийством Франца-Фердинанда в качестве предлога для столкновения с Сербией, это может привести к чрезвычайно серьезным осложнениям.

В русском министерстве иностранных дел прекрасно понимали, что австро-сербский конфликт не сулит России ничего хорошего. В случае такого конфликта отказ царского правительства в поддержке Сербии подорвал бы престиж России на Балканах. С другой стороны, поддержать Сербию — значило пойти на риск столкновения не только с Австрией, но и с Германией, а столкновения с германо-австрийским блоком правящие круги царской России имели серьезные основания бояться.

Не все в Петербурге были уверены в поддержке союзников на случай, если бы Россия ввязалась в войну с Германией и Австрией. Русская дипломатия особенно опасалась, что война с германо-австрийским блоком может возникнуть из-за австро-сербских трений. Такой вариант возникновения войны был невыгоден для России, ибо, ставя под удар объединенных сил Германии и Австрии прежде всего Россию, он давал бы ее союзникам широкую возможность в самый последний момент или совсем уклониться от поддержки России, или ограничиться предоставлением какой-либо мало существенной помощи. В силу всех этих соображений русская дипломатия всегда стремилась смягчить австро-сербские трения. Так было в период Балканских войн. Такую же позицию заняла русская дипломатия и в 1914 г.

Министр иностранных дел России Сазонов решил прежде всего предостеречь австрийское правительство. 23 июня (6 июля) 1914 г. в разговоре с австрийским поверенным в делах в Петербурге Черниным он «дружески указал... на тревожное раздражение, которое рискуют вызвать в России нападки австрийской печати против Сербии». Когда Чернин намекнул на то, что «австро-венгерское правительство, возможно, будет вынуждено искать вдохновителей сараевского покушения на сербской территории», Сазонов резко его перебил: «Ни одна страна больше России, — сказал он, — не страдала от покушений, подготовленных на иностранной территории. Разве мы когда-либо претендовали использовать против какой-нибудь страны те методы, какими ваши газеты угрожают Сербии. Не вступайте на этот путь: он опасен»⁶⁸.

Вместе с тем необходимо было лишить Австрию повода для предъявления Сербии дополнительных претензий. С этой целью Сазонов на другой день после своего разговора с австрийским поверенным в делах отправил русскому посланнику в Белграде Гартвигу телеграмму, в которой говорилось: «Последние события в Австрии, вызвавшие столь резкое обострение анти-сербского настроения, побуждают нас советовать сербскому правительству с крайней осторожностью относиться к вопросам, способным еще более усилить его и создать опасное положение. Ввиду этого полагаем, что было бы желательно повременить с переговорами о сербско-черногорском сближении, которое уже обратило на себя внимание австро-венгерского и даже германского правительства»⁶⁹.

В то время как Сазонов предпринял попытку предотвратить австро-сербское столкновение, правящие круги Англии и Франции спокойно выжидали событий. Пользуясь тем, что конфликт между Австро-Венгрией и Сербией задевал прежде всего интересы России, они предоставляли царской дипломатии проявлять инициативу. Но Сазонов не имел никакого желания ввязываться в назревавший конфликт, не будучи уверен в активной поддержке своих союзников. Поскольку из Вены от русского посла шли сравнительно успокоительные известия, он до выяснения событий демонстративно уехал на несколько дней к себе в имение.

Когда 5 (18) июля Сазонов возвратился в Петербург, он был встречен на вокзале начальником канцелярии министерства иностранных дел Шиллингом, который рассказал ему о том, что по полученным в министерстве сведениям Австро-Венгрия намерена предпринять демарш в Белграде. Встревоженный Сазонов в тот же день имел беседы с германским, итальянским, австрийским и английским послами. Будучи уверен, что без поддержки Германии Австро-Венгрия не решится пойти на предъявление Сербии какого-либо ультиматума, Сазонов в беседе с германским послом Пурталесом дал понять, что подобный шаг со стороны Австро-Венгрии грозит весьма серьезными осложнениями. «Министр продолжал возбужденно, — докладывая Пурталесу в Берлин об этой беседе, — что Австро-Венгрии, если она абсолютно решилась возмутить мир, не следует ни в коем случае забывать, что в этом случае ей придется считаться со всей Европой. Россия не могла бы смотреть равнодушно на шаг в Белграде, имеющий целью уничтожение Сербии... Ни в коем случае не может быть речи об ультиматуме... Во время разговора министр неоднократно указывал на тот факт, что согласно полученной им информации положение считается очень серьезным также в Париже и Лондоне, и он явно пытался внушить мне впечатление, что позиция Австро-Венгрии весьма не одобряется даже в Англии...»

В таком же духе беседовал Сазонов и с итальянским послом. В разговоре с австрийским послом Сазонов заявил: «Россия не останется равнодушной к какой бы то ни было попытке унижить Сербию. Россия не может позволить Австрии говорить с Сербией угрожающим тоном или применить к ней военные меры. Короче говоря, политика России миролюбива, но не пассивна».

Наконец, в беседе с английским послом Бьюкененом Сазонов, отметив, что позиция Австрии внушает ему большое беспокойство, предложил обратиться к французскому правительству с просьбой выступить с предостережением в Вене. Подчеркнув далее, что «Россия не имеет никаких агрессивных намерений против кого бы то ни было и желает посвятить все свои усилия развитию своих внутренних ресурсов и строительству железных до-

рог, в которых она так нуждается», министр иностранных дел в ответ на вопрос английского посла заметил, что «что-либо вроде австрийского ультиматума в Белграде не могло бы оставить Россию равнодушной, и она была бы вынуждена принять некоторые предварительные меры военного характера»⁷⁰.

Выяснение позиции Франции Сазонов, по-видимому, решил отложить до личного свидания с Пуанкаре и Вивиани, которые находились уже на пути в Россию.

Второй визит
Пуанкаре
в Россию.
Франко-русское
«интимное
соглашение».

7(20) июля 1914 г. Пуанкаре вновь прибыл в русскую столицу. В течение трех дней он вел переговоры с государственными деятелями царской России.

Непосредственные участники этих переговоров ушли в могилу, так и не раскрыв их тайну. В частности, сам Пуанкаре упорно хранил молчание по поводу своих переговоров в Петербурге в июле 1914 г. «Я спрашивал Пуанкаре: «Но что же ты говорил русским?» Я никогда не мог заставить его сказать», — вспоминал один из сподвижников Пуанкаре Мильеран.

Тем не менее по ряду косвенных свидетельств мы можем догадываться о содержании переговоров, происходивших в тревожные июльские дни в Петербурге. Бывший французский посол в Петербурге (в 1909—1913 гг.) Жорж Луи рассказывает в своих записных книжках, что перед отъездом в Россию Пуанкаре в беседе с председателем палаты депутатов Дешанелем заявил: «Мне нужно будет немало потрудиться, чтобы убедить русских». «Он хотел сказать: убедить их, что нужно выступить», — пояснил Жоржу Луи Дешанель. «Таким образом, — делает заключение Жорж Луи, — он уехал в Петербург с намерением подтолкнуть русских на войну!»

Пуанкаре прибыл в Петербург в исключительно напряженное время. Вся Европа ожидала, какие шаги предпримет Австро-Венгрия в связи с убийством Франца-Фердинанда. В русском министерстве иностранных дел к этому времени уже знали о подготовке Австро-Венгрией ультиматума Сербии. Французская дипломатическая переписка, опубликованная после первой мировой войны, свидетельствует о том, что и Пуанкаре был прекрасно осведомлен о готовящемся ультиматуме. А на следующий день после прибытия французского президента в Петербург там были получены сообщения о том, что выступление Австро-Венгрии намерена поддержать и Германия. Поэтому вопрос об определении совместных действий России и Франции в связи с готовящимся выступлением Австро-Венгрии неизбежно должен был занимать центральное место в переговорах Пуанкаре с руководителями внешней политики России.

К этому следует добавить, что Пуанкаре прибыл в Петербург в самый разгар внутривосточного кризиса в России. Русская

столица была охвачена всеобщей политической забастовкой. 7(20) июля, в день приезда Пуанкаре, на улицах Петербурга произошли грандиозные демонстрации, в которых участвовало 130 тыс. человек. Французский президент, как указывал В. И. Ленин, «сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих»*. Можно предположить, что личное знакомство Пуанкаре с политическим положением в России лишнее раз убедило его в том, что начало войны откладывать нельзя, ибо в таком случае Россия в качестве союзника может быть потеряна для империалистических кругов Франции.

Уже в день прибытия Пуанкаре в Петербург, 7 (20) июля 1914 г., сразу же после того, как гости сошли на берег, даже до торжественного обеда, который должен был состояться по случаю приезда французского президента в Большом Петергофском дворце, Вивиани имел продолжительную беседу с Сазоновым по поводу австро-сербских трений. Собеседники, несомненно, отдавали себе отчет в том, чем грозили завершиться эти трения. Во всяком случае Сазонов в своих воспоминаниях отмечает, что «пребывание президента республики в С-Петербурге прошло... под гнетущим впечатлением неизбежной катастрофы».

В предвидении новой возможности развязать войну Пуанкаре стремился не допустить, чтобы царская Россия вновь уклонилась от столкновения с Австро-Венгрией и Германией. После разговора с австрийским послом на дипломатическом приеме, устроенном в честь президента Франции, он сказал французскому послу в Петербурге Палеологу: «Я вынес дурное впечатление из этого разговора... Австрия готовится неожиданное выступление. Необходимо, чтобы Сазонов был тверд и чтобы мы его поддержали».

Общие итоги переговоров, имевших место в Петербурге 7—10(20—23) июля 1914 г., отражены в так называемом «интимном соглашении», содержание которого сводилось к следующим трем пунктам:

«1) Полная общность взглядов на различные проблемы, которые забота о всеобщем мире и европейском равновесии ставит перед державами в Европе, и в частности на Востоке;

2) решение выступить в Вене с целью предупредить требование объяснений или какое-либо выступление, которое было бы равносильно вмешательству во внутренние дела Сербии и которое последняя могла бы справедливо рассматривать как посягательство на свой суверенитет и свою независимость;

3) торжественное подтверждение обязательств, которые союз налагает на обе стороны»⁷¹.

10(23) июля, в тот момент, когда Пуанкаре и сопровождав-

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 14.

шие его лица на броненосце «Франс» отплыли из Кронштадта, в Белграде был вручен австрийский ультиматум. Второй пункт «интимного соглашения» потерял свой смысл: с выступлением в Вене союзники явно запоздали. Но тем большее значение приобрели остальные пункты этого соглашения.

На пороге
войны.

Телеграмма из Белграда с сообщением об австрийском ультиматуме была получена в Петербурге рано утром 11 (24) июля 1914 г. Когда Сазонов, прибывший к 10 часам утра в министерство иностранных дел из Царского Села, ознакомился с ее содержанием, он воскликнул: «Это европейская война». Немедленно связавшись по телефону с царем, Сазонов сообщил ему о полученном известии.

В 11 часов в министерство явился австро-венгерский посол Сапари и вручил Сазонову копию ультиматума. «Я знаю, что это! Вы хотите объявить войну Сербии... Вы поджигаете Европу», — заявил ему министр иностранных дел.

Тем временем по поручению Сазонова директор канцелярии Шиллинг известил по телефону военного министра, морского министра, министра финансов и начальника морского генерального штаба. С начальником генерального штаба генералом Янушкевичем Сазонов переговорил сам, попросив его срочно приготовить доклад по вопросу о частичной мобилизации России против Австро-Венгрии⁷².

Затем Сазонов направился во французское посольство. Здесь в 12 часов 30 минут началось его совещание с французским и английским послами. Сазонов и Палеолог рассказали английскому послу Бьюкенену о франко-русском «интимном соглашении», достигнутом во время пребывания Пуанкаре в Петербурге. По сообщению Бьюкенена, Сазонов «выразил надежду, что правительство его величества объявит о своей солидарности с Францией и Россией».

По-видимому, у Сазонова была еще надежда избежать войны. Он считал, что, если Англия, Франция и Россия ясно и недвусмысленно заявят в Берлине о своей солидарности, это может отрезвить германские правящие круги, а без поддержки Германии Австро-Венгрия будет вынуждена отступить. Перспектива войны пугала его. По свидетельству Палеолога, когда он на совещании с Бьюкененом, не колеблясь, высказался «за политику твердости», Сазонов ему возразил: «Но если эта политика должна привести нас к войне...». Бьюкенен, сообщая в Лондон о заявлении французского посла, отмечал, что Сазонов «не был столь решителен». Во всяком случае, когда английский посол в упор спросил русского министра, предполагает ли Россия, в случае если Австро-Венгрия «не обратит внимания» на представления стран Антанты, «объявить ей войну», Сазонов уклонился от прямого ответа, заявив, что этот вопрос будет решен на Совете министров⁷³.

Заседание Совета министров состоялось в 3 часа дня. На нем были приняты следующие решения: 1) «Снести с кабинетами великих держав в целях побуждения австро-венгерского правительства и предоставления Сербии некоторой отсрочки в деле ответа на предъявленные австро-венгерским правительством ультимативные требования»; 2) «посоветовать сербскому правительству на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не может защищаться против возможного вооруженного наступления Австро-Венгрии, не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию, если таковое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав»; 3) уполномочить военного и морского министров «в зависимости от хода дел» получить согласие царя на мобилизацию четырех военных округов (Киевского, Одесского, Московского и Казанского) и Черноморского флота; 4) «незамедлительно ускорить пополнение запасов материальной части армии»; 5) принять меры к уменьшению государственных вкладов в Германии и Австро-Венгрии⁷⁴.

Хотя эти решения должны были войти в силу лишь после их утверждения царем, Сазонов сразу же дал соответствующие телеграммы в Белград и в столицы великих держав. Возвратившись в министерство иностранных дел, он принял в волнении ожидавшего его сербского посланника в Петербурге Спалайковича. Согласно поденной записи, которая велась в министерстве, Сазонов «преподал посланнику советы крайней умеренности в отношении ответа сербского правительства на австрийскую ноту». Вероятно, он в то же время заверил его в поддержке России в случае нападения Австро-Венгрии на Сербию. Во всяком случае, когда Спалайкович, выходя от министра, столкнулся в его приемной с Пурталесом, между ними произошла стычка, которая дает основание для такого предположения. Германский посол заявил, что конфликт между Австрией и Сербией «не касается никого другого». Спалайкович ответил Пурталесу, что «он заблуждается и что он скоро увидит, что это не только вопрос касающийся Австрии и Сербии, но европейский вопрос»⁷⁵.

Разговор между Пурталесом и Сазоновым носил резкий характер. «Австрия ищет предлога для того, чтобы проглотить Сербию. Но в таком случае Россия будет воевать с Австрией!» — воскликнул Сазонов в заключение этого разговора⁷⁶. Французский посол, приехавший в министерство для того, чтобы узнать о решениях Совета министров и результатах разговора Сазонова с германским послом, свидетельствует о том, что Пурталес вышел из кабинета министра «с красным лицом, со сверкающими глазами». Войдя в кабинет, Палеолог нашел, что «Сазонов весь еще дрожит от спора, который он только что выдержал»⁷⁷.

Утром 12 (25) июля царь утвердил решения Совета министров, принятые накануне. В этот день под председательством царя вновь состоялось заседание Совета министров. Решено было с 13 (26) июля ввести в действие «Положение о подготовительном к войне периоде». «Подготовительным к войне периодом, — говорилось в этом «Положении», — называется предшествующий открытию военных действий период дипломатических осложнений, в течение коего все ведомства должны принять необходимые меры для подготовки и обеспечения успеха мобилизации армии, флота и крепостей и сосредоточения армии к угрожаемой границе»⁷⁸.

Вечером 12(25) июля во французском посольстве состоялось второе по счету совещание Сазонова с Палеологом и Бьюкененом. Министр иностранных дел сообщил послам о последних решениях Совета министров. Палеолог вновь заверил его в безоговорочной поддержке Франции. Поблагодарив французского посла, Сазонов обратился к Бьюкенену: «А ваше правительство?» Но английский посол, как и на первом совещании, уклонился от ответа, пустившись в рассуждения о том, что «великое дело — выиграть время». Если Англия «твердо станет рядом с Францией и Россией, войны не будет», если же отступится от них — «прольются потоки крови», возразил ему Сазонов. Он настаивал на том, чтобы английское правительство раскрыло, наконец, свою позицию, считая, что решительное и категорическое заявление Грея о поддержке России и Франции предотвратит войну⁷⁹.

Неудовлетворенный разъяснениями Бьюкенена, Сазонов в тот же вечер направил в Лондон Бенкендорфу телеграмму, где, подчеркивая, что «при нынешнем обороте дел первостепенное значение приобретает то положение, которое займет Англия», выражал надежду на то, что «Англия не замедлит определенно стать на сторону России и Франции»⁸⁰.

Тем временем обстановка становилась все более напряженной. Вечером 12(25) июля было получено сообщение из Вены об отказе австро-венгерского правительства продлить срок своего ультиматума Сербии. А на следующий день утром из Белграда пришла телеграмма, извещающая о том, что, «несмотря на крайнюю примиримость сербского ответа на ультиматум», австрийский посланник, заявив о разрыве дипломатических отношений с Сербией, со всем составом миссии покинул Белград⁸¹.

Руководители внешней политики России панически боялись ввязаться в войну с Австро-Венгрией и Германией в одиночку. Больше всего им внушала тревогу позиция Англии. Но и во Франции у них не было уверенности. Сазонову не терпелось, чтобы заверения Палеолога получили наконец официальное подтверждение французского правительства. Однако Пуанкаре и Вивиани все еще находились где-то в море, и министру иностранных

дел России ничего не оставалось, как ждать. 13 (26) июля Сазонов предложил Австро-Венгрии начать непосредственные переговоры с Россией. 14 (27) июля он поддержал выдвинутое Греем накануне предложение о созыве конференции послов четырех держав (Германии, Италии, Англии и Франции), в случае если непосредственные переговоры между Австро-Венгрией и Россией не дали бы результата⁸². Но предложения Сазонова остались без ответа со стороны Австро-Венгрии.

Между тем вечером 14 (27) июля 1914 г. Палеологом была наконец получена с борта броненосца «Франс» телеграмма от Вивиани, предписывавшая сделать официальное заявление Сазонову о позиции Франции. На следующий день в соответствии с полученными инструкциями французский посол от имени своего правительства заявил русскому министру иностранных дел «о полной готовности Франции исполнить, если понадобится, свои союзнические обязательства»⁸³. Заявление Палеолога совпало с получением ободряющих известий из Лондона. «Тон речи Грея с сегодняшнего дня стал значительно более ясен, гораздо более тверд, чем до сих пор», — телеграфировал русский посол Бенкендорф 14(27) июля и делал вывод: «Во всяком случае уверенность Берлина и Вены в нейтралитете Англии не имеет более почвы»⁸⁴.

**Русская
мобилизация.**

15(28) июля Австро-Венгрия объявила Сербию войну. В Петербурге известие об этом было получено в тот же день вечером. Сазонов сейчас же сообщил начальнику генерального штаба, что настало время привести в действие решение Совета министров об объявлении частичной мобилизации. Затем он выехал в Петергоф для того, чтобы доложить царю о полученном известии. Содержание их разговора нам неизвестно. Но о впечатлении, которое произвел этот разговор на Николая II, мы можем судить по телеграмме, отправленной им в тот же вечер Вильгельму II. «Слабой стране объявлена гнусная война, — говорилось в этой телеграмме. — Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая оказываемому на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые приведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я прошу тебя, во имя нашей старой дружбы, сделать все, что ты можешь, чтобы твои союзники не зашли слишком далеко». Почти одновременно в Берлин была отправлена другая телеграмма. «Вследствие объявления Австрией войны Сербии нами завтра будет объявлена мобилизация в Одесском, Киевском, Московском и Казанском округах, — телеграфировал Сазонов русскому поверенному в делах в Берлине. — Доводя об этом до сведения германского правительства, подтвердите об отсутствии у России каких-либо наступательных намерений против Германии». Текст этой телеграммы был передан

также в Париж и Лондон для сообщения правительствам Франции и Англии ⁸⁵.

В то время как Сазонов беседовал с царем, у начальника генерального штаба состоялось совещание высших чинов генерального штаба, причастных к проведению мобилизации. Здесь собрались генерал-квартирмейстер Данилов, начальник мобилизационного отделения Добrorольский, начальник отделения военных сообщений Ронжин. Все они единодушно высказали мнение, что частичная мобилизация (четырёх военных округов) против Австро-Венгрии при угрозе возникновения войны с Германией является безумием. Как это ни странно, но русский генеральный штаб при составлении мобилизационных планов не предусмотрел возможности перехода от частичной к общей мобилизации. В результате проведение частичной мобилизации должно было крайне осложнить осуществление в дальнейшем общей мобилизации. Присутствующие на совещании у Янушкевича пришли к выводу о необходимости добиваться у Николая II разрешения на общую мобилизацию. Вот почему, когда на следующий день Янушкевич отправился в Петергоф, у него в портфеле лежали два проекта царского указа: один о частичной мобилизации, а другой — об общей. Но Николай II не стал утруждать себя решением этого вопроса. Он подмахнул оба указа, поручив начальнику генерального штаба договориться обо всем с министром иностранных дел ⁸⁶.

Утром 16 (29) июля в министерство иностранных дел позвонил германский посол. Попросив к телефону директора канцелярии Шиллинга, он сказал, что желал бы видеть министра для того, чтобы передать ему «приятное сообщение». В 11 часов Сазонов принял Пурталеса. Германский посол сделал сообщение о намерении его правительства «склонить венский кабинет к уступкам» и при этом «настойчиво просил», чтобы «преждевременной мобилизацией» в России «не было бы создано препятствия к осуществлению Германией желаемого воздействия на Вену». Однако во второй половине дня, явившись вновь к Сазонову, германский посол прочел «телеграмму имперского канцлера, в которой говорилось, что, если Россия будет продолжать свои военные приготовления, хотя бы и не приступая к мобилизации, Германия сочтет себя вынужденной мобилизовать, и в таком случае последует с ее стороны немедленное нападение». Если у руководителей внешней политики России и существовали какие-либо колебания в оценке действительной позиции Германии, то эта телеграмма их окончательно уничтожила. «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости», — заявил Сазонов германскому послу.

Вскоре после ухода Пурталеса в кабинете министра раздался телефонный звонок. Сазонов поднял трубку. Звонил Николай II. Он сообщил, что им только что получена телеграмма от германского императора «с убедительной просьбой не допустить

дело до войны». Сазонов, в свою очередь, рассказал о заявлении Пурталеса, указав на то, «как мало согласуются слова германского императора с данным им своему послу поручением». Заметив, что «он тотчас телеграфирует в Берлин, чтобы получить объяснение», царь поручил Сазонову «безотлагательно переговорить» с военным министром и начальником генерального штаба по вопросу о мобилизации.

Собравшись в кабинете у начальника генерального штаба, Сазонов, Сухомлинов и Янушкевич «по всестороннем обсуждении положения... пришли к заключению, что ввиду малого вероятия избежать войны с Германией необходимо своевременно всячески подготовиться к таковой, а потому нельзя рисковать задержать общую мобилизацию впоследствии путем выполнения ныне мобилизации частичной». Это решение было по телефону доложено царю. Он не возражал. Генералу Добророльскому было приказано отправиться на центральный телеграф, чтобы разослать приказ о мобилизации. Однако телеграмма с приказом об общей мобилизации в этот вечер не была отправлена. В последнюю минуту Добророльскому позвонил Янушкевич и сообщил, что дано «высочайшее повеление» об отмене общей мобилизации и замене ее частичной. Оказывается, получив от кайзера новую телеграмму, в которой говорилось, что русские военные приготовления могут парализовать его усилия как посредника между Веной и Петербургом, Николай II изменил свое первоначальное решение⁸⁷.

На следующее утро Сазонов, Сухомлинов и Янушкевич вновь собрались для того, чтобы обсудить создавшееся положение. Вследствие «настоятельной необходимости, не теряя времени, готовиться к серьезной войне» решено было добиваться от царя разрешения на общую мобилизацию. Сухомлинов и Янушкевич попытались по телефону убедить царя «вернуться к вчерашнему решению», но безрезультатно. Николай II «решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко объявил, что прекращает разговор». Однако когда генерал Янушкевич сказал, что министр иностранных дел находится тут же в кабинете и просит разрешения сказать царю «несколько слов», тот согласился его выслушать. Сазонов попросил аудиенции «для неотложного доклада об общем политическом положении». Помолчав, Николай II предложил ему приехать в 3 часа. Сазонов обещал начальнику штаба в случае удачи сразу же позвонить ему из Петергофа по телефону. «После этого,— сказал Янушкевич,— я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать...»⁸⁸.

Почти целый час Сазонов убеждал царя, «что война стала неизбежной, так как по всему видно, что Германия решила довести дело до столкновения, иначе она не отклоняла бы всех предлагаемых примирительных предложений и легко могла бы образумить свою союзницу». «При таком положении,— говорил ми-

нистр, — остается лишь делать все, что нужно для того, чтобы вступить в войну во всеоружии и при наиболее выгодной для нас обстановке. Поэтому лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутым ею врасплох». В конце концов Николай II согласился. Прямо из дворца Сазонов позвонил об этом Янушкевичу. «Теперь вы можете сломать телефон», — добавил он⁸⁹.

В 6 часов вечера 17(30) июля телеграмма об общей мобилизации была разослана. 18(31) июля явилось первым днем мобилизации в России.

Война. В полночь 18(31) июля к Сазонову явился германский посол. По поручению своего правительства он заявил, что если через 12 часов, т. е. в полдень 19 июля (1 августа), Россия не приступит к демобилизации, причем «не только против Германии, но и против Австрии», Германия также мобилизуется. «Равносильно ли это войне?», — спросил министр. «...Нет, но... мы к ней чрезвычайно близки», — ответил посол⁹⁰.

На следующий день, 19 июля (1 августа), к 7 часам Пурталес вновь приехал в министерство иностранных дел. Войдя к Сазонову, он спросил его, согласно ли царское правительство дать на вчерашний ультиматум благоприятный ответ. Министр ответил отрицательно, прибавив, что, «хотя объявленная общая мобилизация не может быть отменена, Россия не отказывается продолжать переговоры в видах изыскания мирного выхода из создавшегося положения». Вынув из кармана сложенную бумагу, Пурталес дважды повторил свой вопрос. «Я не могу дать вам другого ответа», — сказал Сазонов. «В таком случае, господин министр, — с трудом произнес посол, задыхаясь от волнения, — мне поручено моим правительством вручить вам эту ноту». И дрожащими руками он передал Сазонову ноту об объявлении войны⁹¹.

В тот самый день, когда в Петербурге произошла эта сцена, в Берлине один из крупнейших германских промышленников — Альберт Баллин в откровенном разговоре с канцлером спросил: «Почему, собственно, ваше превосходительство так страшно торопится с объявлением войны России?» — «Иначе я не получу социал-демократов», — ответил Бетман-Гольвег⁹².

Но то, что было выгодно по внутрисполитическим соображениям, противоречило стратегическим интересам Германии. Чем больше времени имела Россия для мобилизации, тем меньше времени оставалось Германии для разгрома Франции. Руководители внешней политики Германии надеялись, что согласно условиям франко-русского союза Франция придет на помощь своей союзнице. Но французское правительство не проявляло особого желания начинать войну против Германии. Правда, 19 июля (1 августа) во Франции была объявлена мобилизация, но в этот же день произошла мобилизация и в Германии. К тому же, для

того, чтобы предупредить какие-либо инциденты, которые могли бы дать немцам повод для объявления войны, французское правительство еще 17 (30) июля отвело свои пограничные войска на 10 км от германской границы.

21 июля (3 августа) германское правительство, так и не дождавшись выступления Франции, объявило ей войну. На следующий день Англия объявила войну Германии.

Европа была уже объята пламенем войны, а между Австро-Венгрией и Россией все еще продолжали сохраняться дипломатические отношения. Хотя германские политические деятели не раз заявляли, что Германия выступила в защиту Австро-Венгрии, русско-австрийские отношения были порваны лишь неделю спустя после объявления Германией войны России.

Так началась первая мировая война.

ГЛАВА VI

В ГОДЫ ВОЙНЫ

§ 1. БОРЬБА ЗА СОЮЗНИКОВ

Основные
направления
деятельности
русской
дипломатии
в годы войны.

В годы первой мировой войны важнейшим средством осуществления внешней политики России, так же как и других держав, участвовавших в войне, становится вооруженная борьба. В эти годы внешняя политика осуществлялась прежде всего на полях военных сражений.

На долю дипломатии выпала вспомогательная роль. Она состояла в том, чтобы во-первых, способствовать благоприятному ходу военных действий, и, во-вторых, обеспечить наиболее выгодные условия будущего мира. Основными направлениями деятельности русской дипломатии в годы войны были:

- 1) борьба за союзников;
- 2) сношения с Францией и Англией по вопросам ведения войны;
- 3) борьба за раздел будущей добычи.

Война, возникшая в Европе уже со вступлением в нее Англии, а следовательно, и Британской империи, стала принимать характер мировой войны. Это окончательно стало ясно, когда 10 (23) августа 1914 г. Германии объявила войну Японии¹.

Чем сильнее разгорался пожар войны, тем труднее было остаться в стороне от него. Великие державы, развязавшие войну, стремились вовлечь в нее новых участников, чтобы усилить свои шансы на победу. С первого дня войны между враждующими коалициями разгорелась острейшая борьба за союзников. Стремясь переманить на свою сторону нейтральные страны, обе коалиции не скупилась на обещания. В этих условиях аппетиты мелких империалистических хищников быстро разгорались. Правящие круги малых стран, собираясь погреть руки на пожаре мировой войны, боялись, как бы не прогадать. Они беззащитно торговались со своими старшими партнерами по империалисти-

ческому грабежу, надеясь перейти на сторону того, кто больше даст.

Борьба за союзников еще больше осложнялась противоречиями между державами Антанты. Каждая из этих держав преследовала прежде всего собственные интересы, не особенно считаясь со своими партнерами. Вследствие финансовой зависимости самодержавия от франко-английского капитала с интересами царской России ее союзники особенно мало считались.

Переговоры с Турцией.

У царской дипломатии было мало надежд переманить Турцию на свою сторону. Прогерманские настроения турецких правящих кругов были ей хорошо известны. Уже на следующий день после возникновения войны между Россией и Германией, 20 июля (2 августа) 1914 г., Турция объявила всеобщую мобилизацию, направленную явно против России.

И вдруг 23 июля (5 августа) из Константинополя было получено ошеломляющее известие. Срочной телеграммой Гирс сообщал о том, что военный министр Энвер-паша, один из наиболее ярких германофилов в турецком правительстве, в разговоре с русским военным агентом генералом Леонтьевым предложил России не более и не менее как... военный союз. Энвер-паша заявил, «что Турция сейчас ни с кем не связана и будет действовать сообразно со своими интересами», и «если бы Россия пожелала обратить внимание на турецкую армию и использовать ее для своих целей, то он и такую комбинацию не считает невозможной». Взамен он требовал возвращения Эгейских островов (принадлежавших Греции) и Западной Фракии (которой владела Болгария) ².

Русские дипломаты при этом не знали, что не далее как 20 июля (2 августа) между Германией и Турцией был подписан союзный договор, по которому Оттоманское правительство обязалось выступить в войне на стороне Германии и передать в ее распоряжение свою армию.

Можно делать разные предположения относительно того, чем руководствовались турецкие правящие круги, предлагая России союз, но, несомненно, что это предложение явилось полной неожиданностью для Сазонова. Еще 21 июля (3 августа) он вступил в переговоры с Болгарией о согласовании «взаимных видов», надеясь договориться, чтобы она сохранила «благожелательный нейтралитет, обязывающий ее противиться наступательным движениям Турции» ³. Но поскольку позиция Болгарии была еще не ясна, Сазонов предписал Гирсу продолжать «объяснения с Энвер-беем в благожелательном смысле, хотя бы для известного выигрыша времени, избегая каких-либо связывающих заявлений» ⁴. По-видимому, он с недоверием отнесся к турецким предложениям и переговорам с Болгарией придавал большее значение. Во всяком случае, когда в телеграмме от 27 июля (9 августа) Гирс под впечатлением новой беседы Леонтьева с Энвер-

пашой высказался за то, чтобы «немедленно принять предложение Энвера», поскольку отказ России «несомненно и бесповоротно бросит Турцию в объятия врагов», Сазонов вновь указал послу на необходимость в «переговорах с Энвером выигрыша времени» до тех пор, пока не будет получен ответ из Софии⁵.

Однако в тот самый день, когда была послана эта телеграмма, произошло событие, которое окончательно решило участь Турции. 28 июля (10 августа) в 17 часов 17 минут в Дарданеллы вошли два германских военных корабля: дредноут «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау». Русско-турецкие переговоры о союзе утратили теперь всякий смысл, но тем большее значение для России приобрел нейтралитет Турции. Ради того, чтобы обеспечить этот нейтралитет, Сазонов был готов не только дать гарантию целостности Турции, но и удовлетворить некоторые ее территориальные претензии. В частности, он не возражал против возвращения Турции острова Лемноса. Однако Грей заявил, что английское правительство не может делать Турции таких предложений, которые могли бы оттолкнуть от Англии Грецию. В сущности и Англия и Франция были больше заинтересованы в том, чтобы Турция вступила в войну на стороне Германии, так как это сулило им значительные территориальные приращения за счет Османской империи. С явной неохотой они соглашались дать лишь гарантию целостности Турции. Этого турецким правящим кругам было мало. 16 (29) октября 1914 г. турецкий флот под командой немецкого адмирала Сушона обстрелял Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск. 19 октября (2 ноября) 1914 г. Россия объявила Турции войну.

Вопрос
о вступлении
в войну Италии.

Взяв обязательство перед Францией направить значительные силы против Германии, царская Россия вынуждена была вступить в борьбу с Австро-Венгрией, не обеспечив себе решающего перевеса сил. Поэтому, когда 22 июля (4 августа) 1914 г. итальянский посол в Петербурге Карлотти заговорил с Сазоновым относительно того, что Италия не прочь предложить Антанте свое «военное содействие», если бы ей обещали населенные итальянцами австрийские земли, русский министр иностранных дел с готовностью откликнулся на это предложение. Согласовав вопрос с Парижем и Лондоном, Сазонов заявил Карлотти, что «Россия, Франция и Англия склонны предоставить Италии приобретение Трентино, Триеста и Валоны с преобладающим положением в Адриатическом море... под условием, чтобы Италия, в свою очередь, немедленно под любым предлогом объявила войну Австрии и, выставив свой флот для преграждения выхода австрийскому флоту из Адриатики, заняла бы своими войсками Трентино». При этом Сазонов указал послу, «что время не терпит и что Италия должна решиться скорее, так как иначе ее помощь может стать для нас менее ценной, и она упустит случай получить от трех держав согласие на столь крупные приобретения»⁶.

Однако, когда Сазонов предложил, чтобы послы России, Франции и Англии в Риме сделали итальянскому правительству соответствующие официальные заявления, союзники его не поддержали. Они явно не спешили с вовлечением Италии в войну, вполне удовлетворившись тем, что она заняла позицию нейтралитета.

Между тем, как выяснилось впоследствии, итальянский министр иностранных дел Сан-Джулиано одновременно с предложением странам Антанты «военного содействия» Италии заявил германскому послу в Риме, что если бы Германия и Австро-Венгрия дали обещание в достаточной мере вознаградить Италию, то она изучила бы «способы оказания поддержки своим союзникам»⁷. Поскольку Италия прежде всего претендовала на территории, принадлежавшие Австро-Венгрии (Трентино), это создавало определенные трудности в ее переговорах с Берлином и Веной. Зато Германия не скупилась на обещания относительно территорий, принадлежавших Франции. Она сулила Италии Ниццу, Корсику, Савойю, Северную Африку. У итальянских правящих кругов разбегались глаза. Они решили повысить ставку в своих переговорах с Антантой, потребовав присоединения к себе не только итальянских, но и южнославянских владений Австро-Венгрии. Кроме того, им хотелось все это получить подешевле. 9(22) августа Сан-Джулиано заявил русскому послу в Риме, что, прежде чем выступить, итальянское правительство хотело бы «иметь уверенность в том, что Россией будет оттянута на себя значительная часть австрийских сил», а англо-французский флот начнет активные действия в Адриатике⁸.

В русской ставке начали терять терпение. На запрос Шиллинга о том, какие данные о положении дел в Галиции могли бы быть сообщены итальянскому правительству, из ставки был получен ответ, что большая часть австрийских сил уже направлена против России и «дней через десять выступление Италии потерит для нас в значительной мере свою цену». Верховный главнокомандующий рекомендовал Сазонову «заявить Италии, что лишь в случае скорого ее решения выступить против Австрии она может рассчитывать на наше содействие к получению территориальных приобретений в Австрии»⁹. Телеграфируя 13(26) августа послу в Риме о том, что в результате русского наступления в Галиции и сербских побед Австро-Венгрия оставила на границе с Италией «не более одного корпуса», Сазонов писал: «Необходимо, однако, чтобы в Италии знали, что все данные нами обещания обусловлены скорейшим выступлением Италии против Австрии и фактическим занятием итальянскими войсками намеченных нами приобретений»¹⁰.

Но сообщения о поражении французских и английских войск на франко-бельгийской границе 8—12 (21—25) августа 1914 г. настолько перепугали правящие круги Италии, что они прекратили всякие переговоры о союзе с Антантой.

Лишь в феврале 1915 г., не добившись удовлетворения своих претензий австро-германским блоком, итальянское правительство вновь заявило странам Антанты о своей готовности «вступить в войну на их стороне»¹¹.

На этот раз роли союзников переменялись. Сазонов был настроен отрицательно в отношении возобновления переговоров. В памятной записке, направленной 17 февраля (2 марта) 1915 г. английскому и французскому посольствам в Петрограде, Сазонов указал на то, что выступление Италии на стороне Антанты, «когда ее военное и морское содействие потеряло в значительной части свою ценность», лишь затруднит впоследствии мирные переговоры, поскольку Италия за свое участие в войне потребует вознаграждения. Поэтому он предлагал «в самой дружественной форме» отклонить итальянское предложение¹².

Но для Англии и Франции это предложение пришлось очень кстати. Они только что затеяли так называемую Дарданелльскую операцию, целью которой был захват проливов и Константинополя. Овладеть проливами силами одного лишь флота не удалось. Необходимы были сухопутные силы для десанта. Однако ни Франция, ни Англия не хотели их давать. Они надеялись, что с вступлением в войну Италии можно будет использовать ее войска. Ради этого они готовы были предоставить Италии не только то, что ей было уже обещано в 1914 г., но удовлетворить и ее новые требования, в частности относительно уступки ей части славянских владений Австро-Венгрии. Попытки Сазонова помешать этому не имели результата. Он вынужден был согласиться на удовлетворение почти всех притязаний Италии. 13(26) апреля в Лондоне был подписан договор, по которому Италия обязалась вступить в войну против Австро-Венгрии и Германии¹³. 10(23) мая 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии. С Германией она формально сохраняла мирные отношения до середины августа 1916 г.

Борьба за Болгарию.

Сазонов придавал особенно большое значение позиции Болгарии. Выступление Болгарии на стороне германо-австрийского блока поставило бы Сербию в исключительно трудное положение. Оно могло сказаться также на позиции Румынии, толкнув ее на войну с Россией. В этом случае Австро-Венгрия и Германия оказались бы полными хозяевами положения на Балканах.

Вступив с первых дней в переговоры с болгарским правительством, Сазонов сразу же обещал ему приращения за счет Турции. Но этого оказалось мало. Правящие круги Болгарии были преисполнены решимости воспользоваться благоприятным случаем для того, чтобы получить то, что они потеряли в 1913 г. Однако все старания Сазонова уговорить Сербию и Грецию пойти на уступки Болгарии и в счет будущих территориальных приобретений удовлетворить ее претензии на Македонию были безрезультатны. Этому в немалой степени способствовали союзники Рос-

сии. Грей был решительно против каких бы то ни было уступок Болгарии со стороны Греции. В то же время, настояв на передаче Италии части южнославянских областей, Англия и Франция вызвали решительный отказ Сербии от уже данных ею обещаний Болгарии. Между тем Германия и Австро-Венгрия обещали Болгарии не только Македонию, но и ряд других территорий за счет Сербии и Румынии (если последняя выступит на стороне Антанты). После довольно продолжительных колебаний осенью 1915 г., когда положение на фронтах войны изменилось в пользу германо-австрийского блока, Болгария, наконец, сделала свой выбор. В ночь с 30 сентября на 1 октября (с 13 на 14 октября) 1915 г. болгарские войска перешли границу Сербии.

Переговоры с Румынией.

Не менее острая дипломатическая борьба разгоралась из-за Румынии. На первом этапе этой борьбы царской дипломатии удалось одержать важную победу. 18 сентября (1 октября) 1914 г. между Россией и Румынией было достигнуто соглашение, по которому румынское правительство обязалось соблюдать дружественный нейтралитет в отношении России. За это царское правительство гарантировало территориальную целостность Румынии и признало за ней «право присоединить населенные румынами области Австро-Венгерской монархии» (Трансильванию и часть Буковины). Это право Румыния могла осуществить «в момент, который она сочтет удобным»¹⁴.

Весной 1915 г. под влиянием успехов России в Галиции румынские правящие круги пришли к выводу, что «удобный момент» для осуществления их желаний настал. Когда же 19 апреля (2 мая) было получено первое сообщение о наступлении германских войск под Горлицей, румынское правительство, спекулируя на своем обещании вступить в войну, попыталось добиться от России новых уступок. 20 апреля (3 мая) 1915 г. румынский посланник в Петрограде официально уведомил Сазонова о решении его правительства немедленно выступить против Австро-Венгрии при условии, что союзники согласятся на расширение территории Румынии до Тиссы и Прута. Это означало, что румынские правящие круги претендуют не только на области с румынским, но также с украинским и сербским населением. Под давлением Франции и Англии Сазонов 26 июня (9 июля) 1915 г. согласился на все претензии Румынии. Однако, убедившись в том, что наступление немцев на Восточном фронте оказалось успешным, румынские правящие круги потеряли охоту вступать в войну. Румыния стала лавировать между двумя воюющими коалициями, выгодно используя свое нейтральное положение.

С вступлением Болгарии в войну Германия решила покончить с колебаниями Румынии. Но румынские правящие круги не имели никакого желания воевать на стороне Германии. Она не могла им дать за участие в войне и половины того, что было обещано странами Антанты лишь за благожелательный нейтра-

литет. Тогда Германия предъявила Румынии ультиматум, потребовав демобилизации румынской армии. Отношения между Румынией и центральными державами в конце 1915 — начале 1916 г. настолько обострились, что всякая возможность перехода Румынии на сторону Германии оказалась исключена.

В этих условиях царская дипломатия не стремилась втянуть Румынию в войну. Если весной 1915 г., когда русские войска занимали карпатские перевалы, ее выступление могло оказать решающее влияние на ход военных действий, то теперь Россия была больше заинтересована в сохранении Румынией нейтралитета. Начальник штаба ставки генерал Алексеев считал даже, что вступление Румынии в войну на стороне Антанты при создавшихся условиях будет для России «тяжелее, чем война с ней»¹⁵.

Иную позицию заняли союзники. В связи с предполагавшимся перенесением в 1916 г. главного удара немцев на Запад союзникам важно было обеспечить, чтобы Восточный фронт оттянул на себя максимальное количество германских войск. Это они стремились обеспечить как путем активизации военных действий на Восточном фронте (добиваясь наступления русской армии), так и путем увеличения его протяженности (настаивая на вступлении в войну Румынии). 17 февраля (1 марта) 1916 г. французский президент Пуанкаре направил Николаю II личное послание, в котором выражал уверенность в том, что в переговорах относительно вступления Румынии в войну царь проявит такую же готовность к соглашению, как и во время «рассмотрения территориальных притязаний Румынии». «Франция, — писал Пуанкаре, — готова сделать все, что от нее будет зависеть, чтобы добиться вступления Румынии в войну»¹⁶.

Успешное наступление русского Юго-Западного фронта в конце мая 1916 г. явилось определяющим фактором в решении румынских правящих кругов присоединиться к Антанте. 21 июня (4 июля) 1916 г. румынское правительство сообщило о своей готовности начать мобилизацию армии. Однако оно настаивало на том, чтобы союзники гарантировали ее безопасность со стороны Болгарии.

Царская дипломатия, идя на уступки союзникам, согласилась на выступление Румынии, но требовала, чтобы это выступление было поддержано активными действиями Салоникской армии, направленными против Болгарии. Союзники, однако, считали, что помогать Румынии воевать с Болгарией должна сама Россия. 23 июля (5 августа) 1916 г. Пуанкаре вновь обратился к Николаю II с личным посланием, призывая его пойти на уступки и заключить союзный договор с Румынией. Это принесло результат. 4 (17) августа в Бухаресте между Румынией и державами Антанты были подписаны политическая и военная конвенции. Румыния брала на себя обязательство объявить войну Австро-Венгрии. За это ей были гарантированы Трансильвания, часть Буковины и Банат. Кроме того, Россия обязалась послать в

Добруджу две пехотные и одну кавалерийскую дивизии для совместных с румынской армией действий против Болгарии, а союзники обещали по меньшей мере за 8 дней до начала Румынией военных действий предпринять наступление Салоникской армии. 14 (27) августа 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии»¹⁷.

Итоги дипломатической борьбы царской России за союзников.

Итоги борьбы царской дипломатии за привлечение новых союзников были малоутешительны. Самой серьезной неудачей, которая постигла Россию, явилась потеря Болгарии. Эта неудача фактически решила судьбу Сербии, так как лишь с помощью болгар Австро-Венгрия оказалась в состоянии сломить сопротивление сербской армии. Сжатая с двух сторон (с северо-запада австро-венгерскими войсками, а с юго-востока — болгарскими), сербская армия стала отходить к берегам Адриатического моря. Остатки ее союзники эвакуировали на остров Корфу. Территория Сербии была оккупирована противником.

В борьбе за Италию и Румынию Антанта вышла победителем. Но Россия от их вступления в войну ничего не выиграла. Союзники помешали царской дипломатии привлечь Италию на свою сторону в начале войны, когда ее участие в борьбе против Австро-Венгрии могло сыграть решающую роль. Когда же Италия, наконец, решилась выступить, ее вклад в борьбу союзников оказался более чем скромным. На полях сражений в годы первой мировой войны итальянская армия не завоевала себе боевой славы. Между тем за ее вступление в войну было заплачено такими территориальными обещаниями, которые, исключив всякую возможность достижения компромисса между Сербией и Болгарией, предопределили позицию последней.

Еще менее успешными были действия румынской армии. К тому же союзники, нарушив свое обещание, не помогли Румынии наступлением Салоникской армии. К концу 1916 г. остатки румынской армии были отброшены к русской границе. Россия оказалась вынуждена создать новый фронт — Румынский, в результате общая протяженность Восточного фронта увеличилась на 600 км. Германия и Австро-Венгрия стали полными хозяевами положения на Балканах. Примечательно, что во всех этих неудачах были более повинны союзники России, чем ее противники.

Если дипломатические победы Антанты в борьбе с германо-австрийским блоком за привлечение союзников оказались для России равносильны поражениям, то одно из ее поражений в этой борьбе было выгоднее победы. Никто в правящих кругах царской России не жалел о потере Турции. Вступление ее в войну на стороне Германии сулило русскому самодержавию осуществление его давнишней мечты — захвата Константинополя и проливов.

§ 2. ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С СОЮЗНИКАМИ ПО ВОПРОСАМ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ¹⁸

**Россия приходит
на помощь
союзникам.**

Важнейшей задачей сношений России со своими союзниками в годы войны было обеспечение взаимодействия фронтов. Германскому стратегическому плану, в основе которого лежало стремление разбить Францию и Россию поодиночке, союзники должны были противопоставить коллективные военные усилия.

Именно это побудило русское командование, не закончив сосредоточения своих сил, начать активные военные действия, направленные против Германии. На рассвете 1(14) августа 1914 г. войска Северо-Западного фронта перешли в наступление. 7(20) августа они одержали под Гумбиненом крупную победу над германскими войсками. В этот день на франко-бельгийской границе германские и французские армии лишь впервые вошли в боевое соприкосновение.

10 (23) августа началось русское наступление в Галиции. В результате этого наступления австро-венгерская армия потеряла половину своего состава и в дальнейшем оказалась уже не способна вести какие-либо самостоятельные действия. Русские войска вышли к Карпатам.

Россия выполнила свои обязательства по франко-русской военной конвенции. Она начала активные операции против Германии даже раньше своих союзников, поставив германское командование перед необходимостью с первых дней войны вести ее на два фронта. В результате побед, одержанных русской армией в Галиции, открылась реальная возможность отрыва Австро-Венгрии от Германии.

По-иному отнеслись к выполнению своих обязательств правящие круги Франции. Оперативный план французского генерального штаба фактически не предусматривал сколько-нибудь широких наступательных планов, не стремился навязать свою волю противнику. Загипнотизированный страхом перед германской военной машиной, французский генеральный штаб ставил задачу лишь «продержаться» до того момента, когда русская армия, отмобилизовавшись, начнет оказывать влияние на ход войны. Выдвигая перед собственной армией более чем скромные оперативные задачи, французский генеральный штаб настойчиво навязывал русской армии грандиозные планы вторжения в «жизненные центры» Германии. Уже в день объявления Германией войны Франции, 21 июля (3 августа) 1914 г., французский военный министр просил русского военного агента в Париже Игнатьева сообщить в Петроград, что правительство Франции «рассчитывает на стремительное наступление русских армий»¹⁹. В дальнейшем буквально не проходило дня, чтобы французские военные и политические деятели не обращались к царскому пра-

вительству, командованию и самому царю с настойчивыми требованиями скорейшего наступления русских войск против Германии.

Между тем сама Франция не выполнила своих обязательств по франко-русской военной конвенции, согласно которой она должна была выставить против Германии на 10-й день после начала войны полуторамиллионную армию и начать наступление. Французское командование не смогло обеспечить стратегического развертывания своей армии. Оказавшись перед лицом численно превосходящего противника и не имея в достаточной мере продуманных стратегических планов, французская армия оказалась не в состоянии не только наступать, но даже задержать германское наступление.

Одержав 8—12 (21—25) августа победу в сражении на франко-бельгийской границе, немецкие войска устремились к Парижу. Французские правящие круги охватила паника. Главнокомандующий генерал Жоффри предложил правительству и парламенту покинуть Париж и переехать в Бордо. Стремительное наступление немцев вызвало трения между французским командованием и командованием английской армии, которая была перебросена во Францию и приняла участие в сражении на франко-бельгийской границе. После проигрыша этого сражения командующий английской армией генерал Френч принял решение независимо от действий французской армии отступить за Сену с тем, чтобы оставить себе возможность эвакуироваться в Англию. В середине августа 1914 г. русский военный агент в Париже Игнатьев, сообщая о тяжелом положении на Западном фронте, писал: «...Весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и переброски на наш фронт германских корпусов»²⁰.

Русское наступление в Восточной Пруссии сыграло важную роль в спасении Парижа. Накануне решающего сражения за Париж на реке Марне германское командование оказалось вынуждено перебросить с Западного фронта на Восток два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию. Усилив численный перевес франко-английских сил, это способствовало их победе в Марненском сражении.

Но союзникам России этой помощи оказалось недостаточно. Проявив полную неспособность добиться коренного перелома в ходе военных действий на Западном фронте, политические и военные руководители Франции и Англии требовали от России новых, еще более тяжелых жертв. Они настаивали на наступлении прямо на Берлин из района Варшавы, совершенно не считаясь со стратегической обстановкой на Восточном фронте, не допускавшей такого наступления до разгрома сосредоточенных на флангах русских армий войск противника — германских в Восточной Пруссии и австро-венгерских в Галиции.

В самый разгар восточно-прусской и галицийской операций

русское главное командование начинает сосредоточивать в районе Варшавы крупные военные силы для наступления на Берлин. Вряд ли можно объяснить этот факт одной лишь угодливостью правящих кругов царской России перед союзниками. В русской ставке под влиянием сообщений с Западного фронта крепло убеждение, что если Россия не возьмет основную тяжесть войны на себя, то вследствие полного разгрома Франции ей придется остаться один на один с Германией.

Так или иначе, но в то время как германское командование усиливало свои войска в Восточной Пруссии за счет Западного фронта, русское командование ослабляло свою восточно-прусскую группировку, перебрасывая крупные силы из ее состава под Варшаву²¹. Это обстоятельство способствовало поражению русских войск в Восточной Пруссии. А переброска войск в район Варшавы с Юго-Западного фронта помешала завершить разгром Австро-Венгрии. Такой ценой в сентябре 1914 г. в районе Варшавы была создана мощная ударная группировка (в составе четырех армий). В результате в тот момент, когда на Западе после неудачи на Марне немцы предприняли новую попытку добиться решающего успеха, на Востоке над Германией нависла угроза русского вторжения.

Стремясь предотвратить это вторжение и вместе с тем спасти австро-венгерскую армию от полного уничтожения, германское командование в середине сентября, сосредоточив крупные силы в Восточной Силезии, начало наступление на Варшаву. С этого момента центр тяжести войны стал перемещаться на Восточный фронт. В кровопролитных боях под Варшавой и Ивангородом русские армии не только выдержали натиск германских сил, но и перешли в наступление. К концу октября они вышли к границам Германии. Для того чтобы исправить положение, германское командование попыталось ударом из района Торна на Лодзь отрезать часть наступавших русских сил. В начале ноября, когда на Западном фронте боевые действия уже затихли, под Лодзью разгорелось новое крупное сражение. Однако и на этот раз немцам не удалось добиться успеха. Их обходящая группа сама попала в окружение, и лишь остатки ее сумели пробиться на Запад.

Активные операции русской армии привели к тому, что Восточный фронт уже в начале войны стал оказывать решающее влияние на ее ход. Германское командование было вынуждено направить на Восточный фронт, кроме вновь сформированных соединений, 6—7 пехотных корпусов и 6 кавалерийских дивизий, снятых с Западного фронта. Количество германских дивизий на Восточном фронте к концу года увеличилось вдвое по сравнению с началом войны. Вследствие этого силы австро-германского блока, сосредоточенные на Восточном фронте, оказались не меньше тех, с которыми сражались французские и английские армии на Западном фронте. Что же касается потерь австро-германских войск на Восточном фронте, то они намного превосхо-

дили потери, понесенные германскими войсками на Западном фронте. Активные действия русской армии в 1914 г. сорвали германский план молниеносной войны. Германия была поставлена перед необходимостью ведения затяжной изнурительной войны на два фронта. Тем самым были созданы стратегические предпосылки для победы Антанты, поскольку в дальнейшем в действие вступили постоянно действующие факторы, которые складывались не в пользу Германии.

**Союзники бросают
Россию на
произвол судьбы.**

В 1915 г. германское командование в корне меняет свои стратегические планы. Вместо обороны на Востоке и наступления на Западе оно предпринимает противоположный образ действий. Реальная угроза русского наступления на Берлин, опасность развала Австро-Венгрии — все это побудило германских военных руководителей направить главный удар на Восточный фронт, с тем чтобы, разгромив русскую армию, добиться выхода России из войны. Германское командование задумало грандиозный план окружения и уничтожения русских армий, сосредоточенных в районе Варшавы, путем фланговых ударов: с севера в направлении Осовец — Гродно — Лида и с Юга — от Карпат на Львов. Этот план был введен в действие с первых чисел января 1915 г. 7 (20) января началось наступление австро-германских войск в Карпатах. Несколько позднее, 26 января (8 февраля), перешли в наступление германские войска в Восточной Пруссии. Однако, как признал в своих воспоминаниях германский верховный главнокомандующий генерал Фалькенгайн, «операции против обоих флангов русского фронта не оправдали возлагавшихся на них далеко устремленных ожиданий». В Восточной Пруссии германские войска хотя и добились некоторого тактического успеха, но, по словам Фалькенгайна, не могли «сломить сопротивления скоро и искусно брошенных им навстречу русских подкреплений»²². В Карпатах русские войска не только отбили атаки противника, но и сами с середины марта перешли в наступление.

Между тем на Западном фронте наблюдалось полное затишье. Русское командование с конца 1914 г. неоднократно обращало внимание своих союзников на то, что их бездействие позволяет немцам снимать свои дивизии с Западного фронта и направлять их на Восточный фронт. Начав наступление в Карпатах, русская ставка вновь обратилась к союзникам с просьбой произвести энергичные действия на Западном фронте с тем, чтобы помешать дальнейшей переброске германских войск. «Ввиду того что было бы чрезвычайно важно с общей точки зрения в настоящую минуту дать нам возможность покончить с австрийскими армиями, — писал русский верховный главнокомандующий Николай Николаевич генералу Жоффри 28 марта (10 апреля), — было бы весьма желательно, если бы вы нашли возможным принять на Западном фронте меры... для воспрепятствования новой переброске германцами сил на Восточный фронт»²³.

Однако все помыслы союзников были заняты лишь тем, как бы лучше укрепить свои позиции. Вместо одной линии окопов там сооружалось несколько линий. Перед позициями возводились проволочные заграждения. В тылу расположения войск строились резервные оборонительные укрепления. Бездеятельность союзников, по признанию Фалькенгайна, обеспечила германскому командованию «необычайную свободу решений»²⁴. Она позволила ему начать массовую переброску войск с Западного фронта. С середины февраля до середины апреля немцы перебросили на Восточный фронт, даже по французским данным, 13½ дивизий²⁵. Создав из них ударную группу, германское командование 19—21 апреля у Горлицы осуществило прорыв русского фронта. Ослабленные почти непрерывными боями, испытывающие острый недостаток в артиллерии и боеприпасах, русские армии стали откатываться на Восток.

В этих условиях в России с нетерпением ожидали наступления на Западном фронте. Однако наступление, предпринятое союзниками 26 апреля (9 мая) к северу от Арраса, носило местный, тактический характер. Прорыв немецких позиций производился на узком фронте — не более 12 км. Такая операция ни в какой мере не могла облегчить положение русских войск. Это признал сам генерал Жоффр. «Наша деятельность, — писал он русскому главнокомандующему, — к сожалению, не могла помешать противнику снять с нашего фронта гвардейский корпус и две или три его новых дивизии, которые только что опознаны в Буковине»²⁶.

Убедившись в том, что союзники России не собираются приходить ей на помощь, германское командование в начале июля предприняло новую крупную операцию на русском фронте. Ударом из Восточной Пруссии на юго-восток оно еще раз попыталось окружить русские войска между Вислой и Бугом. Хотя попытка немцев окружить русские войска не удалась, последние вынуждены были оставить Польшу, Западную Белоруссию, Литву и часть Латвии. Лишь к сентябрю им удалось закрепиться на рубеже: Рига — река Западная Двина — Двинск — Барановичи — Пинск — Тарнополь — река Днестр.

В то время как на Восточном фронте происходили кровопролитные сражения, союзники ограничивались лишь разговорами о помощи России. 24 июня (7 июля) 1915 г. во французской главной квартире в Шантильи собралась межсоюзническая военная конференция. Решено было в целях оказания помощи России предпринять большую наступательную операцию на Западном фронте. Однако это решение фактически осталось на бумаге. Союзники с недели на неделю откладывали намеченное наступление, сваливая вину друг на друга. Во Франции шли разговоры насчет того, что «мысль о скором переходе в наступление должна быть оставлена ввиду чрезвычайных рисков и трудно-

стей, связанных со штурмом укрепленных германских позиций и неизбежных при этом громадных человеческих жертв»²⁷. Английский король в беседе с русским послом в Лондоне Бенкендорфом говорил, что Англия лучше окажет «действенную и реальную помощь России в Дарданеллах», вместо того чтобы «рисковать разгромом во Фландрии»²⁸. Лишь 7 (20) августа Бенкендорф сообщил в Петроград, что вопрос о «сильном и серьезном англо-французском наступлении во Франции» решен в положительном смысле²⁹. Но наступление союзных войск на Западном фронте, в Шампани и Артуа, началось лишь 12 (25) сентября, когда германское наступление на Восточном фронте было уже остановлено. К тому же успехи союзников оказались весьма скромными. На двух участках шириной в 22—25 км они продвинулись вперед всего на 2—4 км. Существенного влияния на положение дел на Восточном фронте эти операции не имели, поскольку они не вызвали серьезных перемещений германских сил на Запад.

Таким образом, в условиях, когда основной удар германо-австрийской коалиции был направлен на Россию, Англия и Франция оставили свою союзницу на произвол судьбы. Они нарушили ими же провозглашенный принцип помощи тому из союзников, который подвергся главному натиску противника. Это позволило германскому командованию обеспечить необходимый перевес сил на Восточном фронте за счет ослабления своего Западного фронта. Для союзников это не было секретом. В своем дневнике генерал Жоффр писал: «В мае 1915 г. немцы и австрийцы развернули большое наступление на русском фронте. Но чтобы обеспечить это наступление, немцы вынуждены были снять много сил с Западного фронта»³⁰. Всего с начала войны по август 1915 г. с французского фронта на русский было переброшено 38 дивизий. Кроме того, русский фронт постоянно пополнялся вновь сформированными дивизиями. К сентябрю 1915 г. на русском фронте находилось 140 дивизий противника, а на Западном — лишь 91 дивизия. По данным французской разведки, союзники уже в мае 1915 г. имели численное превосходство над немцами в 680 батальонов³¹. И тем не менее союзники России, по единодушному признанию германских военных деятелей, не извлекли «какую-либо пользу из несомненной слабости Западного германского фронта, обнаженного в пользу Восточного»³².

Брошенная на произвол судьбы своими западными союзниками, Россия в 1915 г. приняла на себя главную тяжесть войны. Она потеряла значительные территории, понесла огромные людские потери (около 3,5 млн. человек убитыми, ранеными и пленными). Но добиться главной своей цели — вывести Россию из строя — Германии так и не удалось.

За счет тяжелых жертв, понесенных Россией в 1915 г., ее союзники получили почти полуторагодовую передышку, позво-

лившую им мобилизовать свою промышленность и накопить крупные людские и материальные ресурсы для дальнейшего ведения войны.

Обмен
русских солдат
на французские
ружья.

Одной из важнейших причин тяжелых неудач, постигших русскую армию в 1915 г., был острейший кризис вооружения. Нехватка винтовок, артиллерии, боеприпасов, ощущавшаяся уже в начале войны, в 1915 г. приняла катастрофические размеры. «Трудно на словах передать всю драматичность того положения, в котором оказалась русская армия в кампании 1915 г., — пишет в своих воспоминаниях царский генерал Головин. — Только часть бойцов, находящихся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы в свою очередь взять в руки винтовку». Головин рассказывает, что в августе 1915 г. штаб Юго-Западного фронта издал даже приказ о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки³³.

Уже в конце 1914 г. русское правительство обратилось к союзникам с просьбой о предоставлении некоторого количества вооружения и боеприпасов. Но, несмотря на то что Россия несла на себе основную тяжесть войны, союзники не спешили оказывать ей помощь. Вооружение, уступленное ими, стало прибывать в Россию лишь к концу 1915 г. К тому же его количество по сравнению с потребностями русской армии было мизерно. «Французы копили свои снаряды, как будто это были золотые франки, и с гордостью указывали на огромные запасы в резервных складах за линией фронта» в то время, «когда летом 1915 г. русские армии были потрясены и сокрушены артиллерийским превосходством Германии и были не в состоянии оказывать какое-нибудь сопротивление вследствие недостатка винтовок и патронов», — пишет в своих воспоминаниях Ллойд Джордж³⁴. Но позиция Англии была не лучше. На совещании союзников в Лондоне в ноябре 1915 г. в ответ на просьбы русских представителей о помощи вооружением сам Ллойд Джордж заявил: «Наш первый долг — это забота о вооружении нашей армии»³⁵. «Горькие упреки удивленных английским равнодушием русских офицеров, солдаты которых погибали вследствие недостатка в снарядах, справедливы по существу, — вынужден был впоследствии признать Ллойд Джордж. — История предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе»³⁶.

Более того, исключительно тяжелое положение, в котором оказалась Россия, союзники постарались использовать для того, чтобы добиться от царского правительства посылки русских войск на Западный фронт. В начале декабря 1915 г. в Россию приехал со «специальной» миссией влиятельный французский

политический деятель Поль Думер. О цели этой миссии Пуанкаре со свойственным ему цинизмом записал в своем дневнике: «Думер отправляется в Россию для ознакомления с вопросом об отправке солдат в обмен на наши ружья»³⁷. Прибыв в царскую ставку, Думер предложил генералу Алексееву следующую сделку: Россия посылает во Францию 400 000 русских солдат, взамен чего Франция предоставляет России 330 000 французских винтовок. Как сообщал Сазонову директор дипломатической канцелярии при ставке Кудашев, это предложение «обмена живых людей на бездушные предметы» покорило даже выдавшего виды царского генерала³⁸. В письме к военному министру Поливанову Алексеев отмечал, что предложение Думера «не считается с нравственной стороной, рассматривает человека как предмет материальной части». Тем не менее «в силу особой необходимости и желая сохранить добрые отношения» он считал, что «решительный, полный отказ, который следовало дать, признается нежелательным»³⁹.

В конечном счете царское правительство дало согласие на отправку во Францию «в виде опыта» двух пехотных бригад. Однако прибывшие в Россию в апреле 1916 г. французские министры Вивиани и Тома вновь поставили вопрос о посылке во Францию 400 000 русских солдат. 11 (24) мая 1916 г. между ними и Алексеевым было подписано соглашение, по которому царское правительство обязалось отправить во Францию, помимо отправленных двух бригад, еще пять бригад⁴⁰. В 1916 г. было отправлено во Францию четыре бригады, две из которых были использованы на Западном фронте, а две — на Салоникском. Общая численность этих войск превышала 44 тысячи⁴¹.

Срыв западными союзниками России общего наступления в 1916 г.

Не добившись в 1915 г. выхода России из войны, немцы были вынуждены вести борьбу на два фронта. Продолжать активные операции против России, по мнению военных руководителей Германии, не имело смысла, поскольку они могли завести германскую армию в «область безбрежного». Отсюда вытекала необходимость перенесения направления главного удара вновь на Запад.

Если в 1915 г., когда основная тяжесть войны легла на Россию, ее союзники не проявляли особого интереса к согласованию стратегических планов, то теперь положение изменилось. В предвидении немецкого наступления на Западном фронте, французские правящие круги выступили с инициативой создания единого стратегического плана на 1916 г. С этой целью 23 ноября (6 декабря) в Шантильи открылась конференция союзников.

В специальной «Записке», составленной для этой конференции французским командованием, подчеркивалась необходимость, чтобы французская армия была «сохранена до начала решающего наступления», в силу чего ей нужно избегать всяких операций, связанных с потерями в людском составе (фронталь-

ных атак и т. п.), до тех пор, пока германская армия не будет в достаточной мере истощена. Борьбу за истощение германской армии, по мнению французского командования, должны взять на себя те союзники, «которые обладают избыточными людскими ресурсами (Италия, Англия) или же неограниченными (Россия)». При этом французское командование рекомендовало союзникам «ускорить истощение германских армий и проводить его с наибольшей интенсивностью»⁴².

На конференции генерал Жоффр предложил России первой начать наступление предстоящей весной. Русский представитель генерал Жилинский настаивал на том, чтобы наступление всех союзников было одновременным. Вследствие разногласий участников никаких конкретных решений относительно взаимодействия фронтов на конференции принято не было⁴³. Когда начальник штаба русской ставки генерал Алексеев ознакомился с протоколами конференции в Шантильи, он в письме к Жилинскому от 18 (31) января 1916 г. не мог скрыть своего раздражения по поводу французских предложений. «Заключение, что Франция, имеющая 2 200 000 бойцов, — писал он, — должна быть пассивна, а Англия, Италия и Россия должны «истощать» Германию, — тенденциозно и не вяжется с грубым мнением Жоффра, что одна Франция ведет войну. Думаю, что спокойная, но внушительная отповедь, решительная по тону, на все подобные выходки и нелепости стратегически безусловно необходима. Хуже того, что есть, не будет в отношениях. Но мы им очень нужны, на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка»⁴⁴.

Так как декабрьская конференция закончилась безрезультатно, союзники договорились провести новую конференцию, чтобы наметить конкретный план действий союзных армий и договориться относительно срока совместного наступления. Эта конференция собралась 28 февраля (12 марта) 1916 г. Хотя она и одобрила в принципе необходимость двухнедельного интервала между началом наступательных операций на Восточном и Западном фронтах, точные сроки этих операций не были установлены. Решив, что «коалиция предпримет общее наступление в возможно скором времени», конференция поручила установить точную дату главнокомандующим⁴⁵. Однако в дальнейшем все усилия Англии и Франции были направлены на то, чтобы по возможности дальше оттянуть наступление на Западном фронте. Между тем 16 (29) мая в сражении у Трентино потерпела сокрушительное поражение от австро-венгерских войск итальянская армия. Итальянское правительство, военное командование и сам король обратились к России с просьбой о немедленной помощи. Это побудило русское командование ускорить наступление, подготовлявшееся на начало июня⁴⁶.

22 мая (4 июня) войска Юго-Западного фронта, имея лишь

незначительный перевес в живой силе (соотношение сил по пехоте 1,3 : 1 и по кавалерии 2 : 1 в пользу русских, при превосходстве австрийцев в тяжелой артиллерии более чем в три раза), перешли в наступление. Наступая на протяжении от Пинска до Днестра, они взяли Луцк, овладели большей частью Буковины. Австро-венгерская армия вновь была разбита. По свидетельству германского генерала Людендорфа, русское наступление вызвало «один из наисильнейших кризисов» германо-австрийского блока⁴⁷. 26 мая (8 июня) в Берлине срочно встретились начальники штабов германской и австро-венгерской армий. Было решено направить на австрийский фронт ряд германских дивизий, вследствие чего германское командование оказалось вынуждено «ограничить и прервать свои наступательные операции на Западном фронте»⁴⁸. До конца июня оно перебросило с Западного на Восточный фронт 11 дивизий. Кроме того, на русский фронт были в спешном порядке направлены 6 дивизий с итальянского фронта⁴⁹.

Приняв решение начать наступление ранее намеченного срока, русское командование предупреждало союзников, что оно вынуждено предпринять активные операции, не обеспечив себя в достаточной степени артиллерией и боеприпасами. «Поэтому большой промежуток между началом операции на нашем и французском фронтах нежелателен», — телеграфировал 13 (21) мая 1916 г. Алексеев русскому представителю при французской ставке Жилинскому с тем, чтобы он сообщил об этом Жоффру⁵⁰. Генерал Жоффр заверял генерала Жилинского, что «наступление на Западном фронте должно начаться обязательно в назначенный срок двух недель после начала русских операций»⁵¹. Однако прошли обусловленные две недели со дня начала русского наступления, а союзники и не собирались предпринимать активных действий, спокойно выжидая дальнейшей переброски германских дивизий на Восточный фронт. Когда же, накопив тройное преимущество сил, французские и английские армии 18 июня (1 июля) перешли наконец в наступление, «опаснейший момент русского наступления», по свидетельству генерала Фалькенгайна, «был уже пережит»⁵². Общее наступление государств Антанты оказалось сорванным.

Усиление финансово-экономической зависимости царской России от Англии и Франции.

Война требовала огромных расходов. Их не могли покрыть внутренние источники, которыми располагало царское правительство. Для оплаты заграничных военных заказов и процентов по русским государственным займам царскому правительству нужна была иностранная валюта. Вот почему финансовые вопросы занимали очень важное место во взаимоотношениях России с ее союзниками в годы первой мировой войны.

За период войны между Россией и ее союзниками было заключено несколько финансовых соглашений. Все они носили ка-

бальный характер. Союзники, предоставляя царскому правительству кредиты, стремились выкачать из России ее золотой запас, хлеб, лес и т. д.

Основным кредитором России в военные годы стала Англия. Характеризуя финансовую политику английских правящих кругов, председатель комиссии по распределению иностранной валюты в России генерал Михельсон отмечал, что они, «признавая необходимость помогать нам ради победы Англии, хотят ограничиться крайним минимумом помощи и воспользоваться нашим тяжелым положением, чтобы одновременно обеспечить себе наибольшие экономические выгоды на русском рынке как теперь, так и в будущем, поставив Россию в экономическую и финансовую зависимость от Англии»⁵³.

Английское правительство предоставляло займы России лишь под залог русского золота. В результате за годы войны в Англию было вывезено около трети золотого запаса России (567,4 млн. руб.). К тому же царское правительство не имело права свободно распоряжаться полученными кредитами. Они могли быть использованы только в Англии и лишь с согласия английских властей. Условия, на которых царское правительство размещало займы во Франции, были не менее тяжелыми.

Общая сумма русских зарубежных займов, полученных в годы войны, превышает 8 млрд. руб. С ростом внешней задолженности царской России быстро увеличивалась ее зависимость от союзников по Антанте⁵⁴.

§ 3. БОРЬБА ЗА РАЗДЕЛ БУДУЩЕЙ ДОБЫЧИ

Соглашение о незаключении мира.

Война только еще начиналась, а союзники по Антанте уже думали о том, как бы не прогадать при дележе будущей добычи. Они были полны подозрений друг к другу. Каждого из них больше всего страшила возможность в результате предательства остальных остаться один на один с Германией. Для того чтобы исключить такую возможность, еще в первые дни войны, 23 августа (5 сентября) 1914 г., между Россией, Англией и Францией было заключено соглашение, по которому союзники обязались не заключать сепаратного мира. Они договорились также, что, «когда настанет время для обсуждения условий мира», ни один из них «не будет ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников»⁵⁵.

У правящих кругов царской России было больше оснований опасаться, что они будут обмануты своими союзниками при предстоящем разделе добычи. Может быть, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что Сазонов раньше других поставил вопрос о необходимости заранее наметить основные условия будущего мира. В ноте, адресованной 1 (14) сентября 1914 г. Палео-

Программа Сазонова.

логу и Бьюкенену, он следующим образом определил эти условия:

1. Присоединение к России нижнего течения Немана, Восточной Галиции, переход Познани, Силезии и Западной Галиции к будущей Польше.

2. Возвращение Франции Эльзас-Лотарингии, передача ей, «по ее усмотрению», части Рейнской области и Палатината.

3. Значительное увеличение Бельгии за счет германских территорий.

4. Возвращение Дании Шлезвига и Гольштейна.

5. Восстановление Ганноверского королевства.

6. Превращение Австро-Венгрии в триединую монархию, состоящую из Австрии, Чехии и Венгрии.

7. Передача Сербии Боснии, Герцеговины, Далмации и северной Албании.

8. Вознаграждение Болгарии за счет сербской Македонии и присоединение к Греции южной Албании.

9. Передача Валоны Италии.

10. Раздел германских колоний между Англией, Францией и Японией.

11. Уплата военной контрибуции.

Несколько позднее, в середине сентября, когда окончательно выяснилась позиция Турции, Сазонов выдвинул еще одно условие: России должен быть гарантирован свободный проход через проливы для ее военных кораблей⁵⁶.

Таковы были планы правящих кругов царской России. Необходимо отметить, что в начале войны царская Россия не предъявляла притязаний на захват Константинополя и проливов.

Министр иностранных дел Англии Грей внес в программу Сазонова ряд существенных поправок. Он, например, выдвинул требование о выдаче германского флота союзникам и нейтрализации Кильского канала. Менее щедр был он в отношении территориальных приращений к Франции. Он высказался против перехода к Франции Рейнской области. Чтобы успокоить англичан, французское правительство было вынуждено заявить о том, что его территориальные претензии ограничиваются Эльзасом и Лотарингией.

**Соглашение
о проливах.**

Вопрос о разделе Турции был впервые поставлен английской дипломатией. Отвечая на заявление Сазонова по вопросу о проливах, Грей высказал мнение, что, если Турция присоединится к Германии, «она должна будет перестать существовать»⁵⁷.

Когда же Турция вступила в войну, Грей, опасаясь, что русское командование для борьбы с ней может отвлечь силы с германского фронта, дал понять Бенкендорфу, что если Германия окажется разбита, то судьба Турции будет решена в соответствии с интересами России. Менее искушенный в дипломатии английский король Георг V в беседе с русским послом выразил-

ся более определенно. «Что касается Константинополя, то ясно, что он должен быть вашим», — заявил он Бенкендорфу 31 октября (13 ноября) 1914 г.⁵⁸ Однако Грей поспешил поправить своего незадачливого монарха. Уже на следующий день, 1 (14) ноября, обратившись к русскому правительству с официальной нотой, он ограничился туманным обещанием разрешить вопрос о Константинополе «в согласии с Россией» и то «лишь после поражения Германии»⁵⁹. А еще через несколько дней 5 (18) ноября, английский посол в Петербурге Бьюкенен сообщил Сазонову, что Англия намерена аннексировать Египет⁶⁰.

«Англия отдала Константинополь России; сегодня Россия отдает Египет Англии», — с досадой записал в своем дневнике Палеолог. Эта сделка вызвала раздражение у французских политических руководителей. Пуанкаре считал, что «когда России обеспечат обладание Константинополем, она, несомненно, потеряет всякий интерес к войне с Германией»⁶¹. Наперебой убеждая царское правительство не отвлекать своих сил для борьбы с Турцией, поскольку ее судьбу должна была решить победа над Германией, Англия и Франция в феврале 1915 г. предприняли Дарданелльскую операцию для того, чтобы захватить проливы в свои руки.

Известие об этой операции вызвало бурю негодования в русской буржуазно-помещичьей печати. Правящие круги царской России справедливо опасались, что если проливы окажутся в руках у союзников, то получить их будет еще труднее. «Призывая» Бьюкенена и Палеолога «в свидетели» волнения, вызванного «во всех слоях русского народа» Дарданелльской экспедицией, Сазонов говорил им 16 февраля (1 марта) 1915 г.: «Несколько недель назад я еще мог думать, что открытие проливов не предполагает неизбежным образом окончательного занятия Константинополя. Теперь я вынужден констатировать, что вся страна требует этого радикального решения». При этом он подчеркнул, что союзники должны дать, наконец, твердые обязательства по этому вопросу. «До сих пор, — сказал Сазонов, — сэр Эдуард Грей ограничивался заявлением, что вопрос о проливах должен решиться сообразно желаниям России. Пришло время говорить яснее... Англия и Франция должны громко заявить, что они согласятся при заключении мира на присоединение Константинополя к России»⁶². А 19 февраля (4 марта) 1915 г. Сазонов обратился к английскому и французскому послам в Петрограде с официальной нотой по вопросу о Константинополе и проливах. «Ход последних событий, — говорилось в этой ноте, — приводит е. в. императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно разрешен и сообразно с вековым стремлением России». Указав на то, что «всякое решение было бы недостаточно и непрочно» в случае, если бы Константинополь и проливы «не были впредь включены в состав Российской империи», Сазонов в за-

ключение ноты заявил, что «императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут приняты сочувственно обоими союзными правительствами». Вместе с тем министр иностранных дел России заверил союзников, что они «встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам»⁶³.

Англичане довольно быстро согласились удовлетворить требование царского правительства. Памятной запиской от 27 февраля (12 марта) 1915 г. Бьюкенен довел до сведения Сазонова, что правительство Великобритании не будет возражать против присоединения Константинополя и проливов к России «в случае, если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах». Кроме того, английское правительство потребовало, чтобы нейтральная зона в Персии была передана Англии⁶⁴.

Французы оказались менее сговорчивыми. Первоначально они обещали (в памятной записке французского посольства в Петрограде от 23 февраля (8 марта) 1915 г.) лишь «доброжелательное отношение правительства республики в том, чтобы вопрос о Константинополе и проливах был разрешен сообразно с желаниями России». Однако после того, как Сазонов 3 (16) марта 1915 г. дал согласие на присоединение к Франции Сирии и Киликии, французское правительство неохотно, но согласилось на притязания России в отношении Константинополя и проливов. 28 марта (10 апреля) 1915 г. Палеолог поставил в известность об этом царское правительство⁶⁵.

Раздел Азиатской Турции.

Получив по соглашению о Константинополе и проливах согласие России на осуществление их «пожеланий» «как в Оттоманской империи, так и в других местах», Англия и Франция в ноябре 1915 г. начали переговоры относительно раздела Азиатской Турции. Обе стороны выделили для переговоров своих лучших знатоков Ближнего Востока: Франция — бывшего французского генерального консула в Бейруте Пико, Англия — эксперта министерства иностранных дел по ближневосточным делам Сайкса. Уже в январе 1916 г. проект соглашения был готов. В английскую зону решено было включить Месопотамию с Багдадом и Басрой, но без Мосула. Кроме того, Англия получала палестинские порты Хайфу и Акку. Во французскую зону были включены Ливан, прибрежная часть Сирии (западнее линии Алеппо — Хомс), часть Восточной Анатолии, Малую Армению и Курдистан. Палестина (без Хайфы и Акки) должна была составить международную зону. На территории, ограниченной с запада и севера Палестиной и французской зоной, а с востока границами Персии и английской зоной, предполагалось создать «независимое»

арабское государство (или федерацию арабских княжеств). Это будущее «независимое» государство было заранее разделено на две сферы влияния: северную (Восточную Сирию и Мосульский вилайет) — французскую и южную (Трансиорданию и центральный Ирак) — английскую.

Англия и Франция не сочли нужным поставить царскую дипломатию в известность о своих переговорах. Но заключить соглашение о разделе Азиатской Турции за спиной у России им не удалось.

В январе 1916 г. русские войска начали наступление на Закавказском фронте. 3 (16) февраля ими был взят Эрзерум. В дальнейшем операции русских войск развивались в направлениях на Трапезунд, Эрзинджан и Битлис. Эти пункты также были взяты русскими войсками.

Опасаясь, как бы области Азиатской Турции, о разделе которых они спорились, не оказались захвачены Россией, Франция и Англия поспешили согласовать свои планы с царским правительством. В феврале 1916 г. Пико и Сайкс срочно выехали в Петроград. Памятной запиской английского и французского посольств в Петрограде от 25 февраля (9 марта) 1916 г. царскому правительству было сообщено содержание предварительного англо-французского соглашения о разделе Азиатской Турции⁶⁶.

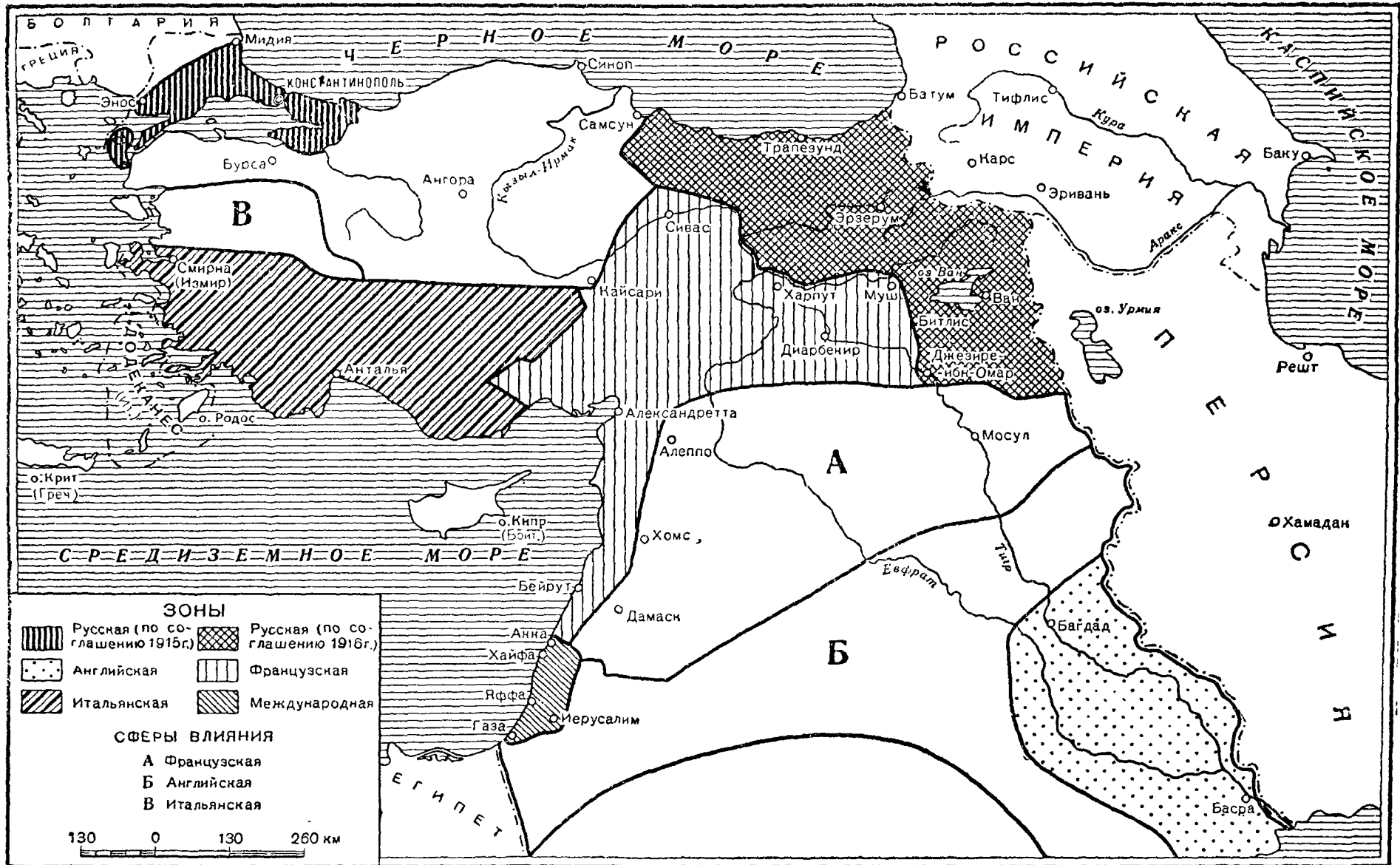
Докладывая о проекте Сайкса — Пико царю, Сазонов указывал, что для России «наиболее существенное значение» имеет предложенная в этом проекте граница между русскими и французскими будущими владениями. «С точки зрения топографической, — писал он во всеподданнейшей записке от 29 февраля (13 марта) 1916 г., — она представляется довольно естественной, следуя по направлению главного горного массива, но по политическим и стратегическим соображениям она едва ли может считаться приемлемой. Появление на большом протяжении нашей азиатской границы, в местностях со смешанным и беспокойным населением, великой европейской державы, хотя бы в настоящее время и союзной нам, и внедрение ее углом в русско-персидскую границу — должно быть признано нежелательным». По мнению Сазонова, для России «наиболее выгодною была бы общая граница на юге с каким-либо азиатским мусульманским государством в виде ли арабского халифата, или турецкого султаната». Он при этом напоминал, что в ходе переговоров с Францией о Константинополе и проливах царская дипломатия согласилась «на присоединение к ней лишь Сирии и Киликии до Тавра». Между тем по проекту Сайкса — Пико к Франции должен был отойти также Диарбекирский округ, который, как указывал Сазонов, «входит в состав Месопотамии». В заключение своей всеподданнейшей записки Сазонов отмечал, что если бы не удалось добиться создания между русской и французской зоной (за счет уменьшения последней) буферной области, то

«следует во всяком случае настаивать на включении в нашу зону Урмийского округа и Битлисских проходов, предоставив французам некоторые вознаграждения в Малой Армении в районе треугольника Сивас — Харпут — Кесария...»⁶⁷. Последний вариант в конечном счете и лег в основу соглашения России с Францией и Англией о разграничении их будущих владений в Азиатской Турции. Получив согласие французского правительства на включение в русскую зону Битлисских проходов и области Урумийского озера взамен территории Малой Армении, ограниченной треугольником Сивас — Харпут — Кесария (Кайсари)⁶⁸, Сазонов 17 (30) марта поставил вопрос о разделе Азиатской Турции на обсуждение особого совещания. Граница между русскими и французскими владениями здесь не встретила возражений. Обсуждению подвергся главным образом вопрос о западной границе русской зоны. Морской министр настойчиво требовал включения в русскую зону Синопа. Вследствие этого на втором заседании особого совещания 28 марта (10 апреля) Сазонов «обещал свое содействие к удовлетворению пожеланий морского ведомства»⁶⁹.

Соглашение между Россией и Францией о разделе Азиатской Турции было заключено 13 (26) апреля 1916 г. По этому соглашению Россия получала «области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда». Кроме того, ей отдавалась часть Курдистана, «расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией», которая по плану Сайкса — Пико предназначалась Франции. Взамен этого Франция получила обусловленную часть Малой Армении⁷⁰. 26 апреля (9 мая) и 3 (16) мая 1916 г. состоялось соглашение между Францией и Англией «соглашение Сайкса — Пико». 17 (30) мая 1916 г. Англия присоединилась к франко-русскому соглашению о разделе Азиатской Турции⁷¹. В дальнейшем Италия, присоединившись к этим соглашениям, также получила свою долю добычи (часть западной и юго-западной Анатолии).

Соглашение
с Францией
о целях войны.

Соглашение России с Францией о целях войны, заключенное в феврале 1917 г., явилось последним из целой серии соглашений между Россией и ее союзниками о разделе будущей добычи. По мере приближения конца войны французские правящие круги все более опасались, как бы Англия не помешала осуществлению их территориальных претензий к Германии. Они решили в обмен на обещание по вопросу о Константинополе и проливах, данное ими России еще в 1915 г., заручиться ее поддержкой своих планов в Европе. В январе 1917 г., во время межсоюзнической конференции в Петрограде, глава французской делегации Думерг в беседах с руководителями внешней политики царской России «сообщил о желании Франции обеспечить себе,

План раздела Турецкой империи в период первой мировой войны.

по окончании нынешней войны, возвращение Эльзаса и Лотарингии и особое положение в долине реки Саар, а равно достигнуть политического отделения от Германии ее зарейнских областей и устройства последних на особых началах, дабы река Рейн явилась на будущее время прочной стратегической границей против германского вторжения». При этом Думерг «выразил надежду, что русское правительство не откажет оформить свое согласие на эти предположения». Однако руководители внешней политики царской России не собирались платить за то, что было уже оплачено. Они заявили, что, «предоставляя Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии, Россия рассчитывает, что, в свою очередь, союзники предоставят ей равную свободу в ее разграничении с Германией и Австро-Венгрией»⁷². По этому поводу генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции Ж. Камбон в беседе с Извольским не удержался от упреков, заявив, что, когда русские добились присуждения им Константинополя, «французское правительство не потребовало формального закрепления прав Франции на Эльзас и Лотарингию». Но Извольский «не преминул ответить Камбону, что компенсацией за Константинополь и проливы по требованию французского правительства являлись известные районы Азиатской Турции и что с французской стороны никогда не оспаривался параллелизм между вопросами о восточных границах Франции и западных границах России»⁷³.

Несмотря на возникшие трения, соглашение все же состоялось. 1 (14) февраля 1917 г. министр иностранных дел царской России Н. Н. Покровский в памятной записке на имя французского посла в Петрограде выразил согласие на «французские предложения относительно определения западных границ Германии». Со своей стороны министр иностранных дел Франции Бриан 26 февраля (11 марта) 1917 г. нотой, адресованной русскому послу в Париже, сообщил о том, что французское правительство «признает за Россией полную свободу в определении ее западных границ»⁷⁴.

§ 4. ДВА ЗАГОВОРА

Назревание революции в России.

Первая мировая война принесла неисчислимые бедствия трудящимся. 8,7 млн. убитых, инвалидов и больных — таковы были печальные итоги участия России в этой войне.

С каждым годом войны усиливалась разруха, охватившая все отрасли народного хозяйства России. Не справлялся с перевозками железнодорожный транспорт. Из-за отсутствия топлива и сырья закрывались фабрики и заводы. Сильнейшее расстройство переживало сельское хозяйство. Резко упали сборы хлебов. Уже с 1915 г. в стране начался продовольственный кризис. Угроза

голода нависла над Россией. Нужда и бедствия народных масс обострились до предела.

Надежды правящих кругов царской России на то, что война поможет им выбраться из внутривластного кризиса, не оправдались. Наоборот, война ускорила назревание новой революции в стране. Спад стачечного движения, наблюдавшийся в начале войны, был кратковременным. В. И. Ленин указывал, что «в общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма» *.

**Борьба
большевиков
против империали-
стической войны.**

В этом была огромная заслуга большевистской партии, единственной партии, оставшейся в годы войны верной делу социалистической революции и международной пролетарской солидарности. В трудных условиях военного времени большевистская партия смело выступила против империалистической войны, выдвинув лозунг превращения ее в войну гражданскую. На фронте и в тылу большевики вели разъяснительную работу. Они возглавляли стачечную борьбу пролетариата.

Под руководством большевиков революционное движение в стране приобретало все более и более широкий размах. В 1915 г. в стачках участвовало свыше 500 тыс. рабочих, а в следующем году — уже более миллиона. Обострилась классовая борьба в деревне, усилилось национально-освободительное движение на окраинах России. Революционное брожение охватило главную опору самодержавия — царскую армию. Почва горела под ногами российских помещиков и капиталистов.

**Нарушение
единения
буржуазии
и царизма.**

Буржуазия с восторгом встретила войну. Буржуазно-помещичьи партии заявляли о своем «единении» с царем. Буржуазия устраивала «патриотические» демонстрации, посылала царю верноподданические телеграммы. На заседании Государственной думы 26 июля (8 августа) 1914 г. лидеры всех партийных группировок, от черносотенцев до эсеров, выступили с заявлениями о своем стремлении, забыв «внутренние распри» и «партийные счеты», сплотиться вокруг царя для успешного ведения войны. Лидер кадетов Милюков, выступая с думской трибуны, заявил: «Только в результате войны должно наступить окончательное разрешение нашей вековой национальной задачи: выхода к свободному морю». Ради этого он призывал не выставлять на первый план «жгучие вопросы нашей внутренней жизни».

Война принесла российской буржуазии баснословные прибыли. Даже по официальным данным, Общество Тульских медно-прокатных и патронных заводов в 1916 г. получило чистой прибыли 15,5 млн. руб., что составило 250% на акционерный ка-

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 289.

питал. На Никольской мануфактуре Саввы Морозова чистая прибыль в 1916 г. была равна 12 млн. руб. (80% на акционерный капитал).

В условиях войны еще более усилились экономические позиции буржуазии. Буржуазия стремилась взять в свои руки распределение военных заказов и руководство военно-экономической мобилизацией тыла. В первые же дни войны возникли все-российские организации либеральной буржуазии — союзы земств и городов, которые первоначально занялись организацией помощи раненым и больным воинам (оборудование госпиталей и санитарных поездов, заготовка медикаментов и пр.), а затем (с 1915 г.) взяли на себя мобилизацию мелкой кустарной промышленности для снабжения армии военным снаряжением. В мае 1915 г. на Всероссийском съезде представителей торговли и промышленности было решено для обеспечения армии боеприпасами и военным снаряжением создать в важнейших промышленных районах страны специальные военно-промышленные комитеты. Председателем Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) был избран лидер октябристов Гучков, в его состав вошли такие магнаты русской промышленности, как Рябушинский, Нобель, Терещенко и др.

Практические результаты деятельности военно-промышленных комитетов и союзов земств и городов в деле приспособления русской промышленности для удовлетворения военных нужд были незначительны. Но эти организации сыграли важную роль в политической консолидации буржуазии в годы войны.

Поражения русской армии на фронтах войны в 1915 г. и рост революционного движения в стране вызвали трещину в единении буржуазии и царизма. Как заявил Милюков, выступая 19 июля (1 августа) 1915 г. в Государственной думе, «чувство высокого патриотического порыва» у русской буржуазии сменилось «чувством патриотической тревоги».

Русская буржуазия была недовольна тем, как царизм ведет войну. Буржуазные газеты взяли под обстрел некоторых царских министров. Особое возмущение вызвала у буржуазии бездеятельность военного министра Сухомлинова. Николай II сделал попытку ликвидировать назревавший конфликт, бросив поддачку буржуазии. В июле 1915 г. некоторые министры, вызывавшие наибольшее недовольство, были уволены в отставку. В частности, Сухомлинова на посту военного министра сменил Поливанов, более популярный в буржуазных кругах. Кроме того, уступая требованиям буржуазии, царь решил созвать Государственную думу. Но эти уступки не удовлетворили русскую буржуазия. Она настаивала на том, чтобы ее поближе подпустили к государственной власти. На экстренном совещании представителей военно-промышленных комитетов в августе 1915 г. Рябушинский заявил: «Стране пора узнать, что мы бессильны что-

либо сделать при существующих к нам отношениях самого правительства, не стоящего на должной высоте. Мы вправе потребовать, чтобы нам была дана возможность работать, раз на нас взваливают эту ответственность... Мы должны обратить внимание на самое устройство правительственной власти, ибо власть не стоит на высоте положения».

Но русская буржуазия отнюдь не собиралась отстранять царизм от власти. Она стремилась к любовной сделке с царизмом. При этом требования буржуазии были очень скромными. Речь шла лишь о создании «министерства доверия», т. е. о назначении на некоторые министерские посты лиц, пользующихся доверием среди буржуазии. 13 (26) августа 1915 г. в газете Рябушинского «Утро России» был опубликован список лиц, которых буржуазия желала бы видеть в «министерстве доверия». В качестве премьер-министра там фигурировал октябрист Родзянко, министра иностранных дел — кадет Милюков.

На базе требования «министерства доверия» в августе 1915 г. произошло объединение буржуазно-помещичьих партий Государственной думы в так называемый «Прогрессивный блок». В него вошло почти три четверти депутатов: кадеты, прогрессисты, октябристы, часть националистов.

Николай II колебался. Царское правительство вступило в переговоры с «Прогрессивным блоком». Большинство министров высказывалось за соглашение с ним. Однако в дело вмешалось реакционное дворянство, не желавшее выпускать из своих рук политическую власть. «Мы вам России без борьбы не отдадим, мы поборемся», — заявил в совете старейшин Государственной думы черносотенец Марков 2-й. Председатель Совета объединенного дворянства Струков обратился к тогдашнему председателю Совета министров Горемыкину с письмом, в котором предостерегал царское правительство от политики уступок буржуазии. Черносотенная пресса открыла кампанию против Думы. Под давлением правых Николай II решил перейти в наступление на буржуазную оппозицию. Заподозрив своего дядю Николая Николаевича в сочувствии программе «Прогрессивного блока», царь 23 августа (1 сентября) 1915 г. сместил его с должности верховного главнокомандующего и назначил на этот пост самого себя. 3 (16) сентября 1915 г. были прерваны на неопределенный срок заседания Государственной думы⁷⁵.

Былое единение буржуазии и царизма оказалось нарушено. В результате в борьбе с надвигавшейся революцией в России эти главные контрреволюционные силы выступили разобщенно. И царизм и буржуазия, не видя спасения внутри страны, стремились найти опору за ее пределами. Но пути, которыми они шли, были различны, даже противоположны. Так возникли в России к концу 1916 — началу 1917 г. два заговора против революции.

**Заговор
самодержавия.**

Оценивая политическую ситуацию в России, В. И. Ленин в сентябре 1915 г. писал: «Перед нами ясная позиция монархии и крепостников-помещиков: «не отдать» Россию либеральной буржуазии; скорее сделка с монархией немецкой» *.

В начале 1916 г. председателем Совета министров вместо Горемыкина был назначен Б. В. Штюрмер, пользовавшийся репутацией германофила. С этого момента начинаются поиски путей для заключения сепаратного мира с Германией. В июле 1916 г. товарищ председателя Государственной думы октябрист А. Д. Протопопов, находясь проездом в Стокгольме, получил приглашение на «случайное» свидание с финансовым советником германской миссии Варбургом. Во время этого свидания германский дипломат изложил ему условия, на которых Германия была согласна заключить мир⁷⁶. Узнав об этом свидании, Николай II немедленно вызвал Протопопова к себе во дворец. Он остался «очень доволен» его докладом. Вскоре Протопопов был назначен министром внутренних дел.

Поскольку Сазонов являлся противником сепаратных переговоров с Германией, в июле 1916 г. он был уволен в отставку. Его портфель царь передал Штюрмеру. Однако сепаратным переговорам помешала сама Германия. 23 октября (5 ноября) 1916 г. она совместно с Австро-Венгрией опубликовала декларацию о создании «независимой» Польши под германским протекторатом.

1 (14) ноября 1916 г. Милюков, выступая в Думе, обвинил Штюрмера в измене. После скандальной сцены в Таврическом дворце царь вынужден был уволить Штюрмера в отставку. Председателем Совета министров он назначил крупного полтавского землевладельца А. Ф. Трепова, министром иностранных дел — Н. Н. Покровского.

В декабре правящая верхушка царской России приступила к непосредственной организации заговора. Решено было разогнать Думу, «обезвредить» левые группы и выйти из войны, заключив сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией. 13 (26) февраля 1917 г. министру иностранных дел Австро-Венгрии Чернину через представителя одной нейтральной державы было сделано предложение о заключении сепаратного мира с Россией. После того как он дал утвердительный ответ, было согласовано место встречи уполномоченных России и Австро-Венгрии. Одновременно через тетку Николая II герцогиню Кобургскую была сделана попытка установить контакт с германскими правящими кругами⁷⁷.

**Заговор
буржуазии.**

Иной путь избрала буржуазия. Стремясь предупредить революцию и спасти монархию, она задумала произвести дворцовый переворот с тем чтобы заменить Николая II более сговорчивым царем. Мысль о дворцовом перевороте возникла среди руководителей

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 346.

«Прогрессивного блока» еще осенью 1915 г. Но тогда буржуазия еще надеялась на то, что она договорится с царем. Однако эти надежды не оправдались. Отношения между буржуазией и царизмом все обострялись. Созванная 1 (14) ноября 1916 г. Государственная дума отказалась заниматься своими обычными делами и приступила к обсуждению политического положения в стране. Буржуазия требовала уже не «министерства доверия», а «ответственного министерства». От имени «Прогрессивного блока» октябрист Шидловский потребовал, чтобы царское правительство, не способное справиться с «грозящей опасностью», уступило свое место «лицам, объединенным одинаковым пониманием задач переживаемого момента и готовым в своей деятельности опираться на большинство Государственной думы и провести в жизнь его программу».

Не добившись от царя уступок, буржуазия начала подготовку дворцового переворота. Душой заговора был Гучков. Он составил «инициативную группу», которая занялась разработкой плана дворцового переворота. Как впоследствии сообщил Гучков на допросе организованной Временным правительством чрезвычайной следственной комиссии, заговорщики предполагали «захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при посредстве воинских частей, на которые здесь в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство»⁷⁸.

Готовя свой заговор, русская буржуазия рассчитывала на активную поддержку союзников по Антанте. Послы Англии и Франции Бьюкенен и Палеолог были в курсе подготовки дворцового переворота. «Дворцовый переворот, — вспоминал Бьюкенен в своих мемуарах, — обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты император и императрица или только последняя»⁷⁹.

В. И. Ленин, указывая на то, что англо-французские империалисты толкали Милюкова и Гучкова с К^о «к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны», писал: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго... с Вильгельмом II, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения Николая Романова*»^{*}.

^{*} В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 295—296.

Однако планам заговорщиков не суждено было осуществиться. Они были опрокинуты Февральской буржуазно-демократической революцией.

§ 5. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Двоевластие. В результате Февральской революции в России установилось двоевластие — своеобразное переплетение двух диктатур: диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих и крестьянских депутатов и диктатуры буржуазии в лице Временного правительства. Советы, опиравшиеся на огромное большинство трудящегося населения, вследствие преобладания мелкобуржуазных элементов в их составе оказались не в состоянии взять государственную власть в свои руки. Эсеро-меньшевистские лидеры Петроградского Совета вступили на путь соглашения с буржуазией. Ограничившись ролью наблюдателя, они добровольно уступили первенство буржуазному Временному правительству, в руках у которого сосредоточились все органы государственной власти.

Представляя интересы российской буржуазии и обуржуазившихся помещиков, министры Временного правительства были в то же время *«связаны англо-французским капиталом»* *. Ему Временное правительство в большой мере было обязано своим существованием. «Питерские рабочие, как и рабочие всей России, — писал В. И. Ленин, — самоотверженно боролись против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, *за мир*, против империалистской бойни. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, **ковал** дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал *совсем готовое новое правительство*, которое и *захватило власть* после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму» **.

Но осуществлять свою власть Временное правительство было бессильно без поддержки Советов. Все это обуславливало неустойчивость положения Временного правительства, постоянные колебания в его политике.

Министром иностранных дел во Временном правительстве стал лидер кадетов П. Н. Милюков, давно уже специализирующийся на выступлениях по вопросам внешней политики. Приход его на пост министра не вызвал каких-либо изменений в аппарате министерства иностранных дел. Товарищем министра продолжал оставаться А. А. Нератов. Сообщая телеграммой от 4(17) марта 1917 г. российским дипломатическим представителям при союзных державах об образовании Временного прави-

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 326.

** В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 297.

тельства, Милюков подчеркивал, что оно «будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом». Указывая на то, что Россия «бок о бок» со своими союзниками «будет сражаться с общим врагом до конца, непоколебимо и неутомимо», Милюков писал: «Правительство, членом которого я являюсь, посвятит всю свою энергию достижению победы и приложит все усилия к исправлению в возможно короткий срок ошибок прошлого, которые могли парализовать до сего времени порыв и дух самопожертвования русского народа»⁸⁰.

Однако союзники России не спешили с признанием Временного правительства. Послы Франции и Англии в Петрограде потребовали, чтобы Временное правительство сделало публичное заявление о своей верности союзникам и намерении продолжать войну до победного конца. Особенно настаивал на этом Палеолог.

7(20) марта 1917 г. было опубликовано принятое накануне Временным правительством обращение к населению России. «Правительство...— говорилось в этом обращении, — приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца. Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные союзниками соглашения»⁸¹.

В тот же день Временное правительство постаралось на деле продемонстрировать свою верность прежним обязательствам и готовность идти ради союзников на жертвы за счет русского народа. Рассмотрев на своем заседании вопрос «о возможных затруднениях» в осуществлении обещанной царским правительством отправки в Англию 50 миллионов пудов пшеницы, оно постановило: «Принять все меры к возможному выполнению [этого] обязательства»⁸².

9(22) марта было выпущено новое обращение, в котором Временное правительство, призывая войска и население объединиться вокруг него, заявляло о том, что оно «положит все силы» для победы над Германией⁸³.

В этот день послы США, Англии и Италии заявили, наконец, о признании Временного правительства. Вскоре последовало признание и со стороны Франции⁸⁴. Однако заявления Временного правительства, успокоившие правящие круги держав Антанты, вызвали глубокое возмущение среди русских солдат и рабочих. В войсках столичного гарнизона начались митинги протеста. 11 (24) марта на Петроградской стороне состоялся митинг, в котором приняло участие 1500 человек. На митинге было принято решение предложить Совету немедленно обратиться к международной, в особенности к германской и австрийской, демократии с призывом заставить свои правительства заключить мир. На следующий день 12(25) марта произошло огромное собрание на Ижорском заводе, которое также предложило Совету обра-

тяться к рабочему классу воюющих стран с призывом восстать против своих правительств и заключить мир⁸⁵.

Под давлением массового движения Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов 14 (27) марта издал воззвание «К народам всего мира». Совет призывал народы, «истребляемые и разоряемые чудовишной войной», «начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран» и «взять в свои руки решение вопроса о мире и войне». Но вместе с тем в воззвании Совета подчеркивалось: «Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой»⁸⁶. Написанное эсеро-меньшевистскими лидерами, это воззвание содержало в себе, по словам В. И. Ленина, «величайшую теоретическую путаницу»*. Обращаясь к его авторам, В. И. Ленин в речи о войне на I Всероссийском съезде Советов говорил: «...Если вы говорите: «откажитесь служить орудием в руках ваших банкиров», а собственных банкиров пускаете в министерство и сажаете с министрами социалистами, вы превращаете все свои воззвания в ничто, всю свою политику на деле опровергаете»**.

Тем не менее, поскольку воззвание Петроградского Совета содержало призыв к борьбе против захватных стремлений правительств, оно вызвало беспокойство среди политических руководителей держав Антанты. Палеолог и Бьюкенен потребовали точного определения позиции Временного правительства. Милюков сделал попытку по-своему истолковать воззвание Совета. В беседе с корреспондентами 23 марта (5 апреля) он заявил: «Если мы, русские, претендуем на обладание Константинополем и проливами, то этим мы ничуть не посягаем на национальные права Турции, и никто нам не вправе бросить упрек в захватных тенденциях. Обладание Царьградом всегда считалось исконной национальной задачей России»⁸⁷.

Лидеры Петроградского Совета испугались, как бы подобные откровенно империалистические «пояснения» членов Временного правительства не вызвали новых волнений. Они стали настаивать, чтобы Временное правительство обнародовало официальное заявление об отказе от завоевательных целей. Временному правительству пришлось уступить. 27 марта (9 апреля) оно одобрило текст декларации «О целях войны». В этот документ, мало чем отличавшийся от прежних заявлений Временного правительства, по требованию эсеро-меньшевистских руководителей Совета была включена следующая демагогическая фраза: «Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 16.

** Там же.

с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»⁸⁸.

Эсеры и меньшевики были очень довольны плодом своего творчества. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором преобладали представители меньшевиков и эсеров, в своей резолюции о войне от 30 марта (12 апреля) приветствовало декларацию Временного правительства как «важный шаг навстречу осуществлению демократических принципов в области внешней политики»⁸⁹. Что касается Милюкова, то он полагал, что декларация составлена «в таких выражениях, которые не исключали возможности его прежнего понимания задач внешней политики и не требовали от него никаких перемен в курсе этой политики»⁹⁰.

Декларация о целях войны от 27 марта (9 апреля) предназначалась Временным правительством для «внутреннего потребления». Оно не сочло нужным официально сообщить ее текст союзным державам. Однако, вопреки желанию Временного правительства, его декларация вызвала оживленные отклики за границей. Причем в правящих кругах Англии и Франции она была встречена весьма неодобрительно. Политические руководители держав Антанты опасались, как бы отказ России от территориальных приобретений не послужил «плохим примером» и не взорвал всей системы империалистических договоров о дележе будущей добычи, заключенных в годы войны. Обращая внимание Милюкова на то, что правительство и печать Англии усматривают в декларации Временного правительства от 27 марта (9 апреля) «отказ от прав на Константинополь и иные территориальные приобретения, выговоренные соглашением, и указание на готовность России заключить «мир без аннексий», русский поверенный в делах в Лондоне писал: «Между тем представляется несомненным, что ни Англия, ни Франция, ни Италия не могут принять этого принципа и отказаться от сохранения за собою земель, уже завоеванных, или тех, которые они хотели оставить за собой по мирному договору»⁹¹. Крайне недовольные декларацией Временного правительства, государственные деятели Англии стали задерживать кредиты и поставки России.

А в Петрограде в это время представители Совета заседали на Милюкова, настаивая на «превращении изданного правительством воззвания к гражданам о целях войны в дипломатический документ, который бы послужил поводом к пересмотру взглядов союзников на задачи войны»⁹². Милюков оказался между двух огней. Выход ему подсказал французский министр-«социалист» Альбер Тома, только что прибывший в Россию. Он посоветовал Милюкову передать декларацию Временного правительства

союзным державам, снабдив ее сопроводительной нотой, в которой Временное правительство заявило бы, что «оно уважает унаследованные им обязательства и ввиду этого решило продолжать войну до победы»⁹³. Таким образом и требования Совета формально оказались бы выполнены и желания союзников были бы удовлетворены.

18 апреля (1 мая) текст декларации был официально передан союзным державам. В сопроводительной ноте Милюков писал: «...Заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе». Утверждая, что «всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось», он заверял правительства союзных держав в том, что Временное правительство «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников»⁹⁴.

Разоблачение большевиками внешней политики Временного правительства. Апрельский кризис.

Еще в «Письмах из далека», присланных В. И. Лениным из Швейцарии и опубликованных 21 и 22 марта (3 и 4 апреля) в газете «Правда», он дал исчерпывающий анализ классовой природы Временного правительства. Разоблачая буржуазный характер нового правительства, В. И. Ленин указывал, что от него было бы напрасно ждать удовлетворения народных чаяний. «Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых, — писал он, — *не может*, — даже если бы оно искренно хотело этого (об искренности Гучкова и Львова могут думать лишь младенцы), — *не может* дать народу *ни мира, ни хлеба, ни свободы*. Мира — потому, что оно есть правительство войны, правительство продолжения империалистской бойни, правительство *грабежа*, желающее грабить Армению, Галицию, Турцию, отнимать Константинополь, снова завоевать Польшу, Курляндию, Литовский край и т. д. Это правительство связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом. Русский капитал есть отделение всемирной «фирмы», ворочающей *сотнями миллиардов* рублей и носящей название: «Англия и Франция». Хлеба — потому, что это правительство буржуазное. В *лучшем* случае оно даст народу, как дала Германия, «гениально организованный голод»... Свободы — потому, что это правительство помещичье-капиталистическое, *боящееся* народа и уже начавшее *сделки* с романовской династией»^{*}.

Возвратившись 3(16) апреля в Петроград, В. И. Ленин в своих Апрельских тезисах выдвинул лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству». Он указал на то, что «в силу капиталистического характера» Временного правительства вой-

^{*} В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 300.

на со стороны России «безусловно остается грабительской империалистской войной». Он призвал большевиков разъяснять народным массам полную лживость всех обещаний Временного правительства, «особенно относительно отказа от аннексий»*.

В последующие дни на страницах «Правды» В. И. Ленин неоднократно разоблачал империалистическую сущность внешней политики Временного правительства. В статье «Война и Временное правительство», напечатанной в «Правде» 13(26) апреля, обращая внимание на заявление Милюкова относительно того, что, «как бы ни относиться к лозунгу «мир без аннексий», нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы», В. И. Ленин писал: «Рабочих и солдат кормят общими фразами о мире без аннексий, а под сурдинку проводится политика, выгодная только кучке миллионеров, наживающихся на войне»**.

В брошюре В. И. Ленина «Задачи пролетариата в нашей революции» специальный раздел был посвящен внешней политике Временного правительства. «Подчиненное интересам русского капитала и его могучего покровителя и хозяина, богатейшего во всем мире англо-французского империалистского капитала, новое правительство, вопреки пожеланиям, высказанным самым определенным образом от имени несомненного большинства народов России, через Совет солдатских и рабочих депутатов, не сделало никаких реальных шагов к прекращению бойни народов из-за интересов капиталистов. Оно не опубликовало даже тех тайных договоров заведомо грабительского содержания (о разделе Персии, о грабеже Китая, о грабеже Турции, о разделе Австрии, об отнятии Восточной Пруссии, об отнятии немецких колоний и т. д.), которые заведомо связывают Россию с англо-французским империалистским грабительским капиталом. Оно *подтвердило* эти договоры, заключенные царизмом, который в течение веков грабил и угнетал больше народов, чем другие тираны и деспоты, — царизмом, который не только угнетал, но и позорил и развращал великорусский народ, превращая его в палача других народов»***.

14(27) апреля собралась Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). В. И. Ленин выступил на ней с докладом о текущем моменте и об отношении к Временному правительству. Конференция одобрила Апрельские тезисы В. И. Ленина и приняла резолюции, выработанные на их основе****.

Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) не закончила еще своей работы, когда 20 апреля (3 мая) была опубликована в газетах «нота Милюкова». По словам В. И. Ленина «эта нота произвела впечатление разорвавшейся бомбы»*****.

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 24, стр. 3—4.

** Там же, стр. 87—89.

*** Там же, стр. 38—39.

**** Там же, стр. 113—137.

***** Там же, стр. 154.

К Мариинскому дворцу, где находилось правительство, двинулись выразить свой протест солдаты и рабочие. Демонстранты заполнили улицы столицы. Они несли лозунги: «Долой Милюкова!», «Долой войну!», «Мир без аннексий и контрибуций!». «Вся власть Советам!». На многих промышленных предприятиях Петрограда происходили митинги протеста против империалистической политики Временного правительства⁹⁵.

Перепуганные эсеро-меньшевистские лидеры собрали экстренное заседание Совета. По их предложению, делегаты «разъехали по своим районам, чтобы успокоить их»⁹⁶. Однако возбуждение продолжало нарастать. Во главе стихийного движения масс встали большевики. Утром 20 апреля (3 мая) Центральный Комитет РСДРП(б), по предложению В. И. Ленина, принял решение разъяснять массам, что «Временное правительство *не может* отказаться от аннексий — независимо от того, каков будет личный состав его». Поэтому личные перетасовки (отставка Милюкова и т. п.) не приведут к изменению политики Временного правительства. «Только взявши — при поддержке большинства народа — всю государственную власть в свои руки, революционный пролетариат совместно с революционными солдатами, в лице Советов рабочих и солдатских депутатов создаст такое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно в состоянии быстро закончить войну истинно-демократическим миром»*. По призыву большевиков 21 апреля (4 мая) рабочие прекратили работу и вышли на демонстрацию с требованием мира. В демонстрации приняло участие свыше 100 тыс. человек.

Временное правительство вынуждено было выступить 21 апреля (4 мая) с «разъяснением» ноты Милюкова. Признав это «разъяснение» удовлетворительным, Петроградский Совет в тот же день запретил на два дня «всякие уличные митинги и манифестации»⁹⁷.

Апрельский кризис наглядно продемонстрировал шаткость положения Временного правительства. Кризис показал, что оно не имеет никакой опоры в массах. Лишь открытый переход эсеров и меньшевиков на сторону буржуазии спас Временное правительство. Стремясь укрепить положение Временного правительства, буржуазия решила расширить его социальную базу за счет приглашения на министерские посты представителей мелкой буржуазии — эсеров и меньшевиков. 5(18) мая было создано так называемое «коалиционное правительство», в состав которого наряду с 10 министрами-капиталистами вошли министры-соглашатели из числа эсеро-меньшевистских вождей. Эта коалиция явилась выражением блока между крупной и мелкой буржуазией.

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 24, стр. 155—156.

В коалиционное правительство Милюков не попал. Его фигура, после сделанных им заявлений, была слишком одиозной. Портфель министра иностранных дел достался миллионеру-сахарозаводчику М. И. Терещенко. Качества делового человека у нового министра сочетались с завидной гибкостью. Управляющий делами Временного правительства кадет В. Д. Набоков писал о Терещенко: «В своей деятельности как министр иностранных дел он задался целью следовать политике Милюкова, но так, чтобы Совет рабочих депутатов ему не мешал. Он хотел всех надуть»⁹⁸.

Декларация первого коалиционного Временного правительства содержала немало громких фраз. В ней говорилось об утверждении «демократических начал» во внутренней и внешней политике России, о стремлении Временного правительства к достижению «всеобщего мира», «мира без аннексий и контрибуций». Но при этом Временное правительство не забыло выразить уверенность в том, «что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на Западе»⁹⁹. Характер внешней политики Временного правительства оставался прежним. Однако свою империалистическую программу коалиционное правительство попыталось замаскировать демагогической фразеологией. На словах — разговоры о мире, на деле — активизация военных усилий — такова была суть политики «обновленного» кабинета.

В то время как министр иностранных дел Терещенко произносил красивые фразы о стремлении России «к достижению всеобщего мира на основаниях, исключаяющих всякое насилие»¹⁰⁰, военный министр Керенский готовил новое наступление на русском фронте. Этого наступления давно требовали западные союзники. Апрельское наступление союзных армий на Западном фронте провалилось. Союзники понесли огромные потери, но не достигли успеха. С тем большей настойчивостью они стали добиваться наступления русской армии. Из Франции был направлен в Россию «для воздействия на здешнее общественное мнение в смысле необходимости довести войну до конца» А. Тома¹⁰¹. Англичане нажимали на Временное правительство экономически. «Здесь утратили веру в то, что Россия способна оказать содействие... — телеграфировал из Лондона российский поверенный в делах. — Вот причина того, что никакие представления о необходимости для нас новых многомиллионных кредитов не в силах убедить здешнее правительство... И пока Россия не явит на деле доказательства того, что наша армия по-прежнему способна на подвиг и победу и к ним стремится, до тех пор никакие слова не восстановят поколебленной веры в боевую мощь России и в прочность нового строя»¹⁰². Английский посол в Петрограде Бьюкенен доказывал министрам Временного правительства, что, «чем скорее начнутся военные действия, тем лучше бу-

дет для внутреннего положения»¹⁰³. Русская буржуазия и сама видела в наступлении единственный путь к спасению. В случае успеха наступления она надеялась в обстановке патриотического угара укрепить свои позиции и перейти в наступление на революцию. Если бы наступление кончилось неудачей, буржуазия предполагала, обвинив большевиков в разложении армии, разгромить большевистскую партию.

В подготовке наступления важная роль принадлежала меньшевикам и эсерам. Без их поддержки буржуазия была бессильна заставить армию наступать. Эсеро-меньшевистские лидеры оказались, как указывал В. И. Ленин, перед выбором: либо «за немедленное наступление — это значит за продолжение империалистской войны..., за оживление и укрепление контрреволюции...», либо «против немедленного наступления — это значит за переход всей власти к Советам, за пробуждение революционного почина угнетенных классов, за *немедленное* предложение угнетенными классами *всех* стран «мира без аннексий»...»*. Эсеры и меньшевики избрали первый путь. Благодаря их активной помощи бывшим царским генералам удалось двинуть войска Юго-Западного фронта в наступление. Однако это наступление, начавшееся 18 июня (1 июля), закончилось провалом. Оно было плохо подготовлено. Не хватало патронов. В результате русские войска понесли очень тяжелые потери. За десять дней боев армии Юго-Западного фронта потеряли 60 тыс. человек. Солдаты не хотели проливать кровь ради обеспечения интересов русской буржуазии и ее западных союзников. Многие части организовано, в полном составе покидали фронт.

На известие о неудаче наступления рабочий класс Петрограда ответил 4(17) июля 500-тысячной демонстрацией под лозунгом «Вся власть Советам!». В этих условиях «вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции»**. Двоевластие окончилось.

Наступление на революцию.

Захватив в свои руки всю полноту власти, буржуазия перешла в наступление на революцию. Она решила «костлявой рукой голода» задуть революционное движение в стране¹⁰⁴. Предприниматели стали устраивать массовые локауты (увольнения рабочих), закрывая заводы и фабрики. Они срывали снабжение городов продовольствием. Угроза страшной экономической катастрофы нависла над Россией. «Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 34.

** Там же, стр. 158.

республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков», — писал В. И. Ленин в своей знаменитой работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»*.

В условиях единовластия буржуазии Временное правительство пошло на открытый сговор со своими западными союзниками в целях подавления революции в России. Ради получения помощи извне оно беззастенчиво разбазаривало национальное достояние, обрекая народы России на голод, нищету и колониальное рабство. В то время как страна испытывала острый недостаток в продуктах питания, Временное правительство принимало все меры для того, чтобы обеспечить вывоз хлеба во Францию и Англию¹⁰⁵. Никогда еще российская буржуазия не проявляла такого низкопоклонства перед западным капиталом, как в это время. В сентябре 1917 г. до Терещенко дошли слухи о том, что на одной из межсоюзнических конференций было достигнуто соглашение о разделе между Францией, Англией и США сфер влияния в России. Причем союзники не сочли нужным даже поставить в известность об этом Временное правительство. Как же реагировал на такой беспрецедентный факт министр иностранных дел Временного правительства? Он написал в Париж и Лондон письма, в которых, отмечая, что вопрос о дальнейшей материальной помощи союзников имеет «громданный интерес», выражал готовность «пойти навстречу союзникам, взяв на себя почин предложения им более активного, чем до сих пор, участия в организации нашей промышленности и транспорта»¹⁰⁶.

В Петроград устремились различные «миссии» союзников. В сентябре прибыла французская военная миссия с целью «реорганизовать русскую армию, если это возможно». За ней последовала английская миссия для реорганизации флота¹⁰⁷. Особенно важную роль в оказании помощи русской контрреволюции играли США. Разоблачая эту роль, И. В. Сталин в статье «Американские миллиарды», опубликованной 19 августа (1 сентября) в газете «Пролетарий», писал: «Американская империалистическая буржуазия, финансирующая коалицию русской империалистической буржуазии (Милюков!), военщины (Керенский!) и мелкобуржуазных верхов, лакейски служащих «живыми силами» России (Церетели!) — вот она, картина нынешнего положения»**.

Правящие круги США не ограничивались тем, что давали Временному правительству деньги на подавление революции в России. 31 мая (13 июня) 1917 г. в Петроград прибыла специальная американская дипломатическая миссия во главе с

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 299.

** И. В. Сталин, Сочинения, т. 3, стр. 234.

бывшим государственным секретарем США сенатором Рутом. Как сообщала газета «Нью-Йорк таймс», целью миссии Рута было «спасение России для дела Антанты». Пока сам Рут вел переговоры с министрами Временного правительства, добиваясь за оказание финансовой помощи предоставления широких привилегий американским предпринимателям в Донбассе и Сибири, члены его миссии развернули активную деятельность. Генерал Скотт ознакомился с состоянием русской армии и посетил ставку, адмирал Гленном осматривал военные суда, вице-президент Американской федерации труда Дункан и журналист Рассэл установили контакт с эсеров-меньшевистскими лидерами¹⁰⁸.

Одновременно с миссией Рута в Петроград прибыла американская железнодорожная миссия, а несколько позднее — миссия Красного Креста. Однако Красный Крест в данном случае служил лишь вывеской. Эта миссия меньше всего стремилась к оказанию помощи раненым и больным. Главной ее задачей было финансирование контрреволюционных сил¹⁰⁹.

Активное участие приняли дипломатические и военные представители США, Франции и Англии в России в подготовке корниловского мятежа в августе 1917 г. «Все мои симпатии были на стороне Корнилова», — признался в своих воспоминаниях Бьюкенен¹¹⁰. С его ведома английские броневики приняли участие в походе Корнилова на столицу. По словам американской журналистки Флоренс Гарпер, когда Корнилов двинулся на Петроград, многие иностранцы собрались в гостинице «Астория», где в это время находился штаб контрреволюционных сил. «Мы считали, — пишет Гарпер, — что было бы великолепно, если бы Корнилов имел успех. Мы надеялись и молились за это». Сообщение о провале корниловского мятежа было воспринято «с ужасом». «Мы все знали, — заключает американская журналистка, — что это был последний шанс»¹¹¹.

Крах. В результате разгрома корниловского мятежа обстановка в стране коренным образом изменилась. Началась полоса большевизации Советов. Пролетариат, руководимый большевистской партией, активизировал свою борьбу. На сторону пролетариата повернули широкие массы крестьянства. «За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами *большинство* народа...», — писал В. И. Ленин в середине сентября 1917 г. *.

Союзники с беспокойством следили за событиями в России. 26 сентября (9 октября) послы Англии, Франции и Италии в Петрограде явились к председателю Временного правительства Керенскому. Бьюкенен от имени всех трех вручил ему коллективную ноту, где союзные державы, ссылаясь на «общественное мнение», которое «может потребовать... отчета за материальную помощь, оказанную ими России», выражали «опасение в силе

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 6.

сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну». «Русскому правительству, — говорилось в ноте, — надлежит доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу. Союзные правительства выражают в заключение надежду, что русское правительство выполнит эту задачу, обеспечив себе таким путем полную поддержку союзников»¹¹².

Но Временное правительство было бессильно справиться с положением в стране. В поисках спасения правительство Керенского «составило заговор с англо-французскими империалистами об отдаче немцам Питера для подавления революции таким способом» *. 4(17) октября Временное правительство приняло решение бежать из революционного Петрограда в Москву. 9(22) октября был опубликован приказ штаба Петроградского военного округа о выводе войск из столицы.

Великая Октябрьская социалистическая революция опередила этот заговор. Она навсегда покончила с захватнической, контрреволюционной политикой российских помещиков и капиталистов, открыв новую эру в истории международных отношений и внешней политике нашей страны. Первым внешнеполитическим актом Советской России был декрет о мире.

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 120.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

1. «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», М., 1952 (В дальнейшем: Сб. договоров), стр. 126—127.

2. Там же, стр. 228—233, 238.

3. В марте 1885 г., в результате вооруженного столкновения русских и афганских войск при Ташкепри (севернее Кушки), Россия оказалась, по словам В. И. Ленина, «на волосок от войны с Англией» (В. И. Ленин, Тетради по империализму, 1939, стр. 620). Хотя 29 августа (10 сентября) 1885 г. Россия и Англия заключили соглашение об афганском разграничении, отношения между ними продолжали оставаться напряженными. Лишь 10(22) июня 1887 г., в результате работ англо-русской разграничительной комиссии, был подписан протокол, окончательно определивший границу между Россией и Афганистаном.

4. Сб. договоров, стр. 267—270. О русско-германских переговорах, предшествовавших подписанию договора 1887 г., см.: «Дневник В. Н. Ламсдорфа (1886—1890)», М.—Л., 1926, стр. 30—39; В. М. Хвостов, Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г. (к предыстории франко-русского союза), «Исторические записки», т. 18, стр. 201—254.

5. О русско-германских торговых противоречиях см.: П. И. Лященко, Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с налоговым обложением, Пг., 1915; С. А. Покровский, Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, М., 1947.

6. Сб. договоров, стр. 277—283. Экономические и политические основы франко-русского союза хорошо освещены в монографии А. З. Манфреда «Внешняя политика Франции 1871—1891 годов» (М., 1952).

Глава II

1. См. об этом: В. М. Хвостов, Ближневосточный кризис 1895—1897 гг., «Историк-марксист», 1929, т. 13, стр. 19—54

2. После смерти Н. К. Гирса в 1895 г. на пост министра иностранных дел России был назначен А. Б. Лобанов-Ростовский, которого в начале 1897 г. сменил М. Н. Муравьев.

3. Сб. договоров, стр. 329—332.

4. А. С. Ерусалимский, Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, М., 1951, стр. 498—499. См. также: Г. Л. Бондаревский, Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903), Ташкент, 1955.

5. «Красный архив», 1926, т. 5(18), стр. 10.

6. «Международные отношения в эпоху империализма» (в дальнейшем: М. О.), сер. II, т. 18, ч. I, стр. 1, прим. 2.

7. «Красный архив», 1933, т. 1(50), стр. 35—48.

8. «Красный архив», 1926, т. 5(18), стр. 29.

9. Там же, стр. 14.

10. О русско-английских противоречиях в Персии см.: Б. В. Ананьич, Из истории англо-русского соперничества в Персии накануне русско-японской войны (Персидский залив), «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», 1958, т. 194, стр. 229—264.
11. Б. А. Романов, Россия в Маньчжурии, Л., 1928, стр. 57—60.
12. Освещению борьбы капиталистических держав за раздел Китая и дальневосточной политики России посвящено фундаментальное исследование А. Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895» (М., 1956).
13. «Красный архив», 1932, т. 3(52), стр. 62—63.
14. С. Ю. Витте, Воспоминания, Л., 1924, т. I, стр. 35—39; «Красный архив», 1932, т. 3(52), стр. 71—79.
15. «Красный архив», 1932, т. 3(52), стр. 80—81.
16. См. публикацию документов: К истории первой Гаагской конференции 1899 г., «Красный архив», 1932, т. 1—2(50—51), стр. 64—96.
17. Сб. договоров, 319—321.
18. «Красный архив», 1932, т. 3(52), стр. 92.
19. Сб. договоров, стр. 292—294.
20. Там же, стр. 297—302.
21. Б. А. Романов, Россия в Маньчжурии, стр. 160 и сл.
22. Это соглашение зафиксировано в двух документах: в Сеульском меморандуме 2(14) мая 1896 г. и в Московском соглашении 28 мая (9 июня) 1896 г. См.: Сб. договоров, стр. 290—291, 295—296.
23. Б. А. Романов, Россия в Маньчжурии, стр. 226.
24. «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 37—39.
25. «Красный архив», 1932, т. 3(52), стр. 103—104.
26. О комбинации Витте и англо-русских переговорах см. более подробно: Б. А. Романов, Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907, М.—Л., 1955, стр. 68—87 Эта книга является лучшей среди исторических последований, освещающих внешнюю политику России накануне и в годы русско-японской войны.
27. Сб. договоров, стр. 309—312.
28. Там же, стр. 313—314.
29. Там же, стр. 315—318.
30. «Красный архив», 1926, т. 5(18), стр. 28.
31. Б. А. Романов, Россия в Маньчжурии, стр. 80.
32. Б. А. Романов, Россия в Маньчжурии, стр. 259—260; его же, Очерки..., стр. 122.
33. Подробнее см. об этом: Б. А. Романов, Очерки..., стр. 127—133, 151—153.
34. «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», М., 1926, № 39, Приложение.
35. Б. А. Романов, Очерки..., стр. 157.
36. Сб. договоров, стр. 322—323.
37. Там же, стр. 324—327.
38. Эти слова принадлежат одному из ближайших помощников Витте и ревностному проводнику его внешнеполитического курса на Дальнем Востоке, представителю российского министерства финансов в Пекине Покотилову.
39. О Безобразове и его «новом курсе» см.: Б. А. Романов, Очерки..., стр. 110—113, 207—208, 213—214, 220—234.

Глава III

1. «Красный архив», 1928, т. 3(28), стр. 191—204.
2. «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», М., 1926. (в дальнейшем «Русские финансы»), № 40; см. также: А. Л. Сидоров, Финансовое положение царского самодержавия в период русско-японской войны и первой русской революции, «Исторический архив», 1955, № 2.
3. «Красный архив», 1925, т. 4—5(11—12), стр. 422—423.
4. Б. А. Романов, Очерки..., стр. 412.
5. Там же, стр. 415.

6. Там же, стр. 416, прим. 3.
7. Подробнее см. об этом: А. Добров, Дальневосточная политика США в период русско-японской войны, 1952, стр. 286—291.
8. «Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора». 24 мая — 3 октября 1905 г., Спб., 1906, № 81.
9. Там же, № 83.
10. Там же, № 123, 124.
11. Там же, № 129.
12. Там же, № 131.
13. Там же, № 147—150.
14. Там же, № 171.
15. Текст мирного договора между Россией и Японией имеется в «Сборнике договоров России с другими государствами» (стр. 337—344). По истории Портсмутской конференции, кроме упомянутого выше «Сборника дипломатических документов...», см: Протоколы Портсмутской конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г., Спб., 1906; Коростовец И. Я., Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году (Дневник секретаря С. Ю. Витте), «Былое», Пг., 1918, № 1, стр. 177—220, № 2, стр. 110—146, № 3; стр. 58—85, № 12, стр. 154—182. Из исторических исследований, освещающих Портсмутскую конференцию, необходимо в первую очередь упомянуть «Очерки...» Б. А. Романова.
16. «Красный архив», 1925, т. 2(9), стр. 41—42.
17. О подготовке иностранного вооруженного вмешательства для подавления революции в России см.: П. В. Жогов, Революция 1905—1907 гг. в России и западноевропейские державы. Сб. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. I, М., 1955, стр. 190—239.
18. «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 122.
19. «Русские финансы», стр. 211.
20. В. Н. Кокоев, Из моего прошлого, Париж, 1933, т. 1, стр. 123.
21. «Русские финансы», стр. 283—284.
22. «Красный архив», 1930, т. 4—5, (41—42), стр. 14.
23. Там же, стр. 16.
24. Там же, стр. 12.
25. «Красный архив», 1931, т. 1(44), стр. 162.
26. История займа 1906 г. прекрасно отражена в документах, опубликованных в сборнике «Русские финансы». Кроме того, см.: С. Ю. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 174—198.

Глава IV

1. Э. М. Розенталь, Русско-французские дипломатические отношения в период русско-японской войны 1904—1905 гг. и Гулльский инцидент, «Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина», 1957, т. СII, стр. 274.
2. Э. М. Розенталь, Французская дипломатия и англо-русское сближение в 1906—1907 гг., «История СССР», 1958, № 5, стр. 126.
3. См. «Русские финансы», стр. 322—374.
4. См. «Красный архив», 1934, т. 2(63), стр. 3—54.
5. А. Ф. Остальцева, К вопросу об империалистических противоречиях между Англией и Россией во время заключения соглашения 1907 г., «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 4, стр. 147.
6. «Красный архив», 1933, т. 1(56), стр. 49—55.
7. Там же, стр. 55—56.
8. Там же, стр. 56—59.
9. А. Ф. Остальцева, К вопросу..., стр. 148.
10. Ж. Луи, Записки посла, М., 1925, стр. 29.
11. «Красный архив», 1933, т. 1(56), стр. 59—64.
12. И. В. Бестужев, Борьба классов и партий России по вопросам

внешней политики накануне Боснийского кризиса (1906—1908 гг.), «Исторические записки», т. 64, стр. 146.

13. А. Ф. Остальцева, К вопросу..., стр. 154.

14. «Красный архив», 1935, т. 2—3 (69—70), стр. 19—25.

15. См.: А. Ф. Остальцева, Англо-французское соглашение 1904 г. и англо-русские отношения, «Ученые записки Саратовского университета», т. XVI. Выпуск исторический, Саратов, 1958, стр. 245—247.

16. См. текст англо-русского соглашения 1907 года: «Сб. договоров», стр. 386—394.

17. А. Дж. П. Тэйлор, Борьба за господство в Европе, М., 1958, стр. 449.

18. Л. А. Нейман, Франко-русские отношения во время боснийского кризиса (1908—1909 гг.), «Французский ежегодник, 1958», М., 1959, стр. 376.

19. «Красный архив», 1935, т. 2—3 (69—70), стр. 25—32.

20. А. Дж. П. Тэйлор, указ. соч., стр. 450.

21. А. Ф. Остальцева, К вопросу..., стр. 157. Об освещении русской печатью переговоров между Россией и Англией см. упомянутую выше статью И. В. Бестужева.

22. Э. Д. Гримм, Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, М., 1927, стр. 168—170. Борьба между различными группировками правящих классов в России по вопросам дальневосточной политики самодержавия освещена в статье И. В. Бестужева.

23. Этот договор был подписан 16(29) октября 1907 г. (Сб. договоров, стр. 395—396). О свидании в Свинемюнде см: И. В. Бестужев, указ. статья стр. 150—151; А. Зайончковский, Подготовка России к мировой войне в международном отношении, Л., 1926, стр. 143—144.

24. «Красный архив», 1935, т. 2—3 (69—70), стр. 32—39.

25. Сб. договоров, стр. 329—332.

26. И. В. Бестужев, указ. статья, стр. 176.

27. С. Фей, Происхождение мировой войны, М., 1934, т. 1, стр. 260.

28. Там же, стр. 261, прим. 2.

29. «Вестник НКВД», 1919, № 1.

30. Речь Извольского в думе 27 февраля 1908 г. и ее обсуждение см: «Государственная дума. Стенографические отчеты», III созыв, 1908 год, сессия первая, часть II, Спб., 1908, ст. 119 и сл.

31. Там же, ст. 1763 и сл.

32. Напомню читателю, что по соглашению 1897 г. Россия и Австро-Венгрия, договорившись о поддержании status quo на Балканах, условились, что «установление нового порядка на Балканском полуострове даст повод в случае надобности к заключению особого соглашения между Австро-Венгрией и Россией». При этом министр иностранных дел Австро-Венгрии Голуховский считал необходимым заранее определить основы будущего соглашения. Он, в частности, предлагал признать, что вопрос «об обладании» Боснией, Герцеговиной и Ново-Базарским санджаком Австро-Венгрией «не может быть предметом какого-либо спора» и что Австро-Венгрия «сохраняет за собой возможность в надлежащий момент заменить существующее право оккупации и содержания гарнизонов правом аннексии». Однако министр иностранных дел России Муравьев отклонил это предложение. «...Мы считаем долгом заметить, — писал он в ответной ноте от 5(17) мая 1897 г. — что Берлинский трактат обеспечивает за Австро-Венгрией право военной оккупации Боснии и Герцеговины. Аннексия этих двух провинций подняла бы более широкую проблему, которая потребует специального рассмотрения в надлежащее время и в надлежащем месте. Что же касается Ново-Базарского санджака, то необходимо, кроме того, определить его границы, которые в действительности никогда не были достаточно точно установлены» (Сб. договоров, стр. 303—308).

33. А. Дж. П. Тэйлор, указ. соч., стр. 455.

34. «Красный архив», 1923, т. 4, стр. 128.

35. А. Зайончковский, указ. соч., стр. 162—164, 355—357.

36. Об австрийской версии переговоров в Бухлау см: «История дипломатии», т. 2, М., 1945, стр. 190—191.

37. А. З а й о н ч к о в с к и й, указ. соч., стр. 167—168, 357—358.
38. Т а м ж е, стр. 175—176.
39. О переговорах Извольского в Париже см: А. А. Н е й м а н, указ. статья, стр. 385—387.
40. С. Ф е й, указ. соч., т. 1, стр. 268.
41. Сб «Кто должник?», М., 1926, стр. 35.
42. Т а м ж е.
- 42а. «Государственная дума. Стенографические отчеты», III созыв, 1908 год, сессия вторая, часть I, Слб., 1908, ст. 2613—2704.
43. Л. А. Н е й м а н, указ. статья, стр. 401, 404. В этой статье хорошо освещена позиция Франции в период Боснийского кризиса
44. «История дипломатии», т. II, стр. 196—198; С. Ф е й, указ. соч., т. 1, стр. 274.
45. «Красный архив», 1925, т. 3(10), стр. 52.
46. А З а й о н ч к о в с к и й указ. соч., стр. 206.
47. Сб договоров, стр 402—404.
48. Э Д Г р и м м, Сборник..., стр. 176—177. О международных отношениях и внешней политике России на Дальнем Востоке от русско-японской до первой мировой войны см.: «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», М., 1956, стр. 199—247.
49. «Красный архив», 1933, т. 3(58), стр. 54.
50. Т а м ж е, стр. 52—57.
51. «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 5—7 (доклад Сазонова царю о переговорах в Потсдаме от 4(17) ноября 1910 г.).
52. А. Дж П Т э й л о р, указ. соч., стр. 468.
53. «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 7—8.
54. См. об этом: А. Е р у с а л и м с к и й, К истории Потсдамского соглашения 1911 г., «Красный архив», 1933, т. 3(58), стр. 49—50.
55. «Красный архив», 1923, г. 3, стр. 9—13.
56. С. Ф е й, указ. соч., т. 1, стр. 198.
57. А. Дж. П. Т э й л о р, указ. соч., стр 468.
58. «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 9.
59. «Красный архив», 1933, г. 3(58), стр. 50.
60. Сб договоров, стр. 405—407.
61. М. О., сер. II, т. 18, ч. 1, стр. 323.

Г л а в а V

1. М. О., сер. II, т. 19, ч. 2, стр. 71, прим. 1.
2. О подготовке Германии к войне см.: Н. Т. Ц а р е в, От Шлиффена до Гинденбурга, М., 1956, стр. 59—70.
3. «История дипломатии», т. 2, стр. 181.
4. «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», М., 1922, стр. 336
5. В. И. Б о в ы к и н, Из истории франко-русских отношений накануне первой мировой войны, «Исторические записки», т. 50, стр. 150. Бывшим русским военным агентом во Франции, впоследствии генералом-лейтенантом Советской Армии, А. А. Игнатьевым написаны воспоминания «50 лет в строю», выдержавшие целый ряд изданий.
6. Этот факт был впоследствии использован буржуазными историками для оправдания главных виновников войны — политических руководителей Германии, Англии и Франции.
7. Н. Т. Ц а р е в, указ соч., стр. 44.
8. См. об этом в работе Е. В. Т а р л е «Европа в эпоху империализма» (Е. В. Т а р л е, Сочинения, т. V, М., 1958, стр. 233—245).
9. «Промышленность и торговля», 1908, т. 12, стр. 588.
10. А. Д. Н о в и ч е в, Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937, стр. 231.
11. М. О., сер. II, т. 18, ч. 1, № 350.
12. Ю. Р а т и а н и, Агадирский кризис и позиция России, «Военно-исторический журнал», 1939, № 2, стр. 43—57.

13. М. О., сер. II, т. 18, ч. 1, № 359.
14. Там же, № 368.
15. Об Агадирском кризисе см.: А. А. Могилевич, М. Э. Айрапетян, На путях к мировой войне 1914—1918 гг., 1940, стр. 29—90.
16. И. С. Галкин, Демарш Чарыкова в 1911 г. и позиция европейских держав. Сб. «Из истории общественных движений и международных отношений», М., 1957, стр. 633.
17. «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 74.
18. М. О., сер. II, т. 18, ч. 1, стр. 305, прим. 6.
19. Там же, № 301.
20. М. О., сер. II, т. 18, ч. 2, № 497.
21. Там же, № 509.
22. Там же, № 531. Приложение.
23. Там же, № 585.
24. Там же, № 838.
25. Там же, № 550.
26. Там же, № 602.
27. Там же, № 778, 779.
28. И. С. Галкин, указ соч., стр. 650.
29. Там же.
30. М. О., сер. II, т. 19, ч. 1, стр. 112, прим. 4; см. также № 124 и приложение к нему
31. Там же, стр. 186.
32. Там же, стр. 173, прим. 2.
33. Текст сербско-болгарского договора и секретного приложения к нему имеется в Сб. договоров, стр. 458—469. О Балканском союзе см. И. С. Галкин, Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав, «Вестник Московского университета», 1956, № 4, стр. 9—40.
34. См.: В. И. Бовыкин, Русско-французские противоречия на Балканах и Ближнем Востоке накануне первой мировой войны, «Исторические записки», т. 59, стр. 91—93.
35. См. А. А. Могилевич, М. Э. Айрапетян, указ. соч., стр. 110—111.
36. «Русская мысль», 1912, № 12, стр. 157—158.
37. «Земщина», 23 сентября (6 октября) и 16 (29) октября 1912 г.
38. См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 384—390 («К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов»); А. Бадаев, Большевики в Государственной думе, изд. 8, 1954, стр. 66—73; Ф. Н. Самойлов, По следам минувшего, изд. 3, М., 1954, стр. 225—230.
39. А. Бадаев, Рабочий класс России в борьбе против империалистической войны, «Большевик», 1939, № 13, стр. 27.
40. См. статьи В. И. Ленина: «Конец войны Италии с Турцией» (т. 18, стр. 309—310), «Азартная игра» (т. 18, стр. 311—312), «Балканские народы и европейская дипломатия» (т. 18, стр. 320—321), «О лисе и курятнике» (т. 18, стр. 322—323), «Позорная резолюция» (т. 18, стр. 324—325), «Новая глава всемирной истории» (т. 18, стр. 340—341), «Кадеты и националисты» (т. 18, стр. 342—343). «Социальное значение сербско-болгарских побед» (т. 18, стр. 368—370), «Примирение» националистов с кадетами» (т. 18, стр. 409—410), «Балканская война и буржуазный шовинизм» (т. 19, стр. 19—20), «Кому выгодно?» (т. 19, стр. 33—34), «Буржуазия и мир» (т. 19, стр. 63—64), «Пробуждение Азии» (т. 19, стр. 65—66), «Вооружения и капитализм» (т. 19, стр. 83—84). «Отделение либерализма от демократии» (т. 19, стр. 269—271).
41. «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 51.
42. См.: В. И. Бовыкин, Русско-французские противоречия..., стр. 99—100.
43. Там же, стр. 101—104. Запись беседы Мильерана с Игнатьевым опубликована во многих работах: Е. И. Адамов, Вопрос о проливах и о Константинополе в международной политике в 1908—1917 гг., «Константинополь и проливы», т. 1, М., 1925, стр. 44; А. М. Зайончковский, Подготовка России к империалистической войне (планы войны), М., 1926,

стр. 179—180; Н. П. Полетика, Возникновение мировой войны, М., 1935, стр. 265; А. А. Могилевич, М. Э. Айрапетян, указ. соч., стр. 129; «История дипломатии», т. II, стр. 224—225. Рассказ об этой беседе читатель найдет и в воспоминаниях самого Игнатьева (т. I, М., 1950, стр. 501—502).

44. «Красный архив», 1924. т. 6, стр. 82.

45. О балканских войнах 1912—1913 гг. см.: «Первая Балканская война» (публикация документов с предисловием А. Попова), «Красный архив», 1925, т. I, стр. 3—31; т. 2, стр. 3—31; 1926, т. 2, стр. 1—29; т. 3, стр. 3—24; А. А. Могилевич, М. Э. Айрапетян, указ. соч., стр. 96—233, В. А. Упеник, Балканские войны 1912—1913 гг. и политика империалистических держав, «Преподавание истории в школе», 1950, № 3, стр. 28—45; К. Б. Виноградов, Дипломатия Австро-Венгрии и первая Балканская война. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 3, стр. 177—196.

46. Доклад Сазонова от 23 ноября (6 декабря) 1913 г. опубликован полностью в приложениях к книге А. Зайончковского «Подготовка России к мировой войне в международном отношении» (стр. 392—398). См. также: Я. М. Захер, Константинополь и проливы, «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 48—76, т. 7, стр. 32—54.

47. О торговых отношениях России с Германией, кроме указанной выше литературы, см.: М. Н. Соболев, История русско-германского торгового договора, Пг., 1915; И. М. Гольдштейн, Русско-германский торговый договор и задачи России, М., 1912; его же, Германские синдикаты и русский экспорт, М., 1914.

48. «Московские ведомости», 7 (20) марта 1914 г.

49. «Промышленность и торговля», 1911, № 12, стр. 533; «Русские ведомости», 19 ноября (2 декабря) 1913 г.

50. «Русские ведомости», 26 января (8 февраля) 1912 г.; «Промышленность и торговля», 1912, № 10. Несколько ранее (в № 3) журнал, процитировав в обзоре печати произведенные мной рассуждения «Русских ведомостей», оценил их как «вполне основательные».

51. «Речь», 30 декабря 1913 г. (12 января 1914 г.).

52. «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», М., 1922 (в дальнейшем: Материалы), стр. 633. В этом сборнике опубликована подборка русских дипломатических документов, относящихся к миссии Лимана фон Сандерса (стр. 629—694).

53. Материалы, стр. 624—626 (Всепопданнейший доклад Коковцова о поездке за границу от 19 ноября (2 декабря) 1913 г.).

54. Там же, стр. 637.

55. «Русские ведомости», 3 (16) декабря 1913 г.; «Биржевые ведомости», 3 (16) декабря 1913 г.; «Речь», 17 (30) декабря 1913 г.

56. В. И. Бовыкин, Русско-французские противоречия..., стр. 119.

57. Там же.

58. Материалы, стр. 481.

59. Там же, стр. 479.

60. Е. А. Адамов, указ. соч., «Константинополь и проливы», т. I, стр. 62—64.

61. «Вестник НКВД», 1919, № 1.

62. Там же. См., кроме того, указ. выше статьи Я. М. Захера и Е. Д. Адамова.

63. Р. Пуанкаре, Происхождение мировой войны, М., 1924, стр. 123.

64. М. О., сер II, т. 20, ч. 2, № 489 (Докладная записка Сазонова о его совещаниях с Пуанкаре от 4 (17) августа 1912 г.).

65. Материалы, стр. 697—718 (протоколы начальников генеральных штабов России и Франции за 1911—1913 гг.) Об отношениях России и Франции по военно-стратегическим вопросам более подробно см: Г. М. Деренковский, Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне первой мировой войны, «Исторические записки», т. 29, стр. 80—122; В. И. Бовыкин, Из истории франко-русских отношений накануне первой мировой войны, «Исторические записки», т. 50, стр. 142—168.

66. М. О., сер. II, т. 20, ч. 2, № 1034 (отчет Сазонова о поездке за границу от 2(15) октября 1912 г.).

66а. Об англо-русских отношениях см. указ. выше статью Г. М. Деренковского.

67. О подготовке австрийского ультиматума Сербии и о предшествующих ей переговорах между Австро-Венгрией и Германией см.: Н. П. Полетика, Возникновение мировой войны, М.—Л., 1935, стр. 317, 325, 343, 351, 492, 494, 497, 501, 502. В этой работе автор, анализируя огромный фактический материал, живо и увлекательно рассказывает о том, как была развязана первая мировая война. Значительное место в ней уделено освещению позиции России.

68. В. И. Бовыкин, Русско-французские отношения в период июльского кризиса 1914 г., «Вестник Московского университета». Историко-филологическая серия, 1956, № I, стр. 120.

69. М. О., сер. III, т. 4, № 112.

70. О беседах Сазонова 5(18) июля 1914 г. см.: М. О., сер. III, т. 4, № 272; Н. П. Полетика, указ. соч., стр. 340; С. Фей, указ. соч., т. II, стр. 174; В. И. Бовыкин, указ. статья в «Вестнике Московского университета», стр. 121.

71. О визите Паункаре в Петербург см.: М. Палеолог, Царская Россия во время мировой войны, М.—П., 1923, стр. 29—38; Ж. Луи, Записки посла, М., 1925; Н. П. Полетика, указ. соч., стр. 392—402; В. И. Бовыкин, указ. статья в «Вестнике Московского университета», стр. 121—129; С. Фей, указ. соч., т. II, стр. 175—181.

72. М. О., сер. III, т. 5, стр. 35; Н. П. Полетика, указ. соч., стр. 405. С. Фей, указ. соч., т. II, стр. 184—186.

73. М. Палеолог, указ. соч., стр. 47—48; Бьюкенен, Мемуары дипломата, М. (6 г.); Н. П. Полетика, указ. соч., стр. 406—409; С. Фей, указ. соч., т. II, стр. 186—187.

74. М. О., сер. III, т. 5, № 19.

75. М. О., сер. III, т. 5, № 25; Н. П. Полетика, указ. соч., стр. 310.

76. С. Фей, указ. соч., т. II, стр. 190.

77. М. Палеолог, указ. соч., стр. 49—50.

78. М. О., сер. III, т. 5, № 42, 80.

79. Н. П. Полетика, указ. соч., стр. 418—419; С. Фей, указ. соч., т. II, стр. 207—208.

80. М. О., сер. III, т. 5, № 48.

81. Там же, № 67, 76.

82. Там же, № 86, 116.

83. Там же, № 172.

84. Там же, № 124, 125.

85. Там же, № 168, 169, 170.

86. Н. П. Полетика, указ. соч., стр. 431—432, 435; С. Фей, указ. соч., т. II, стр. 288—289.

87. М. О., сер. III, т. 5, № 224, 238; Н. П. Полетика, указ. соч., стр. 440; С. Фей, указ. соч., т. II, стр. 291—292, 297—298.

88. М. О., сер. III, т. 5, № 284.

89. Там же.

90. Там же, № 385.

91. Там же, № 396.

92. «История дипломатии», т. II, стр. 261.

Глава VI

1. Японские империалисты надеялись захватить германские владения в Китае, ближе всего расположенные к сфере влияния Японии. См.: «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», М., 1956, стр. 250—259.

2. М. О., сер. III, т. 6, ч. 1, № 8.

3. Там же, № 41.

4. Там же, стр. 9, прим. 1.

5. Там же, № 49, 50.

6. Там же, № 24.

7. «История дипломатии», т. II, стр. 272.
 8. М. О., сер. III, т. 6, ч. 1, стр. 149. Примечание.
 9. Там же.
 10. М. О., сер. III, т. 6, ч. 1, № 161.
 11. Ф. И. Нотович, Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны, т. I, М.—Л., 1947, стр. 432.
 12. М. О., сер. III, т. 7, № 276.
 13. Сб. договоров, стр. 436—441.
 14. Там же, стр. 426—427.
 15. «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 216.
 16. М. О., сер. III, т. 10, № 288.
 17. О переговорах с Румынией, кроме указанной выше монографии Ф. И. Нотовича, см.: В. А. Емец, Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915—1916 гг.), «Исторические записки», т. 56; Ф. И. Нотович, Бухарестский мир 1918 г., М., 1959.
 18. При написании данного параграфа использованы материалы неопубликованной диссертации В. А. Емца «Русско-французские отношения по военным вопросам в период первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.)». Рукопись этой диссертации находится в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Автор приносит глубокую благодарность В. А. Емцу за данное им согласие на использование материалов его диссертации в настоящей книге.
 19. М. О., сер. III, т. 5, № 491.
 20. Н. Валентинов, Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 гг., ч. 1, М., 1920, стр. 22.
 21. См. публикацию документов «Восточно-прусская операция», М., 1939.
 22. Э. Фалькенгайн, Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях, М., 1923, стр. 64—66.
 23. Н. Валентинов, указ. соч., стр. 38.
 24. Э. Фалькенгайн, указ. соч., стр. 69.
 25. В. А. Емец, указ. диссертация, стр. 144.
 26. Н. Валентинов, указ. соч., стр. 49.
 27. М. О., сер. III, т. 8, ч. 2, № 538.
 28. Там же, стр. 106. Примечание.
 29. Там же, № 462.
 30. В. А. Емец, указ. диссертация, стр. 161.
 31. Там же, стр. 159—161. Кроме того, см.: А. М. Зайончковский, Мировая война 1914—1915 гг., изд. 3, М., 1938, т. 1, стр. 363; т. 2. Приложение.
 32. Х. Риттер, Критика мировой войны, Пг., 1923, стр. 132.
 33. В. А. Емец, указ. диссертация, стр. 178—179.
 34. Д. Ллойд-Джордж, Военные мемуары, т. I—II, М., 1934, стр. 323—324.
 35. «Миссия в Англию и Францию по вопросу снабжения России предметами вооружения», «Исторический архив», М.—Л., 1949, т. 4, стр. 351—386.
 36. Д. Ллойд-Джордж, указ. соч., т. I—II, стр. 317.
 37. Р. Пуанкаре, На службе Франции, М., 1936, кн. II, стр. 152.
 38. М. О., сер. III, т. 9, № 659; см. также «Красный архив», 1928, т. 3(28), стр. 18.
 39. В. А. Емец, указ. диссертация, стр. 295.
 40. «Красный архив», 1928, т. 3(28), стр. 48—50.
 41. О дальнейшей судьбе русских солдат во Франции см.: Г. М. Деренковский, Восстание русских солдат во Франции в 1917 г., «Исторические записки», т. 38, стр. 71—103; А. Е. Иоффе, Русско-французские отношения в 1917 г., № 1958, стр. 232—257.
- Об отношениях России с союзниками по вопросам военного снабжения см.: А. Л. Сидоров, Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 гг., «Исторические записки», т. 15; Д. С. Бабичев, Деятельность русского правительственного комитета в Лондоне в годы первой мировой войны (1914—1917), «Исторические записки», т. 57.

42. В. А. Емец, указ. диссертация, стр. 271—272.
43. Там же, стр. 273—276.
44. «Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 г.», М., 1940, № 1 (стр. 36).
45. Там же, № 8 (стр. 44).
46. Там же, № 77—112.
47. Э. Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 1, М., 1923, стр. 182.
48. В. А. Емец, указ. диссертация, стр. 337.
49. Там же, стр. 337—338.
50. «Наступление Юго-Западного фронта...», № 92 (стр. 179—180).
51. Об этом сообщал Жилинский в телеграмме Алексееву от 20 мая (2 июня) 1916 г. (В. А. Емец, указ. диссертация, стр. 339). См. также: «Наступление Юго-Западного фронта...», № 78.
52. Э. Фалькенгайн, указ. соч., стр. 243.
53. В. А. Емец, указ. диссертация, стр. 455.
54. О взаимоотношениях России с союзниками по финансовым вопросам см.: «Финансовые совещания союзников во время войны», «Красный архив», 1924, т. 5, стр. 50—81; В. Б. Бляхер и Д. Гринер, Займы дореволюционной России в годы первой мировой войны, «Советские финансы», 1947, № 5, стр. 36—41; А. П. Погребинский, Очерки истории финансов дореволюционной России, М., 1954, стр. 236—239.
55. Сб. договоров, стр. 425.
56. «История дипломатии», т. II, стр. 279.
57. Там же.
58. Там же, стр. 280. См. также: М. О., сер. III, т. 6, ч. 2, № 506.
59. М. О., сер. III, т. 6, ч. 2, № 511.
60. Там же, № 533.
61. Р. Пуанкаре, На службе Франции, М., 1936, кн. 1, стр. 340.
62. «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 110.
63. Сб. договоров, стр. 428—429.
64. Там же, стр. 431—432, 434.
65. Там же, стр. 431, 435. Более подробно о переговорах, предшествовавших соглашению о Константинополе и проливах, см.: «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 237—304; М. О., сер. III, т. 6—7; Ф. И. Нотович, Дипломатическая борьба..., стр. 353—390.
66. Сб. договоров, стр. 443—446; «Раздел Азиатской Турции», М., 1924, стр. 154—157.
67. «Раздел Азиатской Турции», стр. 160—161.
68. Там же, стр. 163—164, 166.
69. Там же, стр. 172—175.
70. «Раздел Азиатской Турции», стр. 185—188; Сб. договоров, стр. 448—451.
71. Сб. договоров, стр. 452—453.
72. Там же, стр. 454; «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 449.
73. «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 454.
74. Сб. договоров, стр. 455—456, 457; «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 455—456, 460.
75. См.: «История гражданской войны в СССР», т. 1, изд. 2, М., 1938, стр. 12—23; Е. Д. Черменский, Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России, М., 1959, стр. 47—51.
76. «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 405—411.
77. «История гражданской войны», т. 1, стр. 49—51.; Е. Д. Черменский, указ. соч., стр. 96—98; «История дипломатии», т. II, стр. 295.
78. «История гражданской войны», т. 1, стр. 47—48, 51—52; Е. Д. Черменский, указ. соч., стр. 93—96.
79. Бьюкенен, Мемуары дипломата, изд. 2, М., стр. 180.
80. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», М., 1957, № 324.
81. Там же, № 326.

82. Там же, № 329.
83. Там же, № 334.
84. А. Е. Иоффе, Русско-французские отношения в 1917 г., М., 1958, стр. 73. См. также: «Константинополь и проливы», т. I, стр. 468—474.
85. «История гражданской войны в СССР», т. I, изд. 2, 1938, стр. 82—83.
86. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», № 189.
87. «История гражданской войны», т. I, стр. 83.
88. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», № 353. О подготовке декларации см.: «История гражданской войны», т. I, стр. 83; А. Е. Иоффе, указ. соч., стр. 76—77; А. Л. Рубинштейн, Внешняя политика временного правительства, М., 1946, стр. 19—20.
89. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», № 283.
90. Н. Л. Рубинштейн, указ. соч., стр. 20.
91. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», М.—Л., 1957, ч. 2, № 589; «Константинополь и проливы», т. I, стр. 480—481.
92. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 484 (телеграмма Милюкова Извольскому от 17 (30) апреля 1917 г.)
93. Н. Л. Рубинштейн, указ. соч., стр. 24—25; «Константинополь и проливы», т. I, стр. 454.
94. «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис», М., 1958, № 738.
95. Там же, № 741, 742, 743, 744, 745, 747, 748, 750, 752, 754, 755.
96. Там же, № 740.
97. Там же, № 788, 790, 791.
98. «История гражданской войны», т. I, стр. 108; см. также: Н. Л. Рубинштейн, указ. соч., стр. 27.
99. «Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация», М., 1959, № 180.
100. Нота Терещенко французскому правительству (переданная 31 мая (13 июня) с отъезжавшим во Францию А. Тома) с предложением созыва конференции представителей союзных держав для пересмотра соглашения о конечных задачах войны («Константинополь и проливы», т. I, стр. 501—502).
101. «Экономическое положение России», ч. 2, № 586 (телеграмма Милюкова Извольскому от 20 марта (2) апреля 1917 г.).
102. Н. Л. Рубинштейн, указ. соч., стр. 32.
103. Ллойд Джордж, Военные мемуары, М., 1938, т. V, стр. 65.
104. С таким призывом обратился Рябушинский к представителям крупной буржуазии, собравшимся 3 (16) августа 1917 г. на Втором всероссийском торгово-промышленном съезде в Москве. Этот призыв был с восторгом встречен присутствовавшими: См. «Экономическое положение России...», ч. I, № 80.
105. См. об этом: А. Е. Иоффе, указ. соч., стр. 279—307.
106. А. Е. Иоффе, указ. соч., стр. 318—319; см. также: Г. К. Селезнев, Тень доллара над Россией, М., 1957, стр. 47—48. По соглашению первоначально предусматривалось, что США возьмут на себя реорганизацию железных дорог, Англия — военного флота, Франция — армии. В дальнейшем оно было видоизменено: Англия получила в свою «сферу» Мурманскую дорогу, Франция — западные и южные дороги, а США была оставлена Великая Сибирская магистраль.
107. А. Е. Иоффе, указ. соч., стр. 319—320.
108. Г. К. Селезнев, указ. соч., стр. 40—43, 56—57; Н. Л. Рубинштейн, указ. соч., стр. 47—48.
109. Г. К. Селезнев, указ. соч., стр. 70—73.
110. Бьюкенен, указ. соч., стр. 267.
111. А. Е. Иоффе, указ. соч., стр. 228.
112. Н. Л. Рубинштейн, указ. соч., стр. 53; А. Е. Иоффе, указ. соч., стр. 316—317.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. От союза трех императоров к союзу с Францией	3
§ 1. Ухудшение отношений России с Германией	—
§ 2. Складывание франко-русского союза	11
Глава II. В борьбе за колонии и сферы влияния	18
§ 1. Активизация колониальной политики России	—
§ 2. Экономическая экспансия царской России и на Дальнем Востоке	28
§ 3. Переход царской России к политике военных захватов на Дальнем Востоке	31
§ 4. Кризис дальневосточной политики царизма	31
Глава III. В борьбе с революцией	42
§ 1. Заключение мира с Японией	—
§ 2. Получение займа на подавление революции	50
Глава IV. На перепутье	54
§ 1. Изменения в расстановке политических сил в Европе в начале XX в.	—
§ 2. Разногласия в правящих кругах царской России по вопросам внешне-политической ориентации	55
§ 3. Англо-русское соглашение	59
§ 4. Боснийский кризис	70
§ 5. После Боснийского кризиса	89
§ 6. Потсдамское соглашение	92
Глава V. На путях к мировой войне	98
§ 1. Нарастание угрозы войны в Европе	—
§ 2. Движущие силы внешней политики царской России накануне мировой войны	104
§ 3. Агадирский кризис и демарш Чарыкова	110
§ 4. Царская Россия и Балканские войны	118
§ 5. Обострение русско-германских противоречий	132
§ 6. Россия и ее союзники	143
§ 7. Июльский кризис	146
Глава VI. В годы войны	161
§ 1. Борьба за союзников	—
§ 2. Отношения России с союзниками по вопросам ведения войны	169
§ 3. Борьба за раздел будущей добычи	179
§ 4. Два заговора	186
§ 5. Внешняя политика Временного правительства	192
<i>Примечания</i>	204

Валерий Иванович Бовыкин
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Редактор *Ю. С. Аксенов*
Редактор карт *Е. В. Смирнова*
Художник *М. В. Серегин*
Художественный редактор *М. Л. Фрам*
Технические редакторы *Л. Д. Шварцбрейм*
и *М. Д. Козловская*
Корректор *А. А. Рукосуева*

* * *

Сдано в набор 5/IV 1960 г. Подписано к печати 23/V 1960 г. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 13,5+
+0,25 вкл.) Уч.-изд. л. 14,01+0,17 вкл.
Тираж 14 тыс. экз. А06002

Цена без переплета 3 р. 90 к.,
переплет 1 р. 50 к.

* * *

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной
рощи, 41.

Полиграфкомбинат Саратовского совнархоза,
г. Саратов, ул. Чернышевского, 59,
Заказ № 1375

1880

1880